250/806

250
806

В.И. АЛЬБАНОВЪ

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

750 / 806

В. АЛЬБАНОВЪ

ЗАПИСАНА В ИНВЕНТАР
БИБЛИОТЕКИ „ЗЕМГОР"
под № 14430
10/XII 1928

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ и СМЕРТЬЮ

(ДНЕВНИКЪ УЧАСТНИКА ЭКСПЕДИЦІИ БРУСИЛОВА)

БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ „ЗЕМГОР" БѢлград, Кр. Петра, 79

1925
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЛОВО"
БЕРЛИНЪ

1926 -3 XII

Государственная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 22787 1963

Copyright 1925 by Slowo-Verlag, Berlin.
Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ языкахъ, принадлежатъ Издательству «Слово», Берлинъ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЭКСПЕДИЦІИ БРУСИЛОВА.

Помѣщаемый ниже «дневникъ» принадлежитъ Валеріану Ивановичу Альбанову, штурману погибшей полярной экспедиціи лейтенанта Брусилова, вырвавшемуся вмѣстѣ съ однимъ изъ участниковъ экспедиціи изъ когтей смерти.

Цѣлью этой несчастной экспедиціи являлась охота за тюленями, дельфинами и бѣлыми медвѣдями около сѣверныхъ береговъ Сибири, на морскомъ пути изъ Атлантическаго въ Тихій океанъ.

Во главѣ экспедиціи стоялъ ея начальникъ и хозяинъ—лейтенантъ Георгій Львовичъ Брусиловъ, побывавшій уже въ водахъ Ледовитаго океана въ качествѣ вахтеннаго начальника на одномъ изъ ледоколовъ Гидрографической экспедиціи Сѣвернаго Ледовитаго океана въ 1911 году.

Въ 1912 году лейтенантъ Брусиловъ, задумавъ эту экспедицію, купилъ въ Англіи, хотя и старую, но еще хорошо сохранившуюся паровую шхуну «Pandora II», которую переименовалъ въ «Св. Анну». Судно имѣло общее водоизмѣщеніе около 1000 тоннъ и машину въ 41 лошадиную силу. Отремонтировавъ судно и снабдивъ необходимымъ для полярнаго плаванія провіантомъ, углемъ и всѣмъ прочимъ на полуторагодовой срокъ, лейтенантъ Брусиловъ отправился на немъ 28-го іюля 1912 г. [1]) изъ Петербурга въ полярное плаваніе.

---

[1]) Всѣ числа приводятся по старому стилю.

Обогнувъ берега Скандинавіи, «Св. Анна» благополучно пришла въ Екатерининскую гавань на Мурманѣ, гдѣ была укомплектована какъ судовой, такъ и промысловой командою. Послѣ чего, 28 августа вышла прямымъ курсомъ въ Карское море.

Окончательный составъ экипажа «Св. Анны» былъ слѣдующій: Начальникъ экспедиціи и командиръ судна, лейтенантъ Г. Л. Брусиловъ, помощникъ, штурманъ В. И. Альбановъ; гарпунеры — Вячеславъ Шленскій и Михаилъ Денисовъ; боцманъ Иванъ Потаповъ; старшій рулевой Петръ Максимовъ; матросы — Александръ Кондратъ, Густавъ Мельбардъ, Іоганнъ Параприцъ, Евгеній Шпаковскій, Ольгердъ Нильсонъ, Иванъ Луняевъ, Иванъ Пономаревъ, Прохоръ Баевъ, Александръ Шахнинъ, Павелъ Смиренниковъ, Гавріилъ Анисимовъ, Александръ Архиреевъ; машинисты — Яковъ Фрейбергъ и Владиміръ Губановъ; кочегаръ Максимъ Шабатура; поваръ Игнатій Калмыковъ и вѣстовой Янъ Регальтъ. Наконецъ, въ составъ экспедиціи вошла также Ерминія Александровна Жданко, умѣвшая ходить за больными и согласившаяся замѣнить, хотя отчасти, не прибывшаго въ экспедицію врача. Всего пошло въ плаваніе 24 человѣка.

Итакъ, какъ видно изъ дошедшаго до насъ извлеченія изъ вахтеннаго журнала Брусилова, 28-го августа 1912 г. вечеромъ снялись и вышли въ море и 2-го сентября пришли въ становище Хабарово въ Югорскомъ Шарѣ, гдѣ узнали, что ледъ изъ Югорскаго Шара вышелъ около двухъ недѣль тому назадъ.

Того же числа при туманной погодѣ пошли далѣе Югорскимъ Шаромъ, причемъ по пути встрѣтили шхуну «Нимродъ» экспедиціи по доставкѣ и установкѣ станціи безпроволочнаго телеграфа, а затѣмъ 3-го сентября подошли къ стоявшему у острова Сокольничьяго пароходу той же экспедиціи «Вассіану», который, какъ оказалось, нѣсколько разъ дѣлалъ попытки пробраться въ Маре-Сале, оставшіяся безуспѣшными въ виду непроходимаго льда.

3-го же сентября пришли къ строющейся радіо-станціи, откуда вышли 4-го сентября, направляясь въ Карское море, гдѣ встрѣтили сначала рѣдкій, а затѣмъ густой ледъ, лавируя между которымъ старались пройти къ Ямалу.

5-го сентября были остановлены льдомъ, черезъ который только на слѣдующій день удалось пробраться къ чистой водѣ, въ которую и вошли 7-го сентября, причемъ этотъ день шли, все время мѣняя курсъ изъ за встрѣчнаго льда.

Такое же плаваніе съ неоднократными остановками продолжалось и въ слѣдующіе дни, послѣ чего 10-го сентября вышли къ свободной водѣ и пошли широкимъ каналомъ, покрытымъ шугой, которымъ и шли до вечера 11-го сентября, когда судно было остановлено льдомъ.

15-го сентября стали дѣлать каналъ къ появившейся недалеко отъ судна полыньѣ и вечеромъ 18-го сентября пробились на чистую воду, но вынуждены были остановиться для починки погнувшагося румпеля.

До 28-го сентября при безпрерывно мглистомъ горизонтѣ, съ неоднократными остановками, шли постоянно мѣняя курсъ, то пробиваясь къ полыньямъ, то идя по нимъ, то лавируя между льдомъ. 25-го сентября былъ убитъ первый тюлень. 28-го сентября наблюдалось первое сѣверное сіяніе. Положеніе въ этотъ день было 71° 53' N и 67° 30' Ost.

Съ 29-го сентября до 1-го октября судно дрейфовало со льдомъ. 3-го октября лейтенантъ Брусиловъ съ партіей въ 6 человѣкъ и съ картами отправился на берегъ Ямала, находившійся въ 8 миляхъ, чтобы выбрать мѣсто для зимовки, которая представлялась неизбѣжной. 4-го октября партія добралась до берега и 6-го вернулась обратно.

9-го октября на берегъ была отправлена партія въ 7 человѣкъ для сбора плавника. 13-го партія вернулась обратно.

Съ 16-го октября, когда положеніе судна опредѣлено было 71° 47′ N, начинается дрейфъ судна со льдомъ, съ того времени не прекращавшійся.

Въ виду невозможности построить домъ на берегу, на льду около судна была выстроена баня. Команда на суднѣ жила въ двухъ помѣщеніяхъ: носовомъ кубрикѣ на 8 человѣкъ съ двумя каютами по два человѣка въ каждой (все это помѣщеніе отапливалось одной печкой) — и въ кормовомъ, состоявшемъ изъ четырехъ двойныхъ каютъ, въ которыхъ помѣщалось 7 человѣкъ. Въ надпалубной постройкѣ помѣщались начальникъ экспедиціи лейт. Брусиловъ, штурманъ Альбановъ, г-жа Жданко и два гарпунера. Нижнее кормовое помѣщеніе отапливалось камбузомъ, а верхнее двумя печами. Жизнь шла довольно легко, такъ какъ въ помѣщеніяхъ было тепло и пища была удовлетворительная.

28-го ноября въ вахтенномъ журналѣ сдѣлана слѣдующая запись: «Замѣчено, что судно періодически несетъ то въ одну сторону, то въ другую, независимо отъ вѣтра. Временами судно стоитъ. Предполагаемъ вліяніе приливовъ и отливовъ».

Угля въ то время было всего 320 пудовъ и досокъ 430 штукъ, которыя и предположено жечь для отопленія по двѣ штуки въ день.

8-го декабря былъ убитъ первый медвѣдь; въ теченіе зимы ихъ затѣмъ было убито очень значительное количество.

Съ половины декабря начались заболѣванія участниковъ экспедиціи какою то неизвѣстной болѣзнью. Больны были — начальникъ экспедиціи, штурманъ и нѣсколько человѣкъ изъ команды; для послѣднихъ въ банѣ былъ устроенъ лазаретъ. Къ половинѣ января 1913 года всѣ больные поправились за исключеніемъ лейтенанта Брусилова, который проболѣлъ значительно дольше и началъ поправляться только въ половинѣ марта; окончательно же поправился онъ только къ лѣту.

Дрейфъ въ декабрѣ шелъ въ сѣверномъ направленіи. Для встрѣчи праздника Рождества Христова для команды

былъ устроенъ обѣдъ въ большомъ верхнемъ салонѣ; тамъ же встрѣчали и Новый Годъ. Морозъ въ январѣ былъ очень силенъ; температура спускалась ниже 35° R. 31-го января впервые увидали солнце въ 1913 году.

Въ началѣ марта были спущены двѣ шлюпки и поставлены на ледъ въ 150 шагахъ отъ судна; на нихъ былъ погруженъ запасъ провизіи на два мѣсяца; сдѣлано это было на случай несчастья съ судномъ.

Кругомъ судна въ различномъ отъ него разстояніи все время замѣчалось много полыней, то расходившихся, то закрывавшихся. 8-го апрѣля появилась первая птица — пуноха. Впослѣдствіи появилось значительное количество птицъ различныхъ породъ.

Въ маѣ стали подготовлять судно къ плаванію — тянули такелажъ, исправляли поврежденія; приготовленія эти, однако, оказались напрасными, такъ какъ вывести судно изъ сковавшаго его льда оказалось невозможнымъ, несмотря на сдѣланныя попытки взрывать ледъ пороховыми минами и пробить каналъ къ находившейся неподалеку отъ судна полыньѣ. Температура въ началѣ іюня поднималась до + 16° R. 16-го іюля вышелъ весь запасъ дровъ.

5-го августа видъ и состояніе льдовъ убѣдили въ невозможности освободить судно и поэтому начали готовиться ко второй зимовкѣ, для чего разобрали каюты въ нижнемъ кормовомъ помѣщеніи, отапливаемомъ камбузомъ, чтобы перевести туда всю команду. Лейтенанъ Брусиловъ помѣстился въ хронометрической каютѣ.

Въ концѣ іюля начались морозы и въ началѣ августа пошелъ первый снѣгъ. Погода по преимуществу туманная.

9-го сентября отставленъ отъ исполненія своихъ обязанностей штурманъ Альбановъ.

Въ эту осень замѣчается отсутствіе звѣря, несмотря на тщательные поиски его, предпринимавшіеся въ виду ощу-

щаемаго недостатка мяса; только 10-го октября удалось убить одного медвѣдя и въ разное время нѣсколько штукъ тюленей.

Команда занималась работами по поддержанію въ порядкѣ судна, по исправленію поврежденій и охотой. Многіе изъ команды по собственному желанію пользовались свободнымъ временемъ для изученія морскихъ наукъ, англійскаго языка и обращенія съ моторомъ.

Для встрѣчи Рождества былъ, по примѣру предыдущаго года, устроенъ общій праздничный обѣдъ.

На топливо для помѣщеній разбирали переборки на суднѣ и другія несущественныя его части; утсроено было приспособленіе для отопленія машиннымъ масломъ и жиромъ.

22-го января 1914 г. команда обратилась къ начальнику экспедиціи съ просьбой разрѣшить имъ, по примѣру штурмана Альбанова, рѣшившаго попытаться по льду на нартахъ и каякѣ достигнуть земли, также строить каяки и отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Убѣжденія Брусилова остаться на суднѣ подѣйствовали только на часть команды и восемь человѣкъ рѣшили остаться. На оставленіи другихъ лейтенантъ Брусиловъ не продолжалъ настаивать, такъ какъ съ ихъ уходомъ облегчалось разрѣшеніе вопроса съ продовольствіемъ, которое оставалось въ очень ограниченномъ количествѣ. Для остающихся на суднѣ восьми человѣкъ команды, начальника экспедиціи Брусилова и г-жи Жданко запасовъ провизіи должно было хватить на значительное время. По разрѣшеніи вопроса объ уходѣ, приступили къ приготовленіямъ къ путешествію и постройкѣ нартъ и каяковъ.

15-го февраля впервые въ 1914 году показался верхній край солнца.

27-го февраля введено сокращеніе въ расходованіи сухарей и хлѣба: хлѣба выдается по ½ фунта четыре раза

въ недѣлю и въ эти дни полагается еще по ½ фунта сухарей. Въ остальные дни выдается по ¾ фунта сухарей.

6-го апрѣля для встрѣчи Пасхи былъ устроенъ пасхальный столъ, а съ 7-го апрѣля уходящіе приступили къ окончательнымъ приготовленіямъ въ путь, въ который и отправились въ 8 часовъ вечера 10-го апрѣля.

Вотъ краткій перечень главныхъ подробностей этого злополучнаго плаванія, какъ уже сказано выше, извлеченныхъ изъ вахтеннаго журнала «Св. Анны», отъ выхода судна изъ Екатерининской гавани до оставленія его партіей Альбанова.

Нанеся всѣ данныя о положеніи судна въ разное время на прилагаемую карту (I), мы получаемъ весь путь «Св. Анны». Нанесенная на нашу карту кривая прерывающейся линіей означаетъ путь подъ парами и пунктирной линіей — путь въ дрейфѣ со льдомъ. Эти линіи показываютъ намъ, что до начала октября 1912 года судно имѣло произвольныя движенія; около этого времени оно было затерто льдами близъ западнаго берега полуострова Ямала въ широтѣ 70° 41' и простояло здѣсь неподвижно до 15-го октября. Съ этого дня начался дрейфъ со льдами. До 19 ноября судно несло со льдомъ почти по меридіану на сѣверъ вдоль берега Ямала. Затѣмъ, нѣсколько сѣвернѣе широты острова Бѣлаго дрейфъ сталъ уклоняться къ востоку, но вскорѣ снова пошелъ въ сѣверномъ направленіи, что продолжалось до 27-го января 1913 г. Далѣе, до конца февраля наблюдается новое отвлеченіе дрейфа къ востоку, послѣ чего направленіе его, сохраняя общее поступательное движеніе къ сѣверу, склоняется постепенно къ западу. Это западное склоненіе настолько сильно, что 30 сентября 1913 года судно, послѣ пересѣченія 80 параллели, находилось лишь въ какихъ нибудь 50 миляхъ къ востоку отъ архипелага Франца Іосифа. Затѣмъ дрейфъ льдовъ направляется параллельно архипелагу Франца Іосифа прямо

къ сѣверу и въ концѣ 1913 года пересѣкаетъ 82° с. ш. Отсюда дрейфъ круто поворачиваетъ на западъ. За этой широтой оканчиваются сѣверные предѣлы Земли Франца Іосифа. Это западное по преимуществу направленіе дрейфа продолжается до середины февраля 1914 года, затѣмъ оно рѣзко мѣняетъ свое направленіе на сѣверное со склоненіемъ къ востоку и въ конечномъ результатѣ «Св. Анна» выносится со льдомъ на 83° 18' с. ш. и 60° вост. долг., гдѣ мы 14 апрѣля и разстаемся съ этимъ судномъ, чтобы, можетъ быть, никогда больше ничего не узнать о его дальнѣйшей судьбѣ.

Изъ сопоставленія данныхъ метеорологическаго журнала, дошедшаго до насъ, мы можемъ констатировать, что въ большинствѣ случаевъ направленіе дрейфа стоитъ въ тѣсной зависимости отъ направленія господствовавшихъ вѣтровъ; однако, направленіе дрейфа находилось кромѣ того еще въ не менѣе значительной зависимости и отъ доминирующихъ въ полярной области сезонныхъ вѣтровъ, которыми и обусловливается болѣе или менѣе значительная устойчивость въ направленіи дрейфа по сезону и мѣсту.

За періодъ, доступный нашему наблюденію — съ 15 октября 1912 г. по 14-го апрѣля 1914 г., т. е. за 546 сутокъ, судно описало кривую свыше 2000 морск. миль длиною, имѣя суточную скорость около 3,5 миль.

Сейчасъ прошло съ момента оставленія партіей Альбанова судна почти десятъ лѣтъ; на немъ оставалось въ то время 11 человѣкъ: Г. Л. Брусиловъ, Е. А. Жданко, оба гарпунера, боцманъ, машинистъ Фрейбергъ, матросы: Мельбардъ, Параприцъ, Анисимовъ, Пономаревъ и Шахнинъ; кочегаръ Шабатура и поваръ Калмыковъ.

Провизіи оставалось, по расчету Брусилова, на одинъ годъ, топливо же все было израсходовано и отапливать судно приходилось уже частями его самого.

Направленіе дрейфа, надо думать, основываясь на всѣхъ

извѣстныхъ намъ данныхъ о физической природѣ Сѣвернаго Ледовитаго океана, въ ближайшіе мѣсяцы продолжало идти преимущественно въ сѣверномъ направленіи, а затѣмъ поворотило къ западу и приняло направленіе аналогичное тому, какое мы знаемъ изъ опыта экспедиціи Нансена на «Фрамѣ». Этотъ дрейфъ судна «Фрамъ» со льдомъ изображенъ на нашей картѣ (I) волнообразною линіею. Направленіе его идетъ сначала на нордъ-вестъ, затѣмъ, послѣ достиженія кульминаціонной точки на сѣверѣ, въ вестовомъ и зюйдъ-вестовомъ и, наконецъ, въ зюйдовомъ направленіи, т. е. идетъ въ сторону Атлантическаго океана.

Допуская, что въ дальнѣйшемъ направленіе и скорость дрейфа «Св. Анны» будутъ соотвѣтствовать направленію и скорости «Фрама», мы можемъ заключить, что она будетъ черезъ извѣстный промежутокъ времени вынесена въ Атлантическій океанъ. Однако, мы должны признать, что между положеніемъ того и другого судна существовала значительная разница въ отношеніи времени года; такъ корабль «Фрамъ» находился въ 1895 году на 60 меридіанѣ 15 (27) ноября и окончилъ свое пассивное плаваніе во льдахъ въ долготѣ 12° 30' семь мѣсяцевъ спустя, 15 (27) іюня 1896 года, въ раіонѣ къ сѣверу отъ Шпицбергена, когда онъ вышелъ на чистую воду; «Св. Анна» находилась на 60° долготы 14 апрѣля 1914 года и, слѣдовательно, если предположить, что ее несло съ соотвѣтствующей дрейфу «Фрама» скоростью, то она должна была достигнуть долготы Шпицбергена не раньше ноября 1914 года, т. е. въ самое неблагопріятное время года, когда нельзя разсчитывать ни на освобожденіе изо льда, ни на возможность предпринять санную экспедицію къ Шпицбергену.

Лѣтомъ 1915 года къ сѣверо-западнымъ берегамъ Шпицбергена русское правительство посылало спеціальное судно для розысковъ этой экспедиціи; кромѣ того, находилось въ различныхъ мѣстахъ около этихъ береговъ Шпицбергена и

нѣсколько тюленепромышленныхъ норвежскихъ судовъ, но нигдѣ никакихъ слѣдовъ экспедиціи Брусилова обнаружено не было. Несчастные участники ея до осени 1915 года могли еще кое-какъ влачить жалкое существованіе въ тѣхъ помѣщеніяхъ судна, которыя не пошли на дрова, но затѣмъ, вынесенные къ этому времени въ предѣлы холоднаго Гренландскаго теченія, идущаго съ сѣвера между Гренландіей, Янъ-Майеномъ и Исландіей, должны были искать спасеніе на шлюпкахъ. Теоретически разсуждая, въ теченіе лѣта и осени 1915 года можно еще было ожидать, что кто-либо изъ участниковъ обнаружится гдѣ-либо въ жилыхъ мѣстахъ Шпицбергена, Гренландіи или Исландіи. Не нашлось до сихъ поръ и никакихъ слѣдовъ корабля или предметовъ снаряженія... Экспедицію лейтенанта Брусилова поэтому надо считать безслѣдно погибшей!

Обращаясь къ партіи штурмана Альбанова, мы видимъ, что 10 апрѣля 1914 года, въ день оставленія ею судна на 82° 55' сѣв. шир. и 60° 45' вост. долг. она состояла изъ 14 человѣкъ. Отойдя отъ судна всего лишь на 5 верстъ, партія была вынуждена вслѣдствіе снѣжной метели остановиться и простоять на этомъ мѣстѣ до 14 апрѣля. Въ теченіе этой остановки партію посѣщали товарищи съ судна и 14 апрѣля по сдѣланнымъ астрономическимъ наблюденіямъ выяснилось, что въ этотъ моментъ положеніе судна, а, слѣдовательно, и партіи Альбанова было 83° 18' с. ш. и 60° вост. долг., т. е. значительно сѣверо-западнѣе. Съ этого пункта, собственно, и началась санная экспедиція.

На десятый или одиннадцатый день по оставленіи судна, когда партія находилась уже въ 40 верстахъ отъ него, отдѣлились отъ нея, съ цѣлью вернуться на судно, матросы Пономаревъ и Шахнинъ и кочегаръ Шабатура.

Такимъ образомъ окончательный составъ партіи, отправившейся на Землю Франца Іосифа, опредѣлился въ 11 человѣкъ, а именно: начальникъ партіи штурманъ Альбановъ,

старшій рулевой Максимовъ, матросы Баевъ, Нильсенъ, Кондратъ, Архиреевъ, Шпаковскій, Луняевъ и Смиренниковъ, кочегаръ Губановъ и вѣстовой Регальдъ.

Снаряженіе состояло изъ: 7 каяковъ, 7 нартъ, 14 паръ лыжъ, 1 большой палатки, 13 малицъ, 1 совика, 2 винтовокъ Ремингтона, 1 винтовки норвежской, 2 двустволокъ дробовыхъ, 1250 штукъ патроновъ, 2 компасовъ, 1 хрономера, 1 секстана, 1 бинокля, 1 механическаго лага, 2 гарпуновъ, 2 топоровъ, 1 пилы, 1 кухни, 14 дорожныхъ сумокъ. Кромѣ того имѣлось: 14 фунтовъ бензину, 20 фунтовъ тюленьяго жиру и 9 фунтовъ краски на олифѣ для смазки каяковъ.

Запасы провизіи расчитаны были на 2 мѣсяца и заключались въ слѣдующемъ: сухарей 30 пудовъ, гороху молотаго 1 пудъ, сушенаго мяса 20 фунтовъ, мяса въ консервахъ 1 пудъ, манной крупы 10 фунтовъ, сушеной зелени 10 фунтовъ, луку 20 фунтовъ, сушеныхъ фруктовъ 5 фунтовъ, консервированнаго молока 27 фунтовъ, масла 5 фунтовъ, чаю 10 фунтовъ, сахару 14 фунтовъ, шоколаду 5 фунтовъ, соли 1 пудъ, перцу 2 фунта и горчицы 3 фунта.

Путешествіе этой партіи являлось вынужденнымъ, а потому и не удивительно, что все снаряженіе и снабженіе продовольствіемъ и проч. не соотвѣтствовало тѣмъ нормамъ и требованіямъ, какія обыкновенно примѣняются къ полярнымъ саннымъ партіямъ. Такъ, снаряженіе прежде всего являлось слишкомъ громоздкимъ и весьма примитивнаго характера. Продовольствія хотя и приходилось по 2 фунта на человѣка въ день, но по своему питательному составу оно мало отвѣчало физіологическому режиму полярнаго путешествія. Продовольствіе состояло на 82% изъ сухарей. Безъ охоты, партія не могла бы существовать двухъ мѣсяцевъ. Въ дѣйствительности же ей пришлось провести на льду, до Земли Франца Іосифа, 76 дней. Собакъ партія не имѣла, и грузы приходилось передвигать на неудобныхъ нартахъ со слишкомъ узкими полозьями собственными силами. По сравне-

нію съ грузами другихъ санныхъ полярныхъ экспедицій, грузъ, причитавшійся на каждую нарту въ нашей партіи, былъ слишкомъ тяжелъ. Такъ, вѣсъ каяка и нарты равнялся 2½—3 пудамъ, нагрузка нарты достигала 7½ пудовъ, такъ что каждая нарта съ каякомъ и грузомъ вѣсила 10—10½ пудовъ. Между тѣмъ, если въ другихъ экспедиціяхъ вѣсъ нартъ съ нагрузкой и достигалъ 13—16 пудовъ, то тяга ихъ производилась по крайней мѣрѣ собаками.

Однако, самымъ слабымъ мѣстомъ снаряженія нашей партіи являлась навигаціонная часть, а именно отсутствіе хотя бы сколько нибудь сносной карты Земли Франца Іосифа и прилегающихъ къ ней частей океана. Единственное, чѣмъ въ этомъ отношеніи обладалъ Альбановъ, была небольшая карта Земли Франца Іосифа, приложенная къ сокращенному русскому изданію описанія путешествія Нансена «Среди льдовъ во мракѣ ночи». Эта карта представляла архипелагъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изображался въ 1896—1897 гг.; на ней было немало существенныхъ неточностей, которыя къ моменту снаряженія экспедиціи Брусилова были, однако, уже исправлены экспедиціями предыдущаго періода, особенно трудами Уэльмана, Джэксона и Герцога Абруцкаго. Такъ, напримѣръ, на ней были показаны несуществующія земли Петермана, Короля Оскара, Гиллиса, а также неправильно далеко вынесены на сѣверъ границы Земли Александры и Кронпринца Рудольфа и проч. Этой картой пришлось пользоваться Альбанову и притомъ прокладывать на ней свои курсы къ югу какъ разъ чрезъ самыя неправильныя показанія карты, а именно по несуществующей Землѣ Петермана къ несуществующей Землѣ Короля Оскара и отсюда къ неправильно показаннымъ сѣвернымъ предѣламъ Земли Александры.

На нашей картѣ (II) маршрута санной экспедиціи Альбанова эти несуществующія части обозначены штриховкою.

Принимая во вниманіе все сказанное, мы поймемъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи долженъ былъ находиться Альбановъ, скитаясь со своей партіей по ледяной пустынѣ и не встрѣчая на своемъ пути ожидаемыхъ земель, поймемъ и его запись въ дневникѣ: «или моя карта ни къ чорту не годится, или мы дрейфуемъ гдѣ-нибудь между Землею Александры и Шпицбергеномъ, причемъ мы уже миновали Землю Гиллиса, не видавъ ея».

Познакомивъ читателя со снаряженіемъ, а также добавивъ, что изъ 11 человѣкъ этой партіи только четверо были моряками, остальные же попали въ экспедицію случайно, соблазнившись хорошимъ заработкомъ отъ ожидаемаго промысла, станетъ понятнымъ также, сколько энергіи и самообладанія пришлось имѣть Альбанову, чтобы при такихъ условіяхъ довести эту разношерстную ватагу, состоявшую въ значительной степени изъ людей, не учитывавшихъ серіозности положенія и весьма равнодушныхъ къ своей судьбѣ, до конечной цѣли путешествія — Земли Франца Іосифа, потерявъ на переходѣ по льду всего лишь одного человѣка.

Изучая дневникъ Альбанова, мы видимъ, что весь походъ его партіи можетъ быть разбитъ на три части: 1) маршъ по льду къ югу, 2) дрейфъ къ югу со льдомъ и 3) переходъ берегомъ по Землѣ Франца Іосифа и около ея берега на каякахъ.

За промежутокъ времени съ 10 апрѣля по 30 мая партія, преодолѣвъ огромныя трудности, продвинулась къ югу до 82° сѣверной широты, пройдя по льду 165 верстъ. Къ этому моменту состояніе льда стало настолько неблагопріятнымъ, что партіи приходилось дѣлать долгія остановки. Къ счастью, съ этого времени стали господствовать сѣверные вѣтры и движеніе ледяныхъ полей приняло южное направленіе. Въ такомъ пассивномъ передвиженіи партія Альбанова провела, не мѣняя мѣста своего лагеря на льду, до 9-го іюня, когда ледъ принесло теченіемъ и вѣтромъ почти къ самой запад-

ной оконечности Земли Александры. За этотъ десятидневный промежутокъ пройдено въ южномъ направленіи около 180 верстъ.

Одолѣвъ послѣднія 35 верстъ, отдѣлявшія партію отъ берега, и достигнувъ, послѣ тяжелой борьбы, Земли Александры только 25 іюня, путникамъ оставалось еще преодолѣть до 200 верстъ, отдѣлявшихъ ихъ отъ мыса Флоры, на южномъ берегу острова Нордбрукъ, гдѣ можно было разсчитывать, если не найти случайно находившихся тамъ людей, то по крайней мѣрѣ найти оставленныя зимовья послѣднихъ полярныхъ экспедицій.

Эта послѣдняя часть экспедиціи, казалось бы, наиболѣе легкая, въ дѣйствительности явилась роковой для большей части участниковъ. Мы уже упомянули, что на переходѣ по льду въ океанѣ пропалъ безъ вѣсти одинъ изъ участниковъ — матросъ Баевъ. Нынѣ же на переходѣ по Землѣ Франца Іосифа умерли отъ истощенія силъ матросы Архиреевъ и Нильсенъ; отрядъ изъ матросовъ Максимова, Губанова и Смиренникова и вѣстового Регальдъ пропалъ безъ вѣсти на переходѣ берегомъ между мысами Ниль и Грантъ и, наконецъ, матросы Шпаковскій и Луняевъ унесены во время шторма 7 іюня въ море, гдѣ также пропали безъ вѣсти. Такимъ образомъ, лишь Альбановъ и Кондратъ благополучно достигли мыса Флоры, потративъ на весь переходъ 90 дней, и были затѣмъ случайно сняты отсюда зимовавшимъ въ этомъ архипелагѣ судномъ полярной экспедиціи лейтенанта Сѣдова «Св. Фокой».

Несмотря на печальный конецъ экспедиціи лейтенанта Брусилова, поглотившій 22 человѣческихъ жизни, ея опытъ не прошелъ даромъ и получилъ для насъ большое научное и практическое значеніе. Благодаря Альбанову, доставившему намъ горькія наблюденія этой экспедиціи, мы теперь освѣдомлены въ природныхъ условіяхъ плаванія въ тѣхъ раіонахъ,

въ которыхъ до «Св. Анны» не приходилось плавать ни одному судну.

Такъ, прежде всего мы теперь знаемъ о существованіи дрейфа чрезъ все Карское море и часть Ледовитаго океана отъ Байдарацкой губы до Земли Франца Іосифа. Фактъ этотъ имѣетъ чрезвычайно важное практическое значеніе, такъ какъ даетъ намъ ясныя указанія, какой опасности могутъ подвергаться въ Карскомъ морѣ въ нѣкоторые годы суда, находящіяся на пути изъ Европы въ устья Оби и Енисея. Далѣе, во время дрейфа со «Св. Анны» было сдѣлано значительное число промѣровъ, ознакомившихъ насъ съ глубинами въ раіонѣ пути ея. Цѣнны также и метеорологическія наблюденія, которыя не прерывались во время всего плаванія и, наконецъ, партія Альбанова прошла по мѣстамъ предполагаемыхъ земель Петермана и Короля Оскара и вторично, послѣ экспедиціи Герцога Абруцкаго, подтвердила ихъ несуществованіе измѣреніемъ на мѣстѣ ихъ глубинъ свыше 380 саженъ.

Л. Брейтфусъ.

ПОХОДЪ ПО ЛЬДУ ШТУРМАНА В. И. АЛЬБАНОВА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Прошли уже годы съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ шхуну «Св. Анна» экспедиціи лейтенанта Брусилова, затертую льдами и уже полтора года медленно дрейфовавшую на сѣверъ вокругъ архипелага Земли Франца Іосифа. Судно это, замерзнувъ во льдахъ въ Карскомъ морѣ на широтѣ 71° 45′N, съ октября мѣсяца 1912 года совершенно лишено было возможности самостоятельнаго движенія и всецѣло находилось во власти плѣнившихъ его полярныхъ льдовъ, которые въ свою очередь слѣпо подчинялись вліянію господствующихъ въ данной мѣстности вѣтровъ и теченій. Покинулъ я судно съ тринадцатью спутниками съ цѣлью, пѣшкомъ, по вѣчно дрейфующему льду, достигнуть Земли Франца Іосифа, а потомъ постараться, тѣмъ или инымъ путемъ, добраться до обитаемыхъ мѣстъ.

Хотя срокъ, прошедшій со времени этихъ событій, самъ по себѣ не такъ ужъ великъ, но, тѣмъ не менѣе, теперь, когда я хотѣлъ бы изложить подробно всѣ событія, предшествовавшія моему уходу съ судна, и послѣдующія мои личныя впечатлѣнія, это мнѣ представляется очень трудной задачей. Многое, дѣйствительно, можетъ быть важное, забыто, а пустяки, которые почему либо врѣзались въ память, сохранились въ ней ясно.

Если бы у меня уцѣлѣли всѣ мои записки и весь дневникъ, который я аккуратно велъ во время моего пребыванія на «Св. Аннѣ» и въ пути по льду, то дѣло, конечно, облегчилось бы значительно. Но записки погибли вмѣстѣ съ двумя моими спутниками на каякѣ, унесенномъ въ море за день до нашего спасенія, передъ прибытіемъ на мысъ Флору на островѣ Нордбрукъ Земли Франца Іосифа. Сохранились же у меня записки только тѣ, которыя были со мной на каякѣ, а именно за время съ 14 мая по 10 августа 1914 года, т. е. за время спустя уже мѣсяцъ послѣ ухода моего со «Св. Анны».

Лейтенантъ Брусиловъ въ своей «Выпискѣ изъ судового журнала», доставленной мною въ Главное Гидрографическое Управленіе и напечатанной въ приложеніи къ «Запискамъ по гидрографіи», пишетъ:

«9 (22) января. Отставленный мною отъ исполненія своихъ обязанностей штурманъ Альбановъ просилъ дать ему возможность и матеріалъ построить каякъ, чтобы весной уйти съ судна; понимая его тяжелое положеніе на суднѣ, я разрѣшилъ».

И затѣмъ далѣе:

«22 января (4 февраля). Команда просила меня пройти къ нимъ, и когда я пришелъ, то просили разрѣшенія строить тоже каяки, по примѣру штурмана, боясь остаться на третью зиму, на которую у насъ не хватитъ провизіи. Сначала я пробовалъ ихъ разубѣдить, говоря, что лѣтомъ, если не будетъ надежды освободиться, мы можемъ покинуть судно на ботахъ, указывая на примѣръ «Жаннеты», гдѣ имъ пришлось пройти гораздо большее разстояніе на вельботахъ, чѣмъ это придется намъ, и то они достигли земли благополучно. Видя, что они не убѣждены этими доводами и что перспектива весной покинуть судно и лѣтомъ достигнуть культурныхъ странъ, избавившись отъ всѣмъ наскучившаго здѣсь сидѣнья, для нихъ столь заманчива, что отказаться отъ нея они не въ силахъ, я объявилъ,

что они могутъ готовиться и отправляться хоть всѣ. Сейчасъ же нашлось нѣсколько человѣкъ, которые пожелали остаться (впослѣдствіи ихъ оказалось слишкомъ много, и я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, не желая никого насиловать покинуть судно). На суднѣ остаются, кромѣ меня и Е. А. Жданко, оба гарпунера, боцманъ, старшій машинистъ, стюартъ, поваръ, 2 молодыхъ матроса. Это — то количество, которое необходимо для управленія судномъ и которое я смогу прокормить оставшейся провизіей еще на 1 годъ. Уходящіе люди не представляются необходимыми на суднѣ, такъ что теперь я очень радъ, что обстоятельства такъ сложились. Я далекъ утверждать, что уходъ части команды съ судна придуманъ и организованъ мною. Я еще разъ говорю, что покинулъ бы судно поздно лѣтомъ на шлюпкахъ, когда убѣдился бы, что выбиться изо льда мы не можемъ. Теперь же, благодаря предполагаемому раннему оставленію судна большей частью команды, оставшаяся часть команды въ крайнемъ случаѣ можетъ продержаться еще годъ съ имѣемой провизіей».

Въ томъ же приложеніи къ «Запискамъ по Гидрографіи» по моей просьбѣ напечатано слѣдующее мое разъясненіе по поводу словъ Брусилова: «отстраняется отъ должности штурманъ Альбановъ».

«По выздоровленіи лейтенанта Брусилова отъ его очень тяжкой и продолжительной болѣзни на суднѣ сложился такой укладъ судовой жизни и взаимныхъ отношеній всего состава экспедиціи, который, по моему мнѣнію, не могъ быть ни на одномъ суднѣ, а въ особенности являлся опаснымъ на суднѣ, находящемся въ тяжеломъ полярномъ плаваніи. Такъ какъ во взглядахъ на этотъ вопросъ мы разошлись съ начальникомъ экспедиціи лейтенантомъ Брусиловымъ, то я и просилъ его освободить меня отъ исполненія обязанностей

штурмана, на что лейтенантъ Брусиловъ послѣ нѣкотораго размышленія и согласился, за что я ему очень благодаренъ».

Изъ этихъ приведенныхъ мною выписокъ видно, что сначала я одинъ собирался уходить съ судна и толко 22 января мнѣ было объявлено Брусиловымъ, что со мною вмѣстѣ онъ отпускаетъ и часть команды. Я уходилъ съ судна вслѣдствіе возникшаго между мною и Брусиловымъ несогласія, команда же, какъ это видно изъ выписки, уходила вслѣдствіе понятной боязни остаться на третью зимовку, на которую у насъ провизіи уже не хватало.

Что за причина была моей размолвки съ Брусиловымъ? Послѣ долгаго времени, когда я спокойно и безпристрастно могу анализироватъ наши отношенія, мнѣ представляется, что въ то время мы оба были нервно-больные люди. Неудачи съ самаго начала экспедиціи, повальныя болѣзни зимы 1912—13 года, тяжелое настоящее положеніе и грозное неизвѣстное будущее съ неизбѣжнымъ голодомъ впереди, все это, конечно, создавало благопріятную почву для нервнаго заболѣванія. Изъ разныхъ мелочей, неизбѣжныхъ при долгомъ совмѣстномъ житьѣ въ тяжелыхъ условіяхъ, создалась мало по малу уже крупная преграда между нами. Терпѣливо разобрать эту преграду, выяснить и устранить недочеты нашей жизни, у насъ не хватало ни рѣшимости, ни хладнокровія, и недовольство все накоплялось и накоплялось.

Съ болѣзненной раздражительностью мы не могли бороться никакими силами; внезапно у обоихъ появилась сильная одышка, голосъ прерывался, спазмы подступали къ горлу, и мы должны были прекращатъ наше объясненіе, ничего не выяснивъ, а часто даже позабывъ о самой причинѣ, вызвавшей ихъ. Я не могу припомнитъ ни одного случая, чтобы послѣ сентября 1913 года мы хотъ разъ поговорили съ Георгіемъ Львовичемъ, какъ слѣдуетъ, хладнокровно, не торопясь скомкатъ объясненіе и разойтись по своимъ угламъ. А между тѣмъ, я увѣренъ теперь, объяснись мы хоть разъ до

конца, для насъ обоихъ стало бы ясно, что нѣтъ у насъ причинъ для ссоры, а если и были, то легко устранимыя, и устраненіе этихъ причинъ должно было только служить ко всеобщему благополучію. Но,къ сожалѣнію, у насъ такого рѣшительнаго объясненія ни разу не состоялось, и мы разстались, хотя и по добровольному соглашенію, но не друзьями.

Когда мы отправлялись въ экспедицію, то взяли провизіи по расчету на полтора года. Правда, что на этотъ срокъ у насъ провизіи было съ избыткомъ, т. к. при сборахъ расчитывали на экипажъ въ 30 человѣкъ, а отправилось насъ только 24 человѣка; къ тому же, удачная охота на медвѣдей въ первый годъ нашего плаванія сильно съэкономила намъ провизію. Такимъ образомъ мы могли разсчитывать, что у насъ хватитъ провизіи еще на годъ, т. е. до декабря наступившаго 1914 года, конечно, при экономномъ расходованіи ея. Хорошая охота могла бы нѣсколько улучшить наше положеніе, но ея во второй годъ не было и особенно разсчитывать на нее мы не могли.

Между тѣмъ, въ январѣ 1914 года становилось почти очевиднымъ, что намъ нечего разсчитывать на освобожденіе судна отъ ледяныхъ оковъ въ этомъ году: дрейфъ нашъ обѣщалъ затянуться въ самомъ лучшемъ случаѣ до осени 1915 года, т. е. мѣсяцевъ на двадцать, на двадцать два. И это при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, если бы мы оставались всѣ на суднѣ, то въ январѣ 1915 года у насъ долженъ быть уже голодъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Голодъ среди полярной ночи, т. е. въ такое время, когда не можетъ быть даже и надежды на охоту, когда замираетъ всякая жизнь въ безбрежной дрейфующей ледяной пустынѣ.

Съ другой стороны, если бы въ апрѣлѣ мѣсяцѣ наступившаго 1914 года половина всего экипажа «Св. Анны» рѣшилась уйти съ судна, чтобы въ самое благопріятное для путешествія и охоты время достигнуть земли, и даже взяла бы съ

собой при этомъ на два мѣсяца самой необходимой провизіи, главнымъ образомъ сухарей, то для другой половины экипажа, оставшейся на суднѣ, провизіи должно было хватить уже до октября мѣсяца 1915 года. А въ это время мы тогда считали уже возможнымъ освобожденіе судна отъ ледяныхъ оковъ, гдѣ нибудь между Гренландіей и Шпицбергеномъ.

Необходимо ли было для спасенія судна присутствіе на немъ полнаго экипажа, т. е. 23 человѣкъ? По мнѣнію самого Брусилова, для управленія судномъ, если бы его вынесло въ открытое море, было достаточно девяти человѣкъ. Съ уходомъ половины экипажа, кромѣ экономіи провизіи, являлось возможнымъ вдвое экономить расходъ топлива, что было очень важно теперь, когда на суднѣ не осталось ни одного куска угля, ни одного полѣна дровъ. Топливомъ въ это время служило сало медвѣдей и тюленей, къ которому прибавляли машинное масло. На растопку и на согрѣваніе самовара шло дерево отъ безчисленныхъ переборокъ, каютъ и другихъ несущественныхъ частей судна. Въ теченіе зимы 1913—14 года весь экипажъ помѣщался въ кормовой части судна, въ двухъ помѣщеніяхъ: въ верхнемъ, устроенномъ въ кожухахъ, наиболѣе легкомъ и холодномъ, и въ нижнемъ, гдѣ была устроена и кухня. Это нижнее помѣщеніе было теплое и отапливалось одной кухонной плитой. Съ уходомъ половины экипажа являлось возможнымъ всѣмъ остающимся помѣститься внизу, а верхнее помѣщеніе не отапливать. Это, конечно, было и экономнѣе, и безопаснѣе для здоровья, т. к. въ верхнемъ помѣщеніи зимой рѣдко удавалось держать температуру выше — 2° R ночью и + 4° R днемъ.

Теперь, кажется, ясны причины, побудившія меня съ частью команды покинуть судно, а лейтенанта Брусилова — отпустить насъ.

I. СБОРЫ ВЪ САННУЮ ЭКСПЕДИЦІЮ.

Къ своему путешествію я началъ готовиться 10 января 1914 г. Работы было много. Надо было сдѣлать семь каяковъ, семь нартъ, сшить или исправить одежду, сапоги, готовить провизію и проч. Отсутствіе необходимаго матеріала и даже нѣкоторыхъ инструментовъ сильно осложняло дѣло. Для каяковъ и нартъ приходилось брать лѣсъ далеко не доброкачественный, пилить его, дѣлать мѣдныя заклепки и даже самимъ изготовлять инструменты. Кромѣ заклепокъ, всѣ соединенія каяковъ скрѣплялись бензелями и весь остовъ оплетался сѣткой изъ тонкой, но крѣпкой бичевки. Когда остовъ былъ готовъ, его обшивали парусиной, на что пошли запасные паруса. Всѣ эти работы производились въ трюмѣ на холоду до 30° R, при свѣтѣ жировыхъ свѣтиленъ, отъ которыхъ было больше копоти, чѣмъ свѣта. Въ большинствѣ случаевъ работать приходилось, несмотря на страшный холодъ, голыми руками, которыя поминутно стыли, и мы ихъ отогрѣвали надъ «коптилками». Въ особенности мучительна была клепка остововъ и обшиваніе ихъ парусиной, когда холодная парусная игла, какъ раскаленное желѣзо, оставляла волдыри на концахъ пальцевъ. Даже самыя парусныя иглы приходилось дѣлать самимъ. Мало по малу нашъ трюмъ сталъ заполняться остовами каяковъ и нартами; оживленіе

тамъ царило съ ранняго утра и до поздней ночи, всѣ были настроены бодро, шутили и пѣли пѣсни. Каждый каякъ первоначально разсчитывался на двухъ человѣкъ, не считая поклажи. Каждый давалъ своему каяку названіе: тутъ были «Чайка», «Нырокъ», «Пунога», «Чирокъ, «Глупышъ» и т. д. Нѣкоторое затрудненіе встрѣтилось при окраскѣ, такъ какъ въ трюмѣ на холоду красить было нельзя. Тогда былъ снятъ свѣтовой люкъ на ютѣ и черезъ него всѣ каяки были опущены въ нижнюю кухню, гдѣ и были окрашены. Въ мартѣ мѣсяцѣ у носа судна образовалась во льду трещина, которая скоро расширилась до двухъ саженъ. Въ этой полыньѣ была произведена проба всѣхъ каяковъ, оказавшаяся очень удовлетворительной. Каяки были помѣстительны и устойчивы. Конечно, матеріалъ для нихъ былъ далеко неудовлетворительный и не такой, какой былъ бы желателенъ, а какой имѣлся налицо. Для продольныхъ реекъ каяковъ употребляли старое пересохшее еловое дерево отъ обшивки потолка изъ палубной каютъ-компаніи. На «шпангоуты» каяковъ большею частью пошли обручи съ бочекъ. Поэтому то и приходилось остовы ихъ оплетать сѣткой, чтобы придать имъ большую прочность. Съ матеріаломъ для нартъ дѣло было еще хуже. На полозья употребляли столешницу отъ буфетнаго стола изъ березоваго дерева, уже достаточно стараго и хрупкаго, и только часть полозьевъ была сдѣлана изъ ясеневыхъ веселъ. При выборѣ матеріала для каяковъ и нартъ у меня нѣсколько разъ были столкновенія съ Георгіемъ Львовичемъ, столкновенія дикія, о которыхъ мнѣ и сейчасъ непріятно вспоминать. Онъ почему то былъ увѣренъ, что путь намъ предстоитъ небольшой, несеріозный. Не разъ онъ говорилъ мнѣ, что пройдетъ не болѣе пяти-шести дней нашего пути, какъ мы уже будемъ въ виду береговъ Земли Франца Іосифа.

Наши заботы о прочности нартъ и каяковъ онъ считалъ чрезмѣрными и долго отстаивалъ свою мысль, что вмѣсто ка-

яковъ намъ слѣдуетъ взять съ собой обыкновенную промысловую тяжелую шлюпку, причемъ въ доказательство ссылался на экспедицію лейтенанта Де-Лонга. Не скажу, чтобы я смотрѣлъ на свой предстоящій походъ такъ оптимистически. Правда, я не ожидалъ тогда такого тяжелаго пути, какимъ онъ оказался на самомъ дѣлѣ, но около мѣсяца пути я ожидалъ. Путь съ поставленной на нарты тяжелой шлюпкой, въ которую къ тому же придется наложить всякаго груза около 60 пудовъ, я считалъ невозможнымъ. Мы тогда даже не знали съ увѣренностью, гдѣ мы находимся и гдѣ мы должны встрѣтить землю. На суднѣ у насъ не было карты Земли Франца Іосифа. Для нанесенія своего дрейфа мы пользовались самодѣльной сѣткой, на которую я нанесъ увеличенную карточку этой земли, приложенную къ описанію путешествія Нансена. Про эту предварительную карточку самъ Нансенъ говоритъ, что не придаетъ ей серіознаго значенія, а помѣщаетъ ее только для того, чтобы дать понятіе объ архипелагѣ Земли Франца Іосифа. Мысъ Флигели на нашей картѣ находился на широтѣ 82° 12'. Къ сѣверу отъ этого мыса у насъ была нанесена большая Земля Петермана, а на сѣверозападъ —Земля Короля Оскара (см. прилагаем. карту). Каково же было наше недоумѣніе, когда астрономическія опредѣленія марта и первыхъ чиселъ апрѣля давали наши мѣста какъ разъ на этихъ сушахъ и въ то же время только безконечныя ледяныя поля попрежнему окружали насъ[1]). Ничто не указывало на присутствіе близкой земли, даже медвѣди, которыхъ мы за прошлый годъ убили 47 штукъ, въ этомъ году не показывались. Не видно было обычныхъ въ прошломъ году полыней и «разводьевъ», нигдѣ не видно было и такъ называемаго «водяного неба», указывающаго на присутствіе этихъ полыней за горизонтомъ. Горизонтъ былъ ясный, ледъ медленно, спокойно совершалъ свой путь, и все предвѣ-

[1]) По изслѣдованіямъ экспедицій герцога Абруцкаго и Циглера-Бальдвина земли эти не существуютъ.

щало намъ долгую трудную дорогу по торошеному льду съ глубокимъ снѣгомъ.

Правда, въ январѣ мѣсяцѣ, когда южная часть неба только что начала розовѣть, многіе изъ насъ, и я самъ, видѣли на этомъ розовомъ фонѣ неба нѣчто похожее на землю, должно быть очень отдаленную. Видно ее было въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; глубина въ это время рѣзко уменьшилась, а около судна бѣгало много пѣсцовъ. Это могъ быть мысъ Флигели на Землѣ Кронпринца Рудольфа. Но съ тѣхъ поръ прошло уже много времени, насъ отнесло далеко и продолжало относить все дальше.

Надѣясь увидѣть гдѣ-нибудь хоть отдаленную землю, я передъ уходомъ съ судна, когда наступили ясные солнечные дни, часто лазилъ въ обсерваціонную бочку, укрѣпленную на гротъ-мачтѣ на высотѣ 80 футъ; но напрасно я всматривался въ горизонтъ, нигдѣ не могъ замѣтить ничего, кромѣ безконечныхъ торосовъ, которые на горизонтѣ на югѣ, куда предстояло намъ отправиться, въ сильную подзорную трубу представлялись въ видѣ сплошного частокола, черезъ который, казалось, и не продерешься съ нашей поклажей болѣе чѣмъ въ шестьдесятъ пудовъ. Но, конечно, это только казалось издали, на самомъ же дѣлѣ проходъ былъ, пробраться было можно, но каковы были эти проходы и какова вообще была дорога, это мы узнали только впослѣдствіи. Въ то же время мы вѣдь предполагали проходить въ день не менѣе 10 верстъ.

Въ тихую ясную погоду пріятно посидѣть въ обсерваціонной бочкѣ, на высокой мачтѣ. Чуть слышно шепчетъ вѣтерокъ въ снастяхъ, покрытыхъ серебристымъ пушистымъ инеемъ. Какъ въ бѣломъ одѣяніи лежитъ и спитъ красавица «Св. Анна», убранная прихотливой рукой мороза и по самый планширъ засыпанная снѣгомъ. Временами гирлянды инея срываются съ такелажа и съ тихимъ шуршаніемъ какъ цвѣты обсыпаются внизъ на спящую. Съ высоты судно ка-

жется гораздо уже и длиннѣе. Стройный, высокій, правильный рангоутъ его кажется еще выше, еще тоньше. Какъ свѣтящіеся лучи бѣжитъ далеко внизъ заиндевѣвшій стальной такелажъ, словно освѣщая заснувшую «Св. Анну». Полтора года уже спокойно спитъ она на своемъ ледяномъ ложѣ. Суждено ли тебѣ и дальше спокойно проспать тяжелое время, чтобы въ одно прекрасное утро незамѣтно вмѣстѣ съ ложемъ твоимъ, на которомъ ты почила далеко въ Карскомъ морѣ у береговъ Ямала, очутиться гдѣ-нибудь между Шпицбергеномъ и Гренландіей? Проснешься ли ты тогда, спокойно сойдешь съ своего ложа, ковра-самолета, на родную тебѣ стихію воду, расправишь широкія бѣлыя крылья свои и радостно полетишь по голубому морю на далекій теплый югъ, изъ царства смерти къ жизни, гдѣ залѣчатъ твои раны, и все пережитое тобою на дальнемъ сѣверѣ будетъ казаться только тяжелымъ сномъ?

Или въ холодную, бурную, полярную ночь, когда кругомъ завываетъ метель, когда не видно ни луны, ни звѣздъ, ни сѣвернаго сіянія, ты внезапно будешь глубоко пробуждена отъ своего сна ужаснымъ трескомъ, злобнымъ визгомъ, шипѣніемъ и содроганіемъ твоего спокойнаго до сего времени ложа; съ грохотомъ полетятъ внизъ твои мачты, стеньги и реи, ломаясь сами и ломая все на палубѣ?

Въ предсмертныхъ конвульсіяхъ затрепещетъ твой корпусъ, затрещатъ, ломаясь, всѣ суставы твои и черезъ нѣкоторое время лишь куча безформенныхъ обломковъ, да лишній свѣжій ледяной холмъ укажутъ твою могилу. Вьюга будетъ пѣть надъ тобой погребальную пѣсню и скоро запорошитъ свѣжимъ снѣгомъ мѣсто катастрофы. А у ближайшихъ ропаковъ кучка людей въ темнотѣ будетъ въ отчаяніи спасать, что можно изъ своего имущества, все еще хватаясь за жизнь, все еще не теряя надежды . . . Да, любопытно, что-то ждетъ тебя «Св. Анна»? А пока ты еще хороша! Пусть тамъ, внутри тебя уже началось разрушеніе, но оно незначи-

тельно пока. Это даже нельзя назвать разрушеніемъ. Съ болью въ сердцѣ отрывается каждая доска отъ безчисленныхъ переборокъ твоихъ. Кучка людей все тѣснѣе и тѣснѣе сбивается въ глубинѣ твоего трюма, отчаянно отбиваясь отъ безпощадной суровой стихіи. Одна забота у нихъ: какъ можно дольше растянуть провизію. Прошла вторая суровая зима. Нѣтъ больше безконечныхъ полярныхъ ночей, нѣтъ темноты. Съ каждымъ днемъ солнце дольше и дольше остается надъ горизонтомъ, съ каждымъ днемъ оно сильнѣе согрѣваетъ, съ каждымъ днемъ крѣпнутъ надежды у той кучки людей, борющихся за жизнь. Съ утра до вечера хлопотливо бѣгаютъ они отъ судна къ какимъ-то страннымъ повозочкамъ, стоящимъ около него въ рядъ, что-то прилаживаютъ, что-то подгоняютъ. Если присмотрѣться внимательно, то эти повозочки, оказывается, состоятъ изъ двухъ частей: длинныхъ узкихъ саней, нартъ, на высокихъ копылахъ, на которыхъ плотно, на подушкахъ, установлены легкіе парусиновые каяки, лодочки. Эти каяки служатъ кузовами повозочекъ. Каяки окрашены въ черный цвѣтъ, что придаетъ имъ нѣсколько мрачный видъ, и только боковыя парусиновыя «полки», которыя плотно облегаютъ каяки, нѣсколько оживляютъ видъ. Эти «полки» пришнурованы нижними сторонами къ нащепамъ нартъ, а верхними сторонами стянуты между собой поверхъ каяка такъ, что съ одной стороны онѣ крѣпко прижимаютъ каякъ къ подушкамъ нартъ, а съ другой — защищаютъ борта каяковъ отъ ударовъ о выступы ледяныхъ глыбъ.

Всѣ озабочены, всѣ заняты. Остающаяся команда тоже принимаетъ дѣятельное участіе въ нашихъ сборахъ: кто портняжничаетъ, кто сапожничаетъ, а кто готовитъ и упаковываетъ провизію. Георгій Львовичъ, Ерминія Александровна и Шленскій заняты другимъ дѣломъ: они пишутъ, пишутъ съ утра и до вечера вотъ уже цѣлую недѣлю. Мнѣ иногда становится страшно, какихъ размѣровъ, какого вѣса

они дадутъ намъ почту отсюда въ тотъ далекій міръ, гдѣ люди живутъ и настоящимъ, а не только прошедшимъ и будущимъ, какъ у насъ на «Св. Аннѣ.» Но къ моему удивленію, почта оказалась очень не велика, не болѣе 5 фунтовъ.

Провизія наша не отличалась особеннымъ разнообразіемъ. Сухари передъ упаковкой были второй разъ тщательно просушены. Паковались они въ двадцатифунтовые мѣшки, которые зашивались. Взяли мы съ собой одну изъ трехъ, имѣвшихся на «Св. Аннѣ», палатокъ. Палатка эта была большая, круглая и сравнительно съ Нансеновской очень тяжелая: около полутора пудовъ. Впослѣдствіи, когда она намокла и замерзла, съ нею было очень много возни, и ей не суждено было уцѣлѣть до Земли Франца Іосифа. Но во всякомъ случаѣ, въ первой половинѣ путешествія она намъ оказала неоцѣнимыя услуги, защищая отъ холода и отъ вьюги. Безъ нея намъ было бы очень плохо. Изъ оружія мы взяли съ собой: 2 магазинки, 3 промысловыхъ норвежскихъ винтовки, 1 двустволку-дробовикъ и 2 гарпуна, патроновъ разныхъ — около 3 пудовъ. Если сюда прибавить еще теплую одежду, топоры, инструменты, посуду, лыжи, починочный матеріалъ и проч., то выйдетъ, что, не считая вѣса каяковъ и самихъ нартъ, намъ предстояло тащить груза до 65 пудовъ.

Первоначально мы предполагали, что каждыя нарты потащатъ два человѣка. У каждаго человѣка была своя лямка, сшитая изъ парусины, къ которой прикрѣплена была манильская веревка. Лямку надѣвали наискось на грудь черезъ плечо, а веревку привязывали за послѣдній или предпослѣдній задній копылъ нарты такъ, чтобы тянувшій приходился у форштевня каяка и одной рукой могъ поддерживать каякъ, направляя въ то же время нарту куда надо, а другой рукой опирался бы на лыжную палку. Одинъ становился по правую сторону каяка, а другой по лѣвую. Конечно, такъ идти было бы очень удобно, если бы нашъ путь не былъ сплошь изрѣзанъ торосами и если бы мы въ снѣгу не увязали выше

колѣнъ. Но увы, мы очень скоро убѣдились, что такой способъ передвиженія на практикѣ невозможенъ. Много, очень много времени прошло до тѣхъ поръ, когда мы были въ силахъ идти такъ.

Какъ я уже говорилъ, на «Св. Аннѣ» не было нужныхъ намъ картъ. Пришлось ихъ готовить, пользуясь все той же картой Нансена[1]). Не было у насъ никакой спеціальной литературы, кромѣ Нансена и одной книги Колчака «Льды Карскаго и Сибирскаго морей». Поэтому всѣ наши свѣдѣнія о Землѣ Франца Іосифа были почерпнуты только у Нансена. Знали мы, что почти двадцать лѣтъ тому назадъ черезъ этотъ архипелагъ прошли Нансенъ съ Іогансеномъ, что они перезимовали въ очень мрачной хижинѣ на островѣ, который назвали островомъ Джэксона, что на слѣдующій годъ на островѣ Нордбрукъ, на мысѣ Флора, они встрѣтились съ Джэксономъ, который, кажется, очень недурно тамъ устроился и провелъ нѣсколько зимъ. Знали, что когда-то на этомъ мысѣ были хорошія постройки, но былъ ли тамъ кто-нибудь послѣ Джэксона, уцѣлѣли ли тамъ его постройки, былъ ли тамъ оставленъ складъ провизіи, этого мы ничего не знали. Помнили, что Нансенъ хвалитъ охоту на этомъ мысѣ и вообще на Землѣ Франца Іосифа, ожидали тамъ встрѣтить такихъ моржей, которыхъ хоть палкой бей по мордѣ, а они не хотятъ проснуться; однимъ словомъ, мы знали все то, что можно было узнать изъ краткаго описанія путешествія Нансена, которое было у насъ. Зато эта книжка у меня была настольной. Я ее прочелъ нѣсколько разъ и многія мѣста зналъ наизусть; изъ нея у меня были переписаны въ записную книжку тѣ мѣста, въ которыхъ Нансенъ описываетъ свой путь по этой землѣ, различныя примѣтныя мѣста, по которымъ я могъ бы оріентироваться. Конечно, это мнѣ пригодилось бы, если бы я попалъ на путь Нансена. Въ ту

---

[1]) Карта, приложенная къ труду «Среди полярныхъ льдовъ во мракѣ ночи».

же записную книжку у меня были записаны склоненія солнца и уравненія времени на полтора года. Такъ какъ на суднѣ у насъ не было Наутикалъ-Альманаха на 1914 годъ, то эти выборки мы сдѣлали изъ одного спеціальнаго англійскаго изданія, случайно оказавшагося въ кучѣ различныхъ лоцій и старыхъ картъ, купленныхъ вмѣстѣ съ судномъ у прежняго владѣльца. Но вѣдь съ Земли Франца Іосифа намъ предстоялъ еще путь къ Шпицбергену. Насчетъ этой земли наши познанія были еще слабѣе. Въ томъ англійскомъ изданіи, откуда выбралъ я склоненіе солнца и уравненіе времени, опять же случайно мы нашли около 10 или 12 пунктовъ Шпицбергена съ обозначеніемъ ихъ широты и долготы. Эти пункты и были нанесены мною на приготовленную соотвѣтствующую сѣтку. Что изъ себя изображалъ каждый изъ этихъ пунктовъ, былъ ли онъ островомъ, мысомъ, горой или губой, этого мы не знали и это должно было показать будущее. Пока же всѣ они были нанесены на сѣтку крестиками, и наша фантазія могла соединить эти пункты совершенно произвольными линіями.

Кромѣ указанныхъ свѣдѣній о Землѣ Франца Іосифа, мы еще знали, что Британскимъ каналомъ лѣтъ четырнадцать тому назадъ прошло судно герцога Абруцкаго «Стелла Поларе», а въ 1912 году лейтенантъ Сѣдовъ предполагалъ высадиться на какомъ-то изъ этихъ острововъ, послѣ чего судно должно было вернуться въ Архангельскъ, а онъ — отправиться къ полюсу.

Наканунѣ нашего выступленія въ походъ, Георгій Львовичъ позвалъ меня къ себѣ и прочиталъ мнѣ черновикъ составленнаго имъ предписанія мнѣ. Въ этомъ предписаніи, помѣченномъ. 10-мъ апрѣля 1914 года, мнѣ и отправляющимся вмѣстѣ со мною тринадцати человѣкамъ изъ команды предлагалось выступить того же числа, взявъ съ собою провизіи по расчету на два мѣсяца, и, слѣдуя пѣшкомъ по льду, везя съ собой нарты съ каяками, двигаться на югъ до

тѣхъ поръ, пока мы не увидимъ земли, послѣ чего дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, но предпочтительно стараться достигнуть Британскаго канала, между островами Земли Франца Іосифа, и слѣдовать имъ къ мысу Флора, гдѣ можно предполагать найти провизію и постройки; далѣе, если время и обстоятельства позволятъ, направиться къ Шпицбергену, не удаляясь изъ виду береговъ Земли Франца Іосифа, и на Шпицбергенѣ постараться найти людей, что вѣроятнѣе всего возможно въ южной его части, или застать гдѣ-нибудь промысловое судно.

На основаніи этого оффиціальнаго документа я долженъ былъ выступить во главѣ части команды шхуны «Св. Анны».

Въ этотъ же день намъ всѣмъ былъ произведенъ подсчетъ заработаннымъ деньгамъ, которыя намъ долженъ уплатить дѣйствительный владѣлецъ судна, давшій деньги на экспедицію, московскій землевладѣлецъ генералъ-лейтенантъ Б. А. Брусиловъ. Въ правильности расчета мы всѣ расписались.

Уже поздно вечеромъ, Георгій Львовичъ въ третій разъ позвалъ меня къ себѣ въ каюту и прочиталъ списокъ предметовъ, которые мы брали съ собой и которые по возможности мы должны были вернуть ему. Вотъ этотъ списокъ, помѣщенный на копіи Судовой Роли:

2 винтовки Ремингтонъ, 1 винтовка норвежская, 1 двуствольное дробовое ружье центральнаго боя, 2 магазинки шестизарядныя, 1 механическій лагъ, изъ котораго былъ сдѣланъ одометръ, 2 гарпуна, 2 топора, 1 пила, 2 компаса, 14 паръ лыжъ, 1 малица 1-го сорта, 12 малицъ 2-го сорта, 1 совикъ, 1 хронометръ, 1 секстанъ, 14 заспинныхъ сумокъ, 1 бинокль малаго размѣра.

Послѣ въ списокъ была еще занесена палатка, а относительно каяковъ и нартъ Георгій Львовичъ отдалъ распоряженіе, чтобы, въ случаѣ если мнѣ удастся доставить ихъ въ Александровскъ, я сдалъ ихъ тамъ на храненіе исправнику.

Сумерки уже сгущались въ темномъ помѣщеніи. Всѣ укладывались спать. Грустно, тоскливо сдѣлалось мнѣ. Какъ будто я уже очутился среди безграничныхъ полярныхъ полей, безъ возврата назадъ и съ неизвѣстностью впереди. Въ тотъ памятный для меня мрачный вечеръ, наканунѣ моего ухода съ судна, я уже съ тревогой перебиралъ въ умѣ своихъ спутниковъ. Я сомнѣвался и тогда въ ихъ здоровьѣ и выносливости. Одному изъ нихъ уже было 56 лѣтъ, всѣ почти жаловались на ноги, а у одного даже открылись на нихъ раны, у другого была грыжа, у третьяго болѣла сильно грудь и кашель не давалъ ему спать всю зиму, у всѣхъ была сильная одышка и сердцебіеніе.

Да, тоскливо, одиноко чувствовалъ я себя въ тотъ поздній вечеръ. Я думаю, это было предчувствіе чего-то тяжелаго, неотвратимаго.

II. ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ НА «СВ. АННѢ».

Но вотъ насталъ, наконецъ, день нашего отправленія «домой». Давно я ждалъ наступленія этого дня, готовился къ нему, торопился съ приготовленіями къ отходу, но странно, когда наступилъ этотъ долгожданный день, мнѣ стало жалко разставаться со «Св. Анной», жалко было покинуть ее далеко на сѣверѣ, въ безпомощномъ положеніи.

Я сжился съ этимъ судномъ и полюбилъ его. Если я испыталъ много лишеній и непріятностей на немъ, то видѣлъ зато много и хорошаго, въ особенности въ первое время нашего плаванія. Хорошія были у насъ всѣхъ отношенія, бодро и весело переносили мы наши неудачи. Много хорошихъ вечеровъ провели мы въ нашемъ чистенькомъ еще въ то время салонѣ, у топившагося камина, за самоваромъ, за игрой въ домино. Керосину тогда было еще довольно и наши лампы давали много свѣту. Оживленіе не оставляло нашу компанію, сыпались шутки, слышались неумолкаемые разговоры, высказывались догадки, предположенія, надежды. Ледъ южной части Карскаго моря не принимаетъ участія въ движеніи полярнаго пака, это общее мнѣніе. Поноситъ насъ немного взадъ и впередъ въ продолженіе зимы, а придетъ лѣто, освободитъ насъ, и мы пойдемъ въ Енисей. Георгій Львовичъ съѣздитъ въ Красноярскъ, купитъ, что намъ надо, привезетъ почту, мы погрузимъ уголь, приведемъ все въ по-

рядокъ и пойдемъ далѣе. «Св. Анна» еще постоитъ за себя: судно хорошее, во всякомъ случаѣ лучше разныхъ «Немвродовъ» и «Мучен. Фокъ». Немного, правда, холодновато наше помѣщеніе, но мы его устроимъ. Уголь возьмемъ на островѣ Диксона, а поѣдетъ Георгій Львовичъ на нашемъ моторѣ, чтобы не тратить времени на ожиданіе парохода. Такъ или иначе, а во Владивостокъ мы придемъ. Можетъ быть, конечно, мы потеряемъ лишній годъ, но что же изъ этого? «Звѣробойное» судно должно заниматься промысломъ, мы и будемъ имъ заниматься, благо въ Сибирскомъ морѣ моржей видимо-невидимо. Таковы были наши планы, наши разговоры у самовара въ салонѣ за чистенькимъ столомъ. «Наша барышня», Ерминія Александровна, сидѣла «за хозяйку» и отъ насъ не отставала. Ни одной минуты она не раскаивалась, что «увязалась», какъ мы говорили, съ нами. Когда мы шутили на эту тему, она сердилась не на шутку.

Но это было давно, еще въ первую половину первой нашей зимовки, въ началѣ дрейфа. Тогда «Св. Анна» была еще такою чистенькой, такой нарядной, какой стояла въ Петроградѣ у Николаевскаго моста, когда предлагалось желающимъ прокатиться на ней вдоль береговъ Сибири «по стопамъ Норденшильда». Еще свѣжа была бѣлая краска на ея стѣнахъ и потолкахъ, какъ зеркало блестѣло полированное красное дерево ея мебели и великолѣпные ковры украшали полы ея каютъ.

Кладовыя и трюмъ были биткомъ набиты всевозможнымъ провіантомъ и деликатесами. Чего только тамъ ни было? Но мало-по-малу начали пустѣть ея кладовыя и трюмъ. Пришлось задѣлать досками свѣтовые люки, вставить вторыя рамы въ иллюминаторы или просто заколотить ихъ, пришлось перенести койки отъ бортовъ, чтобы ночью одѣяло и подушка не примерзали къ стѣнѣ. Пришлось сдѣлать вторую обшивку съ прокладкой войлока и толя на потолки;

пришлось подвѣсить тазы, чтобы съ отпотѣвающихъ потолковъ вода не бѣжала на койки и столы. Тамъ и здѣсь появлялись куски парусины, приколоченные для той же цѣли. Вышелъ весь керосинъ, и для освѣщенія уже давно стали пользоваться жестяными баночками, въ которыхъ въ тюленьемъ или медвѣжьемъ жиру горятъ свѣтильни.

Это «коптилки». Отъ нихъ очень мало свѣту, во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ копоти. Зимой, когда температура въ помѣщеніи колеблется отъ — 2° R. ночью до + 4° R. днемъ, когда воздухъ въ помѣщеніи сырой, промозглый, съ вѣчно носящеюся въ немъ копотью, эти «коптилки» не въ силахъ разогнать цѣлыми мѣсяцами царящаго мрака. Онѣ даютъ только небольшой кругъ свѣта на столъ, а за этимъ кругомъ тотъ же мракъ. При входѣ въ помѣщеніе вы видите небольшое красноватое пятно вокругъ маленькаго слабаго дрожащаго огонька, а къ этому огоньку жмутся со своей работой какіе-то силуэты. Лучше пусть остаются они «силуэтами», не разсматривайте ихъ... Они очень грязны, сильно закоптѣли... Мыло у насъ уже вышло, пробовали варить сами, но неудачно. Пробовали мыться этимъ самодѣльнымъ мыломъ, но не рады были: насилу удалось соскоблить съ физіономіи эту «замазку».

Но на что похожи стѣны нашего салона и нашихъ каютъ. По угламъ вездѣ ледъ и иней, постепенно утоньшающійся, по мѣрѣ удаленія отъ бортовъ. Это самые чистые уголки: тутъ копоти нѣтъ, тутъ вы можете видѣть причудливую игру самоцвѣтныхъ камней, свѣтящихся даже при свѣтѣ «коптилокъ». Но далѣе уже хуже: благодаря вѣчнымъ подтекамъ воды, вѣчной сырости, краска пластами отстаетъ отъ дерева и грязными, закоптѣлыми лохмотьями виситъ по стѣнамъ. Подъ ними видно промозглое, потемнѣвшее дерево, скользкое отъ сырости и плѣсени.

Но со всею этой копотью, со всею этой грязью, сыростью и холодомъ, мы свыклись постепенно за полтора года.

Благодаря этой постепенности, она не рѣзала намъ глаза, мы къ ней привыкли. Потому-то мнѣ и было жалко оставлять «Св. Анну» въ то послѣднее утро, когда я проснулся въ своей каютѣ. Какъ много воспоминаній было связано съ каждой вещью въ этой каютѣ, въ которой я прожилъ полтора года. Какъ много я пережилъ въ ней и передумалъ. Въ этой каютѣ, въ послѣднее время въ особенности, я жилъ совершенно отдѣльною жизнью. «Тамъ», за стѣной, жили «они» своей жизнью и оттуда только временами долетали до меня отголоски «ихъ» жизни, а «здѣсь» жилъ «я» своей жизнью и отсюда къ «нимъ» ничто не долетало. Послѣднее время моя каюта крѣпко держала въ своихъ стѣнахъ всѣ мои планы, опасенія и надежды.

Но надо приниматься за дѣло. Выступленіе наше назначено было вечеромъ на 10 апрѣля. Я вышелъ на палубу. Погода была на рѣдкость хороша: первый настоящій весенній день въ этомъ году. Тихо, не шелохнетъ. На небѣ ни облачка. Солнце начинаетъ замѣтно припекать, а на темныхъ покрышкахъ каяковъ снѣгъ даже таять началъ. Взявъ секстанъ и часы, я съ помощью Денисова, замѣчавшаго моменты, взялъ высоты солнца. Въ полдень удалось взять хорошую меридіональную высоту, и я получилъ наше мѣсто: широта $= 82^{\circ}$ 58,5' и долгота $= 60^{\circ}$ 5' 0-вая. Тѣмъ временемъ мои спутники перетащили всѣ каяки на правую сторону, выстроивъ ихъ вереницей у сходни носами на югъ. Мой каякъ стоялъ головнымъ.

Оказалось, что въ три часа былъ назначенъ общій прощальный обѣдъ. Это, кажется, была мысль нашего стюарта Регальда и повара Калмыкова, нашего неунывающаго поэта и пѣвца. Онъ уже съ утра готовился къ нему и постарался не ударить лицомъ въ грязь, оставивъ даже на время свою тетрадку со стихотвореніями, съ которой въ обычное время никогда не разлучается. Въ нижнемъ же помѣщеніи стюартъ накрываетъ столы, разставляетъ приборы, устанавливаетъ

скамейки, стараясь, чтобы обѣдъ былъ попараднѣе. А на верху все пишутъ, пишутъ, пишутъ...

Подошло время обѣда. Всѣ разсѣлись, сѣлъ и я по своему обыкновенію въ сторонѣ, со своими спутниками. Командиръ что-то задержался на верху. Настроеніе у всѣхъ, повидимому, не важное, тоскливое, но всѣ стараются его скрывать. Сквозь шутку, сквозь дѣланный смѣхъ, проглядываетъ грусть разлуки и тревога, какъ за уходящихъ, такъ и за остающихся. Остающіеся высказываютъ опасенія, что тяжело будетъ тянуть по такому пути двоимъ нарты съ общимъ грузомъ въ 10 пудовъ, но уходящіе храбрятся. Рѣшено было, что до первой ночевки насъ пойдутъ провожать всѣ и будутъ помогать тянуть нарты. Каждый брался помогать опредѣленно одной какой-нибудь парѣ, къ кому проявились наибольшія дружба и симпатія. При выборѣ этого провожатаго, конечно, не послѣднюю роль играла и физическая сила и потому каждый старался похвалиться своимъ провожатымъ или «буксиромъ», который долженъ вывести его «изъ тихой гавани въ открытое море». Заводится граммофонъ. Особеннымъ успѣхомъ за послѣднее время пользуются пластинки: «Сойди на берегъ»... и «Крики чайки бѣлоснѣжной»... Эти пластинки за четыре дня Пасхальной недѣли ставятся кажется сотый разъ. Всѣмъ онѣ надоѣли, но тѣмъ не менѣе мотивы эти такъ и напрашиваются сами, такъ и сверлятъ мозгъ. Эти пластинки всегда намъ напоминали начало нашего плаванія, когда мы, полные самыхъ розовыхъ надеждъ, веселые, огибали берега Норвегіи, когда, даже попавъ въ ледяную западню, долго не падали духомъ, когда нашъ поваръ-поэтъ, набравъ хоръ, цѣлыми днями распѣвалъ сочиненную имъ большую поэму, которую къ сожалѣнію я не помню сейчасъ. Онъ очень увѣренно говорилъ, что:

«Подъ флагомъ матушки Россіи
Мы съ капитаномъ въ путь пойдемъ

И обогнемъ брега Сибири
Своимъ красавцемъ кораблемъ»...

Наконецъ, сходитъ внизъ и Георгій Львовичъ. Начинается обѣдъ: Ерминія Александровна наливаетъ супъ и угощаетъ. Всѣ сильно проголодались, такъ какъ привыкли обѣдать въ 12 ч., а сейчасъ уже скоро 4 часа. Иногда кто-нибудь вымолвитъ слово, попробуетъ пошутить, но, не встрѣтивъ поддержки, замолкаетъ. Остающіеся особенно предупредительны съ нами, уходящими, и усердно угощаютъ то тѣмъ, то другимъ. Вѣдь это нашъ послѣдній обѣдъ на суднѣ, за столомъ, какъ слѣдуетъ сервированнымъ. Придется ли уходящимъ еще когда-нибудь такъ роскошно обѣдать, а если и придется, то всѣмъ ли? Обѣдъ проходитъ молча и грустно: всѣ чувствовали себя не въ своей тарелкѣ. Какъ будто исполняя какую-то повинность, сидѣли мы всѣ за этимъ параднымъ прощальнымъ обѣдомъ.

Я поторопился наверхъ, чтобы взять еще высоту солнца, такъ какъ горизонтъ начиналъ закрываться мглой. Солнце было красное и все предвѣщало перемѣну погоды. Нанеся наше мѣсто на свою карту, я отнесъ ее, хронометръ, секстанъ и остальные пожитки въ каякъ. Бралъ я съ собой, кромѣ того, что было на мнѣ, еще двѣ пары бѣлья, остальное же все платье и бѣлье роздалъ остающимся: мнѣ это уже не понадобится. Взялъ я послѣднюю маленькую вещичку и положилъ ее въ боковой карманъ: это была маленькая иконка Николая Чудотворца. Моя каюта приняла пустой, нежилой видъ. Бросивъ послѣдній прощальный взглядъ на нее, я вышелъ на ледъ. Всѣ мы были одѣты по дорожному: высокіе сапоги, у кого кожаные, у кого тюленьи, а у иныхъ и съ парусиновыми голенищами. Всѣ въ парусиновыхъ брюкахъ и рубахахъ поверхъ теплой одежды и въ шапкахъ съ наушниками.

Интересную картину представляли эти люди, собравшіе-

ся въ путь, съ лямками черезъ плечо и съ лыжными палками въ рукахъ, и каяки, длинной вереницей вытянувшіеся по направленію на югъ. Поверхъ каяковъ лежалъ различный скарбъ, не помѣстившійся внутри: весла, лыжи, малицы, ружья, палатка и пр. Возы эти, по правдѣ сказать, были довольно тяжелы. Слишкомъ узки были полозья у нартъ и они врѣзались глубоко въ снѣгъ. Денисовъ уже всѣ нарты пробовалъ тянуть и только сокрушенно покачивалъ головой. Но дѣлать нечего. Я не желалъ пока ничего оставлять изъ взятаго, къ тому же это мы всегда успѣемъ сдѣлать. Ничего лишняго мы не брали и все это намъ очень и очень пригодится. Провожать насъ идутъ всѣ буквально; на суднѣ никого не осталось. Вышелъ и Георгій Львовичъ и всталъ сзади моего каяка, готовясь помогать тащить его. Всѣ стоятъ и чего-то ожидаютъ... Я снялъ шапку и перекрестился... Всѣ сдѣлали то же. Кто-то крикнулъ «ура», всѣ подхватили, налегли на лямки, и мы тихо двинулись въ нашъ далекій путь... Въ то время ближайшая земля была отъ насъ въ 65 миляхъ на SW. Это былъ мысъ Флигели на Землѣ Кронпринца Рудольфа. Но насъ относило отъ этой земли неуклонно на сѣверъ.

III. НА ЛЕДЯНЫХЪ ПОЛЯХЪ ПОЛЯРНАГО ОКЕАНА.

Поскрипывая полозьями, колыхаясь какъ по волнамъ, потянулись нарты къ виднѣющимся на югѣ ропакамъ и торосамъ, между которыми мы знали, что есть ходъ. Несмотря на хорошую, сравнительно, дорогу и на то, что теперь каждыя нарты тянули три человѣка, а двое нартъ тянули по четыре человѣка, идти было очень тяжело. Мы еще не «втянулись». Черезъ полчаса остановились отдохнуть, оглянулись назадъ на «Св. Анну» и видимъ, что отошли недалеко.

Около первыхъ торосовъ произошла у насъ первая поломка полоза. Рѣшили назадъ не возвращаться. Мигомъ сняли каякъ, перевернули нарты и черезъ 45 минутъ первая поломка была исправлена. Однако, Георгій Львовичъ встревожился и послалъ двухъ человѣкъ на судно, снять съ бизанъ-мачты двѣ раксы, которыя мы должны были взять съ собой спеціально для починки полозьевъ. Пошли далѣе. Вотъ за торосами скрылась «Св. Анна». Здѣсь распрощались съ нами и вернулись на судно Ерминія Александровна и Калмыковъ. Мы же съ остальными провожатыми идемъ далѣе, по временамъ останавливаясь отдохнуть. Погода, дѣйствительно, начинаетъ портиться. Около 2 часовъ ночи подулъ свѣжій SSO и началась метель. Рѣшили остановиться. Нарты поставили по очерченному кругу, очистили снѣгъ и поставили

палатку. Въ этомъ маневрѣ мы упражнялись ранѣе, и потому все идетъ какъ по писаному. Какъ показалъ нашъ ходомѣръ, прошли мы за этотъ первый переходъ 5 верстъ. Скоро мы уже всѣ забрались въ палатку вокругъ нашей жировой печки и пили чай съ молокомъ. Неожиданно для всѣхъ Георгій Львовичъ приказалъ стюарту доставить захваченный съ судна шоколадъ и... бутылку шампанскаго, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшую изъ ящика, подареннаго въ Петроградѣ однимъ доброжелательнымъ сахарозаводчикомъ. Это было для всѣхъ сюрпризомъ. На долю каждаго пришлось по рюмкѣ шампанскаго, но дѣло не въ количествѣ... Во всякомъ случаѣ мы подняли «бокалы» шампанскаго на 83° с. широты, такъ какъ въ это время пересѣкали эту параллель, и отъ души пожелали другъ другу благополучнаго возвращенія домой.

Поговоривъ немного о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, мы сердечно распрощались съ остающимися, и они на лыжахъ вернулись на судно.

Метель тѣмъ временемъ разыгралась не на шутку. Вѣтеръ ревѣлъ во всю и потрясалъ нашу палатку. Забрались мы въ малицы, укутали ноги и заснули, какъ могутъ спать уставшіе люди.

Проснувшись на другой день около 10 часовъ утра, мы сразу увидали, что о дальнѣйшемъ движеніи сегодня и думать не слѣдуетъ. Сильный южный вѣтеръ такъ и рвалъ палатку. Мельчайшая снѣжная пыль попадала даже въ палатку и толстымъ слоемъ покрывала наши малицы. Лежа въ малицахъ и пимахъ, мы не ощущали особеннаго холода, хотя «на дворѣ» было не менѣе — 18°. Но надо было подумать о ѣдѣ. Пришлось вставать, одѣваться и выходить наружу. Большого труда стоило открыть парусиновую «дверь», такъ какъ и палатка и каяки были занесены снѣгомъ. Ни «Св. Анны», ни даже ближайшихъ ропаковъ не было видно. Метель свирѣпствовала такая, что «свѣту Божьяго не видно»

было. Нарубивъ прѣснаго льда для чая и доставъ изъ каяковъ все нужное, мы поспѣшили забраться въ палатку и поплотнѣе зашнуровать за собой «дверь». Развели огонь въ нашей походной печкѣ, сварили чай съ молокомъ, подогрѣли «австралійскаго» мяса и, насытившись, поспѣшили опять забраться въ свои малицы. Спали мы весь день: погода къ этому располагала. Вечеромъ мы проснулись, поговорили, опять закутались и опять завалились спать. Метель не утихала 3 дня, идти было невозможно, и это время мы почти цѣликомъ провели или лежа въ малицахъ, или закусывая, или во снѣ. Большинство спали по два человѣка рядомъ, засунувъ нижнюю часть тѣла въ одну малицу, а другую малицу одѣвъ на голову и плечи. Хотя при такомъ способѣ спанья дѣйствительно бываетъ тепло, даже въ самое холодное время, но я его не любилъ и рѣдко къ нему прибѣгалъ. Трудно проспать долгое время неподвижно, не повернувшись на другой бокъ, и при всякомъ подобномъ движеніи компаньоны такого «спальнаго мѣшка» неминуемо толкаютъ и безпокоятъ другъ друга. Я предпочелъ спать одинъ, хотя это и имѣетъ свои отрицательныя стороны въ холодное время. Поэтому приходилось ноги засовывать по возможности глубже въ рукава, а голову укутывать теплымъ пиджакомъ. При этомъ иногда бывало холодновато. Такъ забравшись въ малицы, мы и провели почти цѣликомъ три дня, съ промежутками для приготовленія пищи и для самой ѣды. Вѣтеръ все время дулъ южный, балловъ до 8—9, съ сильной метелью. Палатка наша была занесена снѣгомъ наравнѣ съ каяками. Хотя мы эти дни и не двигались «по назначенію», но мы утѣшали себя мыслью, что привыкаемъ къ походной жизни, и чувствовали себя въ общемъ недурно. Иногда послѣ ужина можно было даже слышать самыя залихватскія пѣсни, въ которыхъ пѣвцы старались перекричать завываніе метели. Одинъ старикъ Анисимовъ, который и на суднѣ всегда жаловался на поясницу и на ноги, теперь совершенно раскисъ.

Рѣшено было отправить его на судно. Двигаться, а тѣмъ болѣе тянуть тяжелыя нарты онъ не могъ.

13 апрѣля, вечеромъ, когда метель начала немного утихать, мы были внезапно разбужены отъ своей спячки криками, пѣснями и стуками въ «дверь». Это пришли съ судна Денисовъ, Мельбартъ и Регальдъ. Оказывается, что они еще вчера дѣлали попытку навѣстить насъ «на новосельѣ», но едва сами вернулись на судно, сбившись съ пути въ метели. Они принесли намъ въ жестяныхъ банкахъ горячей пищи, которую мы сейчасъ же принялись уплетать съ аппетитомъ. Окончивъ нашъ великолѣпный неожиданный ужинъ, мы сбросили съ себя спячку, встряхнулись и стали откапываться отъ снѣга. Двѣ лопаты Денисовъ захватилъ съ собой съ судна. Анисимовъ былъ отправленъ на судно съ Денисовымъ и четыре человѣка моихъ спутниковъ пошли ихъ провожать, рѣшивъ на суднѣ и переночевать, такъ какъ мы пойдемъ дальше только завтра.

На другой день послѣ полудня явились съ судна Денисовъ, Мельбартъ и Регальдъ. Регальдъ пришелъ со своими вещами, такъ какъ вмѣсто старика Анисимова рѣшилъ идти съ нами онъ. Въ полдень я взялъ высоту солнца и былъ очень смущенъ, когда у меня получилась широта 83° 17′. Я даже сомнѣвался въ правильности своей высоты. Но Регальдъ принесъ мнѣ письмо отъ Георгія Львовича и въ этомъ письмѣ сообщалось, что наблюденія Георгія Львовича дали сегодня широту 83° 18′. Не подлежало сомнѣнію, значитъ, что за эти четыре дня насъ отнесло на сѣверъ на 20 миль. Георгій Львовичъ въ своемъ письмѣ утѣшалъ меня, что если насъ подало южнымъ вѣтромъ на сѣверъ, то такъ же сѣверными вѣтрами подастъ и на югъ. Конечно, это справедливо, но все же такая подвижка къ сѣверу на 35 верстъ въ то время, какъ мы своимъ собственнымъ ходомъ подвинулись на югъ только на 5 верстъ, мнѣ не нравилась. Я безпокоился, сможемъ ли мы достаточно быстро двигаться на югъ, чтобы

пересилить невольный дрейфъ на сѣверъ. Но нѣтъ, теперь подходитъ лѣто, а въ это время надо ожидать больше сѣверныхъ вѣтровъ, чѣмъ южныхъ. Не надо падать духомъ, а лучше приняться за дѣло. Убрали свои пожитки, сложили палатку и тронулись въ путь. Но сейчасъ же у насъ случилась небольшая непріятность, опять нѣсколько обезкуражившая насъ. Только что мы налегли на лямки, какъ съ троими изъ насъ приключилась дурнота: сильное головокруженіе и слабость такая, что пришлось здѣсь же, около нартъ лечь на снѣгъ и полежать минутъ пятнадцать. Можетъ быть, въ этомъ была виновата наша трехдневная спячка, послѣ которой мы слишкомъ ретиво принялись за работу, а можетъ быть, мы вообще были слишкомъ слабы и больны послѣ долгой, тяжелой зимовки. Но скоро мы оправились отъ нашей слабости и, нѣсколько сконфуженные, тронулись въ путь. Сначала мы взяли только четыре каяка и легко пошли съ ними. Снѣгъ былъ прибитъ метелью и многія неровности пути сглажены. Оттащивъ первые каяки версты за три, мы вернулись за второй партіей и потащили ихъ. «Св. Анна» была хорошо видна. Погода была хорошая, теплая, солнечная. Мы воспрянули духомъ и бодро перетаскивали свои каяки. Теперь мы знали, что хотя и такимъ способомъ, но мы можемъ двигаться на югъ, съ каждымъ днемъ хоть немного, но подвигаясь ближе «къ дому».

За день мы сдѣлали верстъ 6 и остановились на ночлегъ подъ прикрытіемъ высокихъ торосовъ.

На слѣдующій день мы двигались такимъ же способомъ, т. е. перетаскивали свои каяки за два пріема, а иногда и за три. Иначе идти было невозможно. Дорога ухудшалась: стали попадаться крупные тороса, цѣлые хребты, между которыми приходилось сначала найти еще дорогу. Около такихъ торосовъ снѣгъ обыкновенно глубже и рыхлѣе. Наши нарты мало были приспособлены къ такому снѣгу. Ихъ узкіе полозья уходили въ снѣгъ по самые нащепы. Посте-

пенно онѣ погружались глубже и глубже въ снѣгъ и въ концѣ концовъ окончательно застревали въ сугробѣ. Тогда приходилось серединой лямки поддѣвать подъ передній конецъ нащепа и выволакивать нарты изъ сугроба. Сегодня мы прошли уже не болѣе 4-хъ верстъ и то послѣ усиленной работы. И сегодня неугомонные Денисовъ съ Мельбартомъ догнали насъ и принесли горячей пищи. Они прямо издѣваются надъ нашимъ черепашьимъ движеніемъ и грозятъ еще недѣлю догонять насъ. Денисовъ, этотъ неугомонный полухохолъ-полунорвежецъ, прямо неутомимъ. Онъ, кажется, способенъ ежедневно дѣлать на лыжах верстъ по 50—60. Это самый дѣятельный, самый предпріимчивый изъ всѣхъ оставшихся на суднѣ. Интересна его исторія. Мальчишкой лѣтъ 13 удралъ онъ изъ дома, откуда-то изъ Малороссіи, пробрался за границу въ трюмѣ парохода, плавалъ на разныхъ судахъ и, наконецъ, сдѣлался китобоемъ-гарпунеромъ на норвежскомъ суднѣ, промышлявшемъ около Южной Георгіи. Наѣзжая оттуда по временамъ въ Норвегію, онъ женился на норвеженкѣ и устроился въ Норвегіи совершенно какъ дома; при этомъ онъ, однако, страстно любилъ Россію, и завѣтною его мечтою было попасть на русскаго китобоя. Прослышавъ случайно, что Брусиловъ купилъ шхуну и собирается заняться китобойнымъ промысломъ на Востокѣ, онъ поступилъ къ нему на службу на условія гораздо худшія, чѣмъ тѣ, на которыхъ онъ работалъ въ Норвегіи.

Съ 16-го апрѣля мы уже порвали всякую связь со «Св. Анной». Денисовъ насъ уже не догонялъ, а къ вечеру потеряли изъ виду «Св. Анну».

Мало-по-малу мы начали привыкать къ своему кочевому образу жизни. Вставали мы часовъ въ 7 утра и принимались готовить завтракъ. Первое время у насъ еще было тюленье сало, взятое съ судна, для согрѣванія пищи и для растапливанія льда для питья. Нашъ приборъ для варки пищи, къ сожалѣнію, былъ очень примитивный, состоя изъ жестяного

кожуха, въ который вставлялось обыкновенное оцинкованное ведро съ крышкой, и расходовалъ много сала. Эту печь мы обыкновенно ставили въ палаткѣ и температура въ ней, во время варки пищи, значительно поднималась. Но зато дыму при этомъ было тоже довольно, и наша палатка сильно закоптѣлась. Про насъ самихъ и говорить нечего: мы очень скоро стали походить сначала на цыганъ, и день ото дня наша кожа становилась все смуглѣе и смуглѣе.

Послѣ завтрака, часовъ около 9 утра, мы снимали нашъ бивуакъ, укладывали свои пожитки и трогались въ путь. Взявъ трое нартъ, мы тащили ихъ часа 2 по глубокому снѣгу, часто перебираясь черезъ торосы. Снѣгъ былъ очень глубокій, и мы вязли въ немъ выше колѣнъ. Тащить тяжелыя нарты, пользуясь лыжами, было невозможно, такъ какъ лыжи скользили. Мы очень сожалѣли, что не сдѣлали еще на суднѣ спеціальныхъ лыжъ, пригодныхъ для этой цѣли. Оттащивъ первую партію версты за двѣ, мы оставляли ихъ около какого-нибудь стараго тороса, на вершинѣ котораго ставили флагъ, и возвращались за второй партіей каяковъ. Въ часъ или въ 2 часа дня мы дѣлали привалъ, палатку при этомъ не ставили, такъ какъ это занимало много времени. Присаживались въ малицахъ съ подвѣтренной стороны каяковъ, доставали сухари и жевали ихъ. Первое время къ этимъ сухарямъ мы получали по маленькому кусочку шоколада, но къ сожалѣнію его у насъ было очень мало. Отдохнувъ часа полтора, мы отправлялись далѣе, опять же взявъ въ первую очередь только три каяка, на одномъ изъ которыхъ была палатка. Шли версты двѣ или около того, смотря по дорогѣ, и теперь уже выбирали мѣсто для ночлега. Два человѣка оставались ставить палатку, а остальные на лыжахъ шли за второй партіей каяковъ. Мѣсто для ночевки старались выбирать у какого-нибудь высокаго холма, съ котораго можно было бы наблюдать горизонтъ. Внутри палатки мы разстилали куски парусины, служившіе для защиты

каяковъ, одѣяла и дождевики, у кого они были. Нарты ставили по кругу, и палатка своими оттяжками крѣпилась за копылы нартъ. Часовъ въ 7 или въ 8 мы уже сидѣли въ палаткѣ, растапливали ледъ и грѣли воду для заварки чая, причемъ, ради экономіи въ топливѣ, не кипятили ее и чай пили только теплый. Но мы были рады и этому. Дверь въ палатку плотно зашнуровывалась, паръ изъ ведра и кружекъ мигомъ наполнялъ палатку, становилось тепло, и всѣ оживлялись. Получивъ свои порціи чая, сухарей и австралійскаго мяса, мы забывали и холодъ, и усталость. Когда же вышло у насъ австралійское мясо, то мы варили супъ изъ сухого бульона Скорикова, который, къ слову сказать, получался всегда очень жидкій, и запускали его молотымъ горохомъ или сушеной зеленью. Это время дня было у насъ самое пріятное и оживленное. Разговоры не прекращались и все время вертѣлись около вопроса, когда мы увидимъ землю, какъ пойдемъ по ней къ землѣ обѣтованной, мысу Флора, что тамъ найдемъ и какъ устроимся. Намокшіе за день пимы или сапоги мы предварительно оставляли на вѣтру, надѣтыми на лыжныя палки и за ночь они обыкновенно просыхали. Этими вечерами я пользовался для записыванія въ дневникъ происшедшаго за день, а если удавалось взять высоты солнца, то и для вычисленій. Но гораздо хуже было наше дѣло, если въ этотъ день у насъ не было топлива. Въ такіе «холодные» вечера оживленія въ палаткѣ уже не было. Мрачные, озябшіе сидѣли мы по своимъ угламъ, закутавшись въ малицы, ѣли сухари и заѣдали ихъ маленькими кусочками льда. Къ сухарямъ мы, правда, получали по ложкѣ русскаго масла, но оно было тоже мороженое и горячей пищи замѣнить не могло. Отсутствіе питьевой воды было очень чувствительно, ледъ плохо замѣнялъ ее, а послѣ сухарей жажда мучила порядочно. Правда, много времени спустя, нѣкоторые изъ насъ стали пользоваться и морской водой, размачивая въ ней сухари и прибавляя немного сушенаго луку.

Первое время при этомъ мы чувствовали непріятную горечь отъ морской воды, но скоро привыкли и не замѣчали уже ея. Супъ же или похлебку мы всегда варили изъ морской воды, прибавляя въ нее только немного льда. «Холодныхъ» же вечеровъ у насъ было достаточно, въ особенности въ первой трети нашего пути. Полыней не было, а слѣдовательно, не было и тюленей, которые давали намъ и пищу, и топливо, про медвѣдей же и говорить нечего: въ этой части пути мы не видѣли даже и слѣдовъ медвѣжьихъ.

Самое непріятное время дня было утро, когда, согрѣвшись за ночь въ теплыхъ малицахъ, приходилось погрызть наскоро сухарей безъ горячаго чая и выходить на холодъ. Не снимая еще малицы, мы принимались собирать наши пожитки, подстилки, складывать палатку, зашнуровывать и увязывать каяки.

Но вотъ все готово: съ неохотой снимаемъ мы малицы, такъ какъ въ нихъ тянуть каяки по глубокому снѣгу нельзя, бросаемъ ихъ на каяки, надѣваемъ лямки и тяжело трогаемся въ путь. Если при этомъ была еще пасмурная погода, метель или сильный морозъ, то наше настроеніе и совсѣмъ портилось. Безотраднымъ, безконечнымъ казался намъ нашъ путь и никогда, казалось, не настанетъ теплое время года, никогда мы не доберемся до полыней, которыхъ такъ страстно ждали. Мы все еще надѣялись, что будутъ намъ попадаться попутныя полыньи, по которымъ намъ удастся такъ скоро и удобно плыть на каякахъ, стрѣляя по пути тюленей; но полыней не было.

На десятый или одиннадцатый день послѣ нашего отхода со «Св. Анны», когда мы были отъ нея верстахъ въ сорока, три матроса — Пономаревъ, Шабатура и Шахнинъ не выдержали и стали просить меня отпустить ихъ обратно на судно, такъ какъ они устали и не надѣются дойти когда-нибудь до берега. Эти матросы отнюдь не были слабѣе другихъ, и я бы даже сказалъ, что, напротивъ, они были здоровѣе многихъ.

Но они ожидали дней черезъ пять, черезъ шесть увидѣть землю, долгое же путешествіе по дрейфующему льду имъ вовсе не нравилось, и они предпочитали вернуться на судно, гдѣ пока они могутъ жить сравнительно въ теплѣ и сытно. Такъ какъ всѣ уходили съ судна добровольно, безъ принужденія, а наше положеніе я считалъ далеко не блестящимъ, то и не счелъ себя вправѣ противиться желанію этихъ трехъ лицъ.

Метелей за эти дни не было, ледъ былъ въ сравнительно спокойномъ состояніи, т. е. перемѣщеній отдѣльныхъ ледяныхъ полей относительно другъ друга мы не замѣчали, а слѣдъ, оставленный семью нартами и четырнадцатью людьми былъ слишкомъ замѣтенъ, такъ что найти дорогу на «Св. Анну» было возможно. Уходящіе отказались взять съ собой нарты съ каякомъ. Взяли съ собой винтовку, патроны, теплую одежду, заспинныя сумки съ сухарями и на лыжахъ отправились въ путь. Я полагаю, что на слѣдующій же день они прибыли благополучно на «Св. Анну».

На всякій случай мы все же рѣшили простоять еще сутки на мѣстѣ, чтобы ушедшіе могли вернуться къ намъ, если почему-либо потеряютъ дорогу на судно. За это время мы разобрали двое нартъ и два каяка на топливо.

Пономареву я далъ письмо для Брусилова, въ которомъ описалъ наше положеніе. Такимъ образомъ, теперь насъ при пяти нартахъ осталось 11 человѣкъ: Луняевъ, Максимовъ, Нильсенъ, Кондратъ, Смиренниковъ, Регальдъ, Баевъ, Архиреевъ, Шпаковскій, Губановъ и я самъ.

Способъ передвиженія нашего оставался все тотъ-же, т. е. мы продолжали перетаскивать свои нарты въ большинствѣ случаевъ за два пріема, а иногда и за три.

Очень рѣдко попадались намъ большія поля молодого льда съ тонкимъ и крѣпкимъ слоемъ снѣга. Но изрѣдка все же бывали такіе счастливые для насъ дни. Тогда ужъ

мы тащили всѣ нарты сразу и были очень довольны, что не придется намъ проходить путь дважды.

Если же при этомъ еще былъ попутный сѣверный вѣтерокъ, то мы ставили на каякахъ паруса, которые, хотя и немного, но помогали намъ.

Приближалась весна. Сильнѣе пригрѣвало солнце въ полуденное время, но таянія еще не было. Снѣгъ только началъ покрываться тонкой, гладкой матовой коркой, очень сильно отражающей свѣтъ. Въ концѣ апрѣля почти у всѣхъ насъ стали болѣть глаза. На «Св. Аннѣ» только нѣкоторые изъ насъ страдали этой болѣзнью, которая скоро проходила послѣ того, какъ больной посидитъ нѣсколько дней въ помѣщеніи. Настоящихъ предохранительныхъ снѣговыхъ очковъ у насъ не было. Еще на суднѣ машинистъ Фрейбергъ сдѣлалъ намъ всѣмъ по парѣ очковъ, взявъ для нихъ стекла изъ темныхъ четырехгранныхъ бутылокъ отъ «джина», но очки эти не достигали своего назначенія. Надѣвъ ихъ, мы ничего не видѣли впереди, поминутно спотыкались, перевертывали нарты, падали сами, глаза же по прежнему болѣли невозможно и слезы текли горячими струями. Въ переднихъ нартахъ обыкновенно шли счастливцы, «зрячіе», а «слѣпцы» тянулись по слѣдамъ, съ закрытыми глазами, только по временамъ посматривая сквозь рѣсницы на дорогу. Но бывали дни, когда глаза болѣли у всѣхъ и болѣли нестерпимо, тогда ужъ приходилось цѣлый день сидѣть въ палаткѣ ожидая, когда отдохнутъ глаза отъ этого нестерпимаго сильнаго свѣта. Глаза болѣли не только при ясной солнечной погодѣ, но даже и тогда, когда небо бывало покрыто облаками и солнца не было видно. Если утихала самая боль въ глазахъ, то въ нихъ оставалась еще какая-то муть, и всѣ предметы мы видѣли какъ бы въ туманѣ.

Тяжелъ, мучителенъ былъ нашъ путь, но еще мучительнѣе становился онъ, когда болѣли глаза. Живо, какъ будто это было только вчера, встаетъ передъ моимъ мысленнымъ

взоромъ слѣдующая картина, которой я, кажется, никогда не забуду.

Большое ровное поле съ неглубокимъ снѣгомъ. Далеко самъ я не вижу, но мой спутникъ говоритъ, что вдали чуть видны хребты торосовъ, между которыми попадаются очень высокіе холмы. Что тамъ за этими торосами? Можетъ быть, забравшись на одинъ изъ этихъ высокихъ холмовъ, мы увидимъ на горизонтѣ землю... Хотя бы чуть-чуть видную отдаленную землю, голый безжизненный утесъ.

Или можетъ быть эти тороса образовались около большой полыньи, по которой намъ удастся, наконецъ, поплыть на каякахъ на югъ, на который много «выстаетъ звѣря», такъ необходимаго намъ на топливо и на мясо.

Длинной вереницей растянулись пять каяковъ, изъ которыхъ четыре каяка тянутъ по два человѣка, передній мой — три. Я иду во второмъ ряду, такъ какъ положительно не могу смотрѣть.

Тепло и тихо. На небѣ ни облачка. Солнце ослѣпительно свѣтитъ мнѣ въ лицо и глаза плотно закрыты. Пріоткрывъ ихъ на минуту, чтобы посмотрѣть направленіе и убѣдиться, что по прежнему тянется равнина, опять закрываю ихъ.

Первое время боль усиливается, но постепенно затихаетъ, глаза успокаиваются, и уже не хочется ихъ открывать. Даже шапку надвинулъ на нихъ, чтобы защитить отъ свѣта, который проникаетъ даже сквозь вѣки.

Мѣрно, въ ногу, одновременно покачиваясь впередъ, налегая на лямку грудью и выпрямляясь, держась одной рукой за бортъ каяка, идемъ мы.

Въ правой рукѣ лыжная палка съ кружкомъ и острымъ наконечникомъ, которая съ механической точностью заносится впередъ, съ рукою качается вправо и медленно остается позади...

Какъ однообразно, какъ отчетливо скрипитъ снѣгъ подъ

наконечникомъ этой палки! Эта палка какъ бы отмѣриваетъ пройденное разстояніе и, недовольная результатомъ, настойчиво брюзжитъ. Невольно прислушиваешься къ этому ритмическому поскрипыванію, и вотъ вамъ ясно слышится: «далеко, да-ле-ко, да-ле-ко»... Мало-по-малу исчезаетъ всякая мысль... Теряешь всякое представленіе о времени и мѣстѣ... Какъ въ забытьи, идемъ мы, механически переставляя ноги и налегая грудью на лямку. Тепло, солнце припекаетъ... Жаркое южное лѣто. Вы идете по набережной, въ тѣни высокихъ каменныхъ домовъ. Въ этихъ домахъ азіатскіе фруктовые склады, двери въ которые раскрыты настежь. Вы ясно чувствуете ароматный, пряный запахъ свѣжихъ и сухихъ фруктовъ. Одуряюще пахнетъ апельсинами, персиками, сушеными яблоками, изюмомъ и гвоздикой... Вы ясно чувствуете пріятную влажную прохладу отъ мягкихъ отъ жары асфальтовыхъ панелей, часто поливаемыхъ водою персами-торговцами. Вамъ уже слышится ихъ спокойная гортанная рѣчь... Боже, какъ хорошо пахнетъ, какая пріятная прохлада.

Вдругъ вы спотыкаетесь о свою палку, открываете глаза и останавливаетесь пораженный картиной... Первое время вы не можете сообразить, гдѣ вы, какъ вы сюда попали.

«Что случилось» — спрашиваютъ съ удивленіемъ спутники. Но вотъ вы приходите въ себя. «Ничего, спотыкнулся». И по старому тянется ледяное поле, но ближе видны тороса. По старому солнце ослѣпительно свѣтитъ, по старому болятъ глаза...

А галлюцинаціи не совсѣмъ исчезли. Я еще ясно ощущаю душистый, пряный запахъ фруктовъ, и воздухъ кажется напоенъ имъ. Что это? Не боленъ ли я? Опять закрыты глаза, опять медленное, мѣрное покачиваніе, опять недовольно поскрипываетъ наконечникъ палки о томъ, что далеко, далеко намъ идти... Мысль возвращается къ только что пережитому.

Если я благополучно вернусь «домой», то обязательно поѣду на югъ или даже поступлю на службу гдѣ-нибудь на Черномъ или Каспійскомъ морѣ. Тепло тамъ... Въ одной рубашкѣ ходить можно и даже босикомъ... Неужели, правда, можно? Странно.... Сейчасъ здѣсь это такъ трудно представить себѣ, что даже не вѣрится этой возможности.

Буду много-много ѣсть апельсиновъ, яблокъ, винограду... Но и шоколадъ тоже вѣдь хорошая вещь съ ржаными сухарями, какъ мы ѣдимъ въ полуденный привалъ... Только теперь мы очень мало его получаемъ, этого шоколаду. А хорошо бы поставить передъ собой тарелку съ просушенными ржаными сухарями, а въ руку взять сразу цѣлую плитку шоколаду и ѣсть сколько хочется. Ахъ, зачѣмъ я пошелъ въ это плаваніе въ холодное, ледяное море, когда такъ хорошо плавать на тепломъ югѣ! Какъ это глупо было! Теперь вотъ и казнись, иди, иди, иди... подгоняемый призракомъ голодной смерти. Сегодня вотъ предстоитъ у насъ «холодный» вечеръ, такъ какъ топлива нѣтъ нисколько. Все это только справедливое возмездіе тебѣ, не искушай судьбу, не суйся туда, гдѣ природа не желаетъ допустить присутствія человѣка. Мечтаешь ѣхать на теплый югъ, когда ты еще находишься въ области вѣчнаго движущагося льда, далеко отъ земли. Ты еще доберись сначала до оконечности самой сѣверной земли... Доберешься ли?

Переваливъ черезъ громадные тороса, мы убѣдились, что никакой полыньи за ними нѣтъ. Впереди былъ виденъ далеко торошеный ледъ, по которому намъ предстояло искать мало-мальски сносную дорогу. Раскинули палатку и расположились на ночлегъ.

Пошаривъ по каякамъ, нашли кое-что лишнее годное на топливо и, хотя не удалось согрѣть воды для чая, но для питья воды натаяли. И то хорошо. На ужинъ получили по фунту сухарей и по столовой ложкѣ замороженнаго масла. Если это масло согрѣть немного своимъ дыханіемъ, забрав-

шись въ малицу, то его можно пальцемъ намазывать на сухарь. Это тоже вещь вкусная и сытная.

Сегодня мы сдѣлали хорошій переходъ, не менѣе 6 верстъ, но зато впереди у насъ не дорога, а частоколъ.

Спать легли всѣ мрачные и молчаливые. Утромъ я проснулся радостный и возбужденный подъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго сна. Сейчасъ же подѣлился имъ со своими спутниками, какъ чѣмъ-то дѣйствительно радостнымъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ успѣху нашего путешествія. И спутники мои были заинтересованы и со вниманіемъ слушали меня.

Вижу я, будто идемъ мы всѣ по льду, по большому полю, какъ шли вчера, и, конечно, тянемъ за собою по обыкновенію свои нарты. Впереди, видимъ, стоитъ большая толпа людей, о чемъ-то оживленно разговаривающихъ, которые, повидимому, кого-то ждутъ и смотрятъ въ ту сторону, куда и мы держимъ путь. Ни толпа эта насъ, ни мы со своими каяками толпу не удивили. Какъ будто это дѣло обычное и встрѣча самая заурядная.

Подходимъ мы ближе къ этимъ людямъ и спрашиваемъ, о чемъ они такъ оживленно разсуждаютъ и кого ждутъ. Мнѣ указываютъ на худенькаго, сѣденькаго старичка, который выходилъ въ это время изъ-за торосовъ, и говорятъ, что это предсказатель или ясновидящій, который очень вѣрно всегда предсказываетъ будущее.

Вотъ, думаю я, подходящій случай, котораго не слѣдуетъ упускать. Попрошу я старичка, пусть погадаетъ мнѣ и предскажетъ, что ждетъ насъ и доберемся ли мы до земли. Подхожу къ нему и протягиваю руки ладонями вверхъ, какъ протягиваютъ гадалкѣ, которая по линіямъ рукъ узнаетъ будущее. А, можетъ быть, и не совсѣмъ такъ. Можетъ быть, я ихъ протягивалъ такъ, какъ протягиваютъ руки подъ благословеніе. И не очень развязно подходилъ я къ этому старичку. Онъ только мелькомъ посмотрѣлъ на мои

руки, успокоительно или напутственно махнулъ рукой на югъ и сказалъ: «ничего, дойдешь, недалеко ужъ и полынья, а тамъ»... Я не успѣлъ дослушать предсказанія старичка и проснулся.

Подъ впечатлѣніемъ этого сна я былъ такъ радостно настроенъ, что отъ вчерашняго мрачнаго настроенія не оставалось и слѣда и своимъ одушевленіемъ я увлекъ и всѣхъ спутниковъ моихъ. Ни одной минуты я не сомнѣвался, что это вѣщій сонъ, что этотъ старичокъ-предсказатель былъ самъ Николай-Чудотворецъ, иконка котораго всегда была со мной. Да и тѣ люди, которыхъ видѣлъ я во снѣ, слишкомъ благоговѣйно смотрѣли на этого предсказателя. Конечно, я тогда былъ боленъ и галлюцинаціи наканунѣ, когда я почти въ забытьи перенесся на набережную Баку, только подтверждаютъ это, но, тѣмъ не менѣе, этотъ сонъ, со всѣми его мельчайшими подробностями, не выходилъ у меня изъ головы всю дорогу, вплоть до мыса Флоры. Мои спутники тоже увѣровали въ этотъ сонъ, въ особенности послѣ того, какъ въ тотъ же вечеръ, совершенно неожиданно для насъ, мы оказались около большой полыньи. На этой полыньѣ мы убили нѣсколько тюленей, давшихъ намъ много мяса и жира на топливо. Мы отдыхали, были сыты и счастливы. Мы легко падали духомъ, но зато немного намъ надо было и для счастья...

Полынья, у которой мы стали, очень большая. Противоположная ея кромка чуть видна на горизонтѣ. Вѣтеръ эти дни держится все время сѣверный, такъ что замерзающая «шуга» или сало все время относится къ противоположной сторонѣ.

У нашей кромки тоже намерзаетъ тонкій свѣжій ледокъ, отламывается и несется туда же, черезъ полынью. Въ бинокль можно разсмотрѣть, что такой ледяной каши накопилось у противоположной кромки очень много. Съѣздили на каякѣ на ту сторону и убѣдились, что пробиться черезъ

эту кашу, шириною около полумили, нельзя и высадиться на старый ледъ прямо невозможно.

Надо искать обхода этой полыньи или болѣе удобной переправы. На востокъ полынья постепенно расширялась до нѣсколькихъ миль. Пройдя на востокъ верстъ около десяти, мы все еще не видѣли ея края и не замѣчали, чтобы она начала суживаться. Надъ нею держится сильное испареніе, а на востокѣ надъ горизонтомъ много рѣзкой черноты, доказывающей, что воды тамъ много. Но, къ сожалѣнію, она не поворачивала къ югу, по крайней мѣрѣ въ томъ мѣстѣ, которое мы видѣли. На западъ полынья постепенно суживалась, но, пройдя туда верстъ пять, мы не дошли до зажатаго мѣста.

Очень много ходило по этой полыньѣ бѣлухъ, ботельносовъ и полосатиковъ. Поминутно слышалось ихъ пыхтѣнье, и эти небольшіе киты носились здѣсь и тамъ по нѣсколько штукъ заразъ одинъ за другимъ, то показывая свою спину, то исчезая подъ водой.

Тюленей на этой полыньѣ показывалось тоже много, но слишкомъ далеко. Впрочемъ, если имъ начать подсвистывать такъ, какъ подсвистываютъ лошадямъ, когда ихъ поятъ, то они, видимо заинтересованные, подходятъ ближе, стараясь высунуться выше изъ воды. Такимъ способомъ намъ удалось убить тюленя четыре или пять. Теперь мы были обезпечены топливомъ на нѣсколько дней, а мясо ѣли и жареное, и въ похлебкѣ съ молотымъ горохомъ.

Тюленье мясо въ варенномъ или жареномъ видѣ по цвѣту напоминаетъ дичь. Оно темнаго цвѣта и мягкое. На вкусъ оно довольно пріятное, по крайней мѣрѣ я говорю про тѣхъ тюленей, которыхъ я ѣлъ сѣвернѣе Земли Франца Іосифа. Мясо тюленей и даже морскихъ зайцевъ, которыхъ мы убивали въ Карскомъ морѣ и отъ которыхъ употребляли въ пищу только «катары», ласты, предварительно вымоченные въ уксусѣ и зажаренные на маслѣ, иногда положительно отзывалось и пахло ворванью. Медвѣжье мясо, ко-

тораго мы ѣли много и на суднѣ, и въ пути, конечно, лучше тюленьяго, но тоже нерѣдко отзываетъ ворванью.

Я не думаю, чтобы тюленье мясо, которое мы ѣли теперь, зажаренымъ на тюленьемъ же жирѣ, казалось мнѣ пріятнымъ отъ голода или потому, что мои вкусовыя ощущенія притупились.

Не зависитъ ли это отъ мѣста, гдѣ жилъ убитый тюлень, и отъ того, чѣмъ онъ питался.

Въ желудкахъ всѣхъ тюленей, убитыхъ нами къ сѣверу отъ Земли Франца Іосифа, а убили мы ихъ порядочно, мы ни разу не нашли остатковъ рыбы, а всегда только мелкихъ рачковъ, бокоплавовъ или «копшаковъ», какъ ихъ зовутъ на Мурманѣ. Въ тюленѣ, по моему, все съѣдобно. Печенка тюленя — это даже деликатесъ. Мозгъ тюленя очень вкусный, если его прожарить въ кипящемъ салѣ. Тюленьи «катары» — самыя оконечности, хорошо пропеченныя, очень похожи на телячьи ножки.

Первое время мои спутники сильно злоупотребляли тюленьимъ саломъ, нарѣзавъ его мелкими кусочками и сильно прожаривая. Получалось то, что называется «шкваркаами», которыя мы ѣли, изъ экономіи, безъ сухарей, съ одной солью. На непривычный желудокъ такое лакомство дѣйствуетъ, какъ сильное слабительное. Но желудокъ ко всему приспособливается, въ концѣ концовъ и «шкварки» не оказывали особеннаго дѣйствія на наши желудки.

У этой большой полыньи мы простояли два дня. За это время въ западной, болѣе узкой части ея, накопилось уже много молодого тонкаго льда, который набился другъ подъ друга и достаточно окрѣпъ. По этому тонкому льду мы и переправились черезъ полынью. Взяли немного восточнѣе, надѣясь, что тамъ будутъ полыньи, идущія на югъ и соединяющіяся съ большой полыньей на востокѣ, но этого не случилось.

Попадались маленькія полыньи, дававшія намъ, правда, пищу, но плыть по нимъ было нельзя.

IV. ГИБЕЛЬ БАЕВА.

Опять пошли тороса, опять пошелъ глубокій снѣгъ, опять наше движеніе впередъ за день было около 3 верстъ. Хуже всего этотъ глубокій снѣгъ, въ которомъ нарты вязнутъ по самые нащепы и часто ломаются. Чуть ни каждый день приходится заниматься починкой то тѣхъ, то другихъ нартъ, послѣ чего онѣ становятся все тяжелѣе на ходу. Хорошо еще, что мы всѣ полозья обтянули широкими желѣзными шинами и теперь, какъ только ломается полозъ, мы отвинчиваемъ шину, дѣлаемъ нужныя накладки на переломъ, скрѣпляемъ ихъ, а желѣзная шина, привернутая на мѣсто скрываетъ всѣ недочеты.

Насталъ май мѣсяцъ.

Уже два дня Баевъ приставалъ ко мнѣ, уговаривая взять правѣе, т. е. западнѣе. Съ какого-то очень высокаго ропака онъ увидѣлъ, по его словамъ на SSW совершенно ровный ледъ, который потомъ тянулся на югъ очень далеко. Ропаковъ на этомъ льду совершенно нѣтъ и всѣ тороса остаются далеко влѣво. 2-го мая, уйдя на развѣдку вмѣстѣ съ Максимовымъ, Баевъ, по его словамъ, дошелъ до этого ровнаго молодого льда, который тянулся на югъ, насколко могъ видѣть глазъ съ высокаго холма. Снѣгу на этомъ большомъ полѣ было мало, и онъ былъ крѣпкій. Какъ выражался Баевъ: «такая ровнушка, что копыто не пишетъ».

Но напрасно мы цѣлый день забирали правѣе, напрасно я съ торосовъ разглядывалъ окрестность, «ровнушка», какъ въ воду канула. Баевъ все стоялъ на своемъ, что «есть ровнушка», но только онъ, должно быть, сбился съ дороги и не можетъ ее найти.

«Самъ своими глазами видѣлъ, господинъ штурманъ, самъ шелъ по ней. Такая ровнушка, что конца-края не видно! Не иначе, какъ до острова»!

На слѣдующій день, 3-го мая, утромъ, мы пошли на SSO поискать дорогу, не желая болѣе забирать вправо. Должна же она гдѣ-нибудь быть за ропаками. Баевъ же отпросился у меня попробовать поискать свою «ровнушку» правѣе.

Мы нашли дорогу, хотя и неважную, и повернули обратно. Когда мы пришли часа черезъ три къ своему бивуаку, то Баева еще не было. Насталъ полдень, а его все нѣтъ. Часа въ 4 дня мы рѣшили, что дѣло не ладно: надо идти на поиски пропавшаго.

Взявъ съ собой сухарей, мы отправились вчетверомъ: я, Регальдъ, Кондратъ и Шпаковскій. Баевъ не любилъ ходить на лыжахъ и ушелъ безъ нихъ. Слѣды его пимовъ хорошо были видны на глубокомъ снѣгу.

Сначала они повели насъ на SW, но мало-по-малу склонились на W. Верстахъ въ пяти отъ нашей стоянки дѣйствительно пошелъ нетолстый ледъ, около полутора футъ, на которомъ снѣгу было очень мало. Баевъ шелъ по лѣвой сторонѣ этихъ полей, повидимому ожидая, что черезъ нѣкоторое время поля повернутъ лѣвѣе, т. е. на S, но ропаки попрежнему не пускали его влѣво. Тѣмъ временемъ погода начала портиться и пошелъ снѣгъ. Стали появляться неширокіе каналы, черезъ которые намъ на лыжахъ переходить было нетрудно, но Баеву приходилось прибѣгать къ помощи мелкихъ льдинъ. Далѣе каналовъ стало попадаться больше. Такъ шли мы по слѣдамъ Баева въ одинъ конецъ два часа и, я считаю, сдѣлали не менѣе 10—12

верстъ. Наконецъ, слѣды повернули обратно, но Баевъ уже не придерживался своихъ старыхъ слѣдовъ и почему-то забиралъ лѣвѣе. Нашъ флагъ, который мы всегда ставили у своего становища на ропакѣ, давно уже не былъ виденъ за торосами. Слѣды пимовъ Баева очень слабо отпечатывались на тонкомъ слоѣ крѣпкаго снѣга, ихъ запорошило шедшимъ снѣгомъ, и мы скоро окончательно ихъ потеряли. Стали мы кричать, свистать и стрѣлять изъ винтовокъ, но безуспѣшно. У Баева была съ собой винтовка магазинка и штукъ двѣнадцать патроновъ. Если бы онъ и былъ гдѣ-нибудь поблизости, то услышалъ бы наши выстрѣлы и отвѣтилъ бы на нихъ. Но ничего не было слышно.

Надо было торопиться обратно и принять другія мѣры, если Баевъ еще не вернулся.

Часовъ въ 9 вечера мы уже были у палатки. Баевъ не вернулся.

Изъ мачтъ каяковъ, лыжъ, лыжныхъ палокъ и запасныхъ реекъ мы связали мачту вышиною въ 5 саженъ, прикрѣпили къ ея вершинѣ два имѣющихся у насъ флага и съ помощью длинныхъ оттяжекъ укрѣпили ту мачту на вершинѣ холма, вышиною сажени въ двѣ. Эти флаги были далеко видны и, если Баевъ ходитъ гдѣ-нибудь вокругъ нашей стоянки, онъ долженъ увидѣть наши сигналы.

Подняли мы эту мачту часовъ въ 10 вечера, т. е. черезъ 15 часовъ послѣ ухода Баева.

Погода тѣмъ временемъ стала улучшаться и снѣгъ пересталъ.

На слѣдующій день мы ходили опять на поиски пропавшаго, при чемъ описали вокругъ нашей стоянки цѣлый кругъ радіусомъ до 4 верстъ, надѣясь напасть на свѣжіе слѣды Баева на глубокомъ снѣгу. Но всѣ наши розыски остались безуспѣшными. Куда онъ могъ дѣваться, одинъ Богъ знаетъ. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ мы видѣли каналы, онъ переходилъ ихъ благополучно, это мы видѣли по его слѣдамъ. Воз-

вращаясь обратно, онъ не пошелъ по своимъ старымъ слѣдамъ, а лѣвѣе и могъ заблудиться въ ропакахъ. Но трудно предположить, чтобы онъ не вернулся назадъ, когда убѣдился бы, что не туда идетъ. Тогда его слѣды привели бы его къ тому мѣсту, гдѣ уже видна была наша высокая мачта. Онъ могъ, переправляясь черезъ какую-нибудь полынью, свалиться въ воду, но для насъ такія купанья были далеко не рѣдкостью. Обыкновенно сейчасъ же выкарабкаешься на ледъ, выжмешь воду изъ одежды и бѣжишь къ становищу. Помню я, что Баевъ не разъ жаловался на свое сердце, повидимому онъ страдалъ порокомъ.

Не могъ ли случиться у него разрывъ сердца при паденіи въ холодную воду.

Иначе я ничего не могу придумать.

Простояли мы на этомъ мѣстѣ 3-е сутокъ, все еще надѣясь, что подойдетъ Баевъ, но его не было, онъ какъ въ воду канулъ, уйдя искать свою «ровнушку, на которой копыто не пишетъ».

Среда 14 мая. Снялись мы очень поздно, около 4 часовъ дня и за 6 часовъ прошли 4 версты. Сегодня у насъ въ нѣкоторомъ родѣ юбилейный день: мы считаемъ, что всего отошли отъ судна 100 верстъ. Это выходитъ на кругъ по 3,3 версты въ сутки, но и дорога зато такая, какой мы не ожидали. Уходя съ судна, мы разсчитывали теперь уже быть, если не на берегу, то въ виду береговъ.

Справили мы свой юбилей торжественно: сварили изъ сушеной черники и вишни супъ и даже подправили его для сладости двумя банками консервированнаго молока, что вмѣстѣ съ сухарями дало роскошный ужинъ.

Послѣ полудня вѣтеръ перешелъ къ NW и стало холоднѣе; появилась кругомъ надъ горизонтомъ чернота и накрылъ туманъ. Повидимому, ледъ пришелъ въ движеніе. Мы шли на югъ, и тамъ въ особенности много черноты, но пока большихъ полыней съ чистой водой мы не видимъ.

Четвергъ 15 мая. Опять не хватило топлива, опять забота, чѣмъ напитать людей. Какъ это тяжело, какъ это надоѣло мнѣ. Хуже всего то, что, за ничтожными исключеніями, эта забота никого изъ моихъ спутниковъ какъ бы не касается. Удивительные люди: ни предпріимчивости, ни сообразительности у нихъ не замѣтно. Какъ будто имъ совершенно все равно, дойдемъ ли мы до земли или не дойдемъ. Тяжело въ такой компаніи оказаться въ критическомъ положеніи. Иногда невольно становится страшно за будущее.

Сегодня вѣтеръ перешелъ къ W. Погода холодная, туманная. Прошли за день 2 версты.

Пятница 16 мая. Про вчерашнее происшествіе не хотѣлось писать вчера, да и сегодня не хочется.

Одно скажу, что вчера едва-едва не потонули три человѣка. Если мы доберемся до берега, то пусть эти люди помнятъ день 15 мая, день своего избавленія отъ смерти и ежегодно чтутъ его. Но если спаслись люди, то все же утопили дробовку-двустволку и нашу кормилицу—кухню. Благодаря этому мы вчера должны были ѣсть сырое мясо и пить холодную воду, разведенную молокомъ, а сегодня вмѣсто горячаго чая, который всегда такъ согрѣваетъ насъ, мы пили чуть тепленькую водичку съ сухарями. Стоимъ у полыньи, которая тянется на SW и потомъ поворачиваетъ на SSW. Сейчасъ начинаемъ укладываться и поплывемъ сколько можно. Вѣтеръ SW, кругомъ много «водяного неба» и туманъ.

(Вечеромъ). Проѣхать больше полуверсты не удалось, такъ какъ полынья покрыта шугой. Остановились на ночь. У всѣхъ сильно болятъ глаза, а у Луняева, кромѣ того, болитъ нога.

Суббота 17 мая. Сегодня къ утру полынья очистилась и расширилась, но направленіе ея на SSW. Несмотря на это мы спустили въ воду каяки и проплыли на нихъ часа

два, пройдя приблизительно около 9 верстъ. Каяки держатся на водѣ прекрасно. Нарты, несмотря на всю ихъ тяжесть и громоздкость, тоже помѣщаются каждая на своемъ каякѣ, впереди, и отъ этого каякъ не теряетъ устойчивости. Просачиваніе воды есть, но совсѣмъ незначитльное.

Я съ Нильсеномъ сегодня ушелъ далеко впередъ; за нами шли парами остальные каяки. Когда мы подошли къ концу полыньи и я влѣзъ на высокій ропакъ, то увидѣлъ два каяка, уже близко подходившихъ къ намъ, а остальныхъ двухъ не было видно. Ждемъ мы ихъ часъ, ждемъ два, а ихъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Такъ и рѣшили, что опять что-нибудь случилось, опять какой-нибудь сюрпризъ ожидаетъ насъ. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Около 4 часовъ подошелъ четвертый каякъ, и намъ сообщили слѣдующее: только что послѣдній каякъ отошелъ отъ кромки льда, какъ Регальду понадобилось во что бы ни стало вылѣзть на ледъ, что онъ и сталъ дѣлать, но въ это время у него подъ ногами осыпался снѣгъ и нашъ «стюартъ» самымъ основательнымъ образомъ выкупался. Каякъ его, на которомъ онъ плылъ одинъ, былъ очень скоро далеко отнесенъ по вѣтру и каяку Губанова пришлось ловить его и буксировать къ мѣсту происшествія. Скоро мы опять собрались всѣ, поставили палатку, собрали остатки топлива и сварили гороху. Немного утѣшились наши неудачники.

Эхъ, только бы привелъ меня Богъ благополучно добраться до берега съ этими ротозѣями!

Къ вечеру вѣтеръ отъ SW усилился и пошелъ снѣгъ.

Воскресенье 18 мая. Сегодня, можно сказать, хорошая дорога. Громадныя ледяныя поля; ропаки и тороса встрѣчаются только изрѣдка. Ледъ молодой, покрытый слоемъ снѣга не больше 4 вершковъ, но и то снѣгъ сравнительно плотный.

Мнѣ припоминается, что Нансенъ говоритъ про подобный совершенно плоскій ледъ, видѣнный имъ съ вершины

острова Бѣлой Земли. Во всякомъ случаѣ этотъ ледъ не того происхожденія, какъ окружающій «Св. Анну». Шли мы по этому льду съ тремя нартами въ одинъ конецъ 4 часа, и я считаю, что прошли верстъ 6 или 7. Подойдя къ большой полыньѣ, окруженной сильно поломаннымъ льдомъ, мы закусили сухарями съ кусочкомъ шоколада и немного отдохнули. Послѣ этого восемь человѣкъ отправились на лыжахъ за оставленными двумя каяками, а я съ Луняевымъ пошелъ къ полыньѣ, въ надеждѣ убить тюленя.

Несмотря на всѣ наши усилія подойти къ большой водѣ полыньи, это намъ не удалось, до такой степени весь окружающій ее ледъ поломанъ. Похоже на то, что эта полынья существуетъ давно и ее то сжимаетъ, то разводитъ. Пытливо смотрю я на горизонтъ по ту сторону полыньи, надѣясь увидѣть то препятствіе, о которое ломается ледъ, т. е. островъ, желанный островъ, но, увы, ничего не вижу. Правда, горизонтъ мглистый и погода пасмурная...

Вернулись мы къ каякамъ и стали ждать.

Ужасно досадно, что приходится терять даромъ столько времени. Вѣдь за это время мы могли бы очень далеко уйти. Нѣтъ, такъ идти нельзя. Сегодня же рѣшили уничтожить самый плохой каякъ и самыя сломанныя нарты, а обшивку съ каяка натянуть на одинъ изъ оставшихся. Дерево употребимъ на топливо, уменьшимъ палатку до минимума, уничтожимъ все лишнее и будемъ идти со всѣми четырьмя оставшимися нартами заразъ, безъ этого изводящаго возврата на мѣсто предыдущей ночевки.

Луняевъ тащить не можетъ; онъ самъ еле ходитъ и при этомъ стонетъ все время. Значитъ, на четверо нартъ насъ налицо 9 работниковъ. Пусть это будетъ тяжело, но все же будемъ двигаться полегоньку впередъ. Плыть же на 4-хъ каякахъ десять человѣкъ вполнѣ могутъ. Стоитъ только моимъ ротозѣямъ не забывать, что подъ ними не карбасъ, а легкій парусиновый каякъ.

Завтрашній день, пожалуй, уйдетъ на приведеніе въ исполненіе нашего плана, а тѣмъ временемъ мы посмотримъ, какъ подобраться къ полыньѣ и нельзя ли по ней поплыть. Сейчасъ, когда я пишу этотъ дневникъ, говорятъ, что полынья разводится и слышенъ шумъ прибоя. Ну, насчетъ прибоя то «ахъ оставьте». Не повѣрю.

Понедѣльникъ 19 мая. Стоимъ и приводимъ въ исполненіе вчерашній планъ. Дуетъ О. вѣтеръ, балла 4—5. Облачно. Попробовали бросить нашъ лотъ, но дна не достали, вытравивъ линя болѣе 100 саженъ.

Цѣлый день ищемъ или обхода полыньи, или подхода къ ея водѣ, но пока поиски безуспѣшны. Проклятая полынья. Къ ней положительно нельзя подступиться ни пѣшкомъ, ни на лыжахъ, ни на каякахъ. Ледъ поломанъ на громадномъ разстояніи и враво, и влѣво. И вчера и сегодня я выкупался, стараясь на лыжахъ перейти черезъ многочисленныя трещины и каналы. Вдали видна вода этой полыньи и, дѣйствительно, слышно нѣчто очень похожее на шумъ прибоя, но вмѣстѣ съ тѣмъ ледъ не колышется и вода не производитъ впечатлѣнія очень большой, по крайней мѣрѣ издали. Съ высокаго ропака вдали за этой полыньей вчера я видѣлъ еще такую же полынью. Можетъ быть на S. насъ ожидаетъ цѣлый рядъ полыней. Погода по-прежнему пасмурная и солнца нѣтъ. Вотъ уже 19 дней, какъ я не имѣю возможности опредѣлиться, и вопросъ, гдѣ мы, куда насъ несетъ, подвигаемся ли мы хоть немного на S., сильно интересуетъ меня.

Сегодня подсчиталъ провизію: оказалось, что у насъ осталось сухарей 520 фунтовъ. При расходѣ такомъ же, какъ сейчасъ, намъ этихъ сухарей хватитъ на мѣсяцъ. Можно бы, конечно, сократить выдачу, если бы наша охота была удачнѣе, но пока этого нѣтъ. Полыней мы встрѣчаемъ много, но тюленей уже нѣсколько дней не видимъ даже издали. Про медвѣдей и говоритъ нечего, хотя слѣды ихъ мы

и видѣли. Иногда одиночками, парами и тройками пролетаютъ бѣлыя чайки и глупыши. Были нырки, но теперь они стали рѣдки. Принимая во вниманіе все это, я невольно начинаю опасаться за будущее.

Конечно, за мѣсяцъ можетъ произойти очень многое: мы можемъ подвинуться значительно на S или SW, такъ какъ N и NO вѣтра у насъ преобладаютъ; мы можемъ, наконецъ, встрѣтить хорошую попутную полынью, по которой движеніе будетъ быстрѣе, наконецъ, мы можемъ убить медвѣдя.

Теперь на каждую нарту придется около 6 пудовъ груза, не считая вѣса каяка и самихъ нартъ. Если будетъ сносная дорога, то такой грузъ два человѣка везти могутъ.

Сейчасъ развѣдчики пошли на W посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ обхода полыньи. Глаза болятъ у всѣхъ насъ ужасно, а у Луняева болитъ еще кромѣ того нога до невозможности терпѣть боль. Неужели и его придется класть на нарты? Часовъ около 10 вечера вернулись развѣдчики и сообщили, что, пожалуй, удастся обойти полынью или по крайней мѣрѣ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ переправиться черезъ нее.

Вѣтеръ SO, балла 4.

Вторникъ, 20-го мая. Продолжаетъ дуть SO вѣтеръ, балла 4—5. Попрежнему облачно и пасмурно. Часовъ въ 11 утра снялись и пошли къ найденной вчера переправѣ, находящейся въ разстояніи около версты отъ стоянки. Сначала везли нарты по два человѣка, но скоро дорога стала хуже и пришлось волей-неволей приняться за старое, т. е. запрягаться по 4—5 человѣкъ. Придя къ мѣсту, наименѣе изрѣзанному трещинами и каналами, мы убѣдились, что ихъ развело и подобраться къ полыньѣ нѣтъ никакой возможности.

Поставили палатку, напились чаю, и я со Шпаковскимъ пошелъ искать обхода полыньи дальше на W. Обходъ, кажется, нашли, плохенькій, конечно, но до завтрашняго утра

рѣшили еще постоять: слшкомъ болятъ глаза. Кажется, что обойдя полынью, мы встрѣтимъ хорошую дорогу. Давай Богъ. А солнца все нѣтъ, какъ нѣтъ; вотъ уже двадцатый день не могу опредѣлиться, гдѣ мы.

Среда 21 мая. Наконецъ-то намъ удалось обойти проклятую полынью. Но что это была за дорога. Тащили нарты по шесть, по семь человѣкъ каждую, расчищая и прокладывая дорогу и топорами, и гарпунами. Но такъ или иначе, а полынью обошли и вышли на ровную-ровную поляну, покрытую не толстымъ слоемъ крѣпкаго снѣга. По этой-то дорогѣ потащили нарты по 2 человѣка каждую.

А все же и по этой дорогѣ такъ тяжело идти, но мы, хотя и медленно, а тащимся и тащимся впередъ.

Прошли мы за день верстъ 6, и цѣлый рядъ трещинъ и каналовъ опять преградилъ намъ путь. Удивительно поломанъ ледъ. Черезъ часть каналовъ переправились мы сегодня, но и на завтра ихъ еще осталось за глаза довольно. Скверно, что хотя полыней мы видимъ и много, да и впереди ихъ кажется достаточно, но плыть по нимъ, положительно, нельзя. Да и тянутся онѣ въ большинствѣ случаевъ съ востока на западъ.

Черезъ эти полыньи и переправляться-то очень трудно: ни пѣшкомъ, ни вплавь.

Ледъ безусловно перемѣнился за время нашего шествованія. Нѣтъ уже многолѣтнихъ ропаковъ, и годовалый ледъ со старымъ крупнымъ торосомъ даже сталъ рѣдко попадаться. Большей частью попадающійся намъ ледъ молодой: отъ нѣсколькихъ дюймовъ до фута или полутора футъ толщиной. Тороса этого молодого льда состоятъ изъ мелкихъ синихъ обломковъ и издали очень красивы. Иногда тянутся цѣлые длинные валы, саженей до двухъ вышиною, изъ мелкихъ ровныхъ синеватыхъ кусковъ, напоминающихъ груды сахара. Сегодя видѣли на очень тонкомъ льду много песку и глины.

Летаютъ чайки, но мало; видѣли одного тюленя. Отчего тюленей стало такъ мало?

Луняевъ плюетъ кровью. Осмотрѣлъ его десны и пришелъ къ заключенію, что у него безусловно цынга. Кромѣ хины, у меня одно средство борьбы съ этой болѣзнью — это движеніе. Такъ какъ Луняевъ тянуть нартъ не можетъ, буду посылать его на развѣдку.

Компасы мои совершенно испортились. Большею частью пользуюсь часами и солнцемъ, когда оно есть, и маленькой компасной стрѣлочкой на моемъ биноклѣ.

Но это все ничего, лишь бы увидѣть землю. Гдѣ она? «Сезамъ, откройся!».

Къ вечеру вѣтеръ перешелъ на NO. Слава Богу.

Четвергъ 22-го мая. Вѣтеръ ONO, балла 4. Это уже хуже. Должно быть насъ сноситъ на W. Погода стала холоднѣе. Въ 10 ч. утра мы пошли далѣе. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, дорога хорошая. Поляны и поляны, отдѣленныя одна отъ другой, правда, высокими торосами, которые намъ приходится переходить или удается оставлять въ сторонѣ. Изрѣдка тонкій поломанный ледъ, а изрѣдка снѣжные холмы, но довольно плотные. Очень тонкій ломанный ледъ часто запачканъ, преимущественно съ нижней стороны, какимъ-то веществомъ, которое раньше мы принимали за песокъ или глину. Разсмотрѣвъ повнимательнѣе, я убѣдился, что это не то. Цвѣтъ розовато-коричневый и чище, чѣмъ цвѣтъ глины или песка, и самаго вещества красящаго не видно нигдѣ. Я пришелъ къ заключенію, что этой окраской ледъ обязанъ какимъ-нибудь водорослямъ и что ледъ этотъ недавно былъ безусловно недалеко отъ берега.

Такой ледъ, окрашенный какимъ-то веществомъ, я видѣлъ неоднократно въ послѣднее время и всегда это былъ очень молодой поломанный ледъ, толщиною около полуфута.

Весь день сегодня туманъ, но по временамъ онъ разсѣивается, и, наконецъ, проглядываетъ солнце. Полуденную высоту взять не удалось, а близмеридіональная дала широту 82° 38′. Горизонтъ былъ очень мглистый и, конечно, я ошибся. Мы должны быть южнѣе. Взялъ высоту солнца полуночную, но тоже при плохомъ горизонтѣ, и она дала широту 82° 29′. Хотѣлось бы вѣрить ночной высотѣ, но пока не рѣшаюсь, подожду до завтра. Жаль, что у меня нѣтъ съ собой искусственнаго горизонта, но впрочемъ, мало ли чего у меня нѣтъ. Прежде всего у меня нѣтъ хорошихъ картъ... хорошихъ ѣздовыхъ собакъ.

Сегодня мы прошли верстъ 6, не меньше. Вѣтеръ NO, ледъ хорошій, и мы поставили на своихъ каякахъ паруса. Интересную картину представляетъ изъ себя этотъ съ одной стороны океанскій, а съ другой стороны, сухопутный флотъ, «на всѣхъ парусахъ» ползущій къ югу. Не могу похвастаться, какъ Нансенъ, что «мы летѣли, какъ перья»; нѣтъ, мы не летѣли, а скорѣе тащились и даже сильно налегали грудью на лямки, но все же паруснишки замѣтно помогали, и мы шли веселѣе.

Весь день шли таща трое нартъ по два человѣка, а переднія — три человѣка. Луняевъ идетъ на лыжахъ впереди, охая и морщась, и выбираетъ дорогу. Мало хотя, но все же мы видимъ чаекъ, и даже стали попадаться такія породы ихъ, какихъ раньше мы не встрѣчали. Тюленей въ полыньяхъ по-прежнему не видно.

Цынготныхъ теперь у меня двое: Губановъ тоже заболѣлъ, и десны у него кровоточатъ и припухли.

Все лѣченіе мое ограничивается тѣмъ, что посылаю ихъ на лыжахъ искать дорогу, на развѣдку, даю на сонъ облатку хины, а Луняеву, кромѣ того, къ чаю выдаю сушеной вишни или черники. Мнѣ кажется, что цынга въ этомъ начальномъ періодѣ выражается главнымъ образомъ въ нежеланіи больного двигаться. Онъ самъ преувеличиваетъ силу боли въ

ногахъ, не желая лишній разъ пошевелиться, и тѣмъ невольно становясь союзникомъ начинающейся болѣзни.

Можетъ быть, я въ этомъ и ошибаюсь, но принятый мною способъ лѣченія, т.-е. не давать залеживаться, единственный, которымъ я могу пользоваться, если не считать хину. Мнѣ приходилось слышать, что русскіе колонисты на крайнемъ сѣверѣ заболѣвшихъ цынгой, отказывающихся двигаться, берутъ насильно подъ руки и водятъ взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока «доктора» сами не выбьются изъ силъ.

Можетъ быть, это жестокій способъ лѣченія, но не надо забывать, что я говорю только про начальный періодъ болѣзни, когда человѣкъ еще не утратилъ физической силы, но когда у него ослабѣваетъ энергія, нѣтъ нравственной силы. Самую тяжелую форму цынги я наблюдалъ у Георгія Львовича, который былъ боленъ около 6 или 7 мѣсяцевъ, причемъ три съ половиной мѣсяца лежалъ какъ пластъ, не имѣя силы даже повернуться съ одного бока на другой. Только въ концѣ марта онъ сталъ медленно поправляться, но при этомъ сталъ такъ раздражителенъ и капризенъ, что «нашей барышнѣ», Ерминіи Александровнѣ, неутомимой сидѣлкѣ у кровати больного, приходилось съ нимъ очень трудно. На Пасху Георгій Львовичъ въ первый разъ былъ вынесенъ на креслѣ, обложенный подушками, въ салонъ къ пасхальному столу, а съ мая мѣсяца онъ уже сталъ быстро поправляться и въ іюлѣ былъ совершенно здоровъ. Первое время послѣ болѣзни у него слабы были еще ноги и сильно ослабѣла память. Но вернусь къ дневнику.

Недостатокъ мяса очень тревожитъ меня. Скориковскій бульонъ подходитъ къ концу, австралійскаго мяса и масла давно уже нѣтъ. Консервированнаго молока и шоколаду осталось очень мало. Очень жалѣю, что у насъ такъ мало шоколаду. Это питательная и компактная провизія, которая

очень кстати во время полуденныхъ приваловъ, когда мы не ставимъ палатки и закусываемъ наскоро сухарями.

Въ полночь, при солнцѣ, свѣтящемъ сквозь туманъ, на южной части небосклона можно было наблюдать очень красивую радугу.

Пятница 23 мая. Съ утра великолѣпная солнечная погода. Ходившіе на развѣдку «цынготные» обѣщаютъ хорошую дорогу, съ крѣпкимъ снѣгомъ. Напились чаю съ молокомъ и сухарями и тронулись въ путь въ 10 ч. утра. До 6 ч. 30 м. вечера сдѣлали хорошій переходъ, не менѣе 8 верстъ. Развѣдчики не обманули насъ, и дорога, дѣйствительно, оказалась хорошей. Несмотря на NO вѣтеръ, балла 4, трещины и полыньи, встрѣчающіяся на нашемъ пути, зажаты, и мы безъ труда переходимъ ихъ. Въ полдень я остановился и бралъ высоту солнца, въ то время, какъ остальные продолжали идти впередъ.

Высота очень хорошая, при рѣзкомъ горизонтѣ, и широта получилась 82° 31′. Это, правда, не такъ хорошо, какъ въ полночь, но все же лучше, чѣмъ вчера въ полдень. На S горизонтъ очень ясный и безъ черноты, и мнѣ представляется, что ледъ не двигается по вѣтру на югъ потому, что его «что-то» держитъ. Это «что-то», конечно, должно быть землей, но гдѣ она, неизвѣстно; я по старому ничего похожаго не вижу.

Несмотря на ясную погоду, когда, казалось бы, должны «выставать» тюлени, Луняевъ напрасно просидѣлъ цѣлыхъ два часа у полыньи, но ни одинъ тюлень «не высталъ». Безжизненно кругомъ. Видѣли сегодня медвѣжій слѣдъ, но старый, должно быть того времени, когда этотъ молодой ледъ былъ ближе къ берегу. Бульона Скорикова у насъ осталось 6 фунтовъ, такъ что мы можемъ сварить при экономіи 12 суповъ, хотя это будетъ походить болѣе на воду, чѣмъ на супъ. Гороху и «жюльену» осталось на очень экономныхъ шесть суповъ. Молока осталось 3 баночки. Шоколадъ се-

годня на отдыхѣ роздалъ послѣдній. Придется теперь замѣнить его въ полдень сушенымъ молокомъ, а потомъ и сушеными яблоками, которыхъ мы имѣемъ еще 2 фунта. Хочется мнѣ дотянуть всѣ эти мелкія дополненія къ сухарямъ хотя бы до берега, когда можетъ быть у насъ будетъ больше мяса. Ѣдимъ мы, казалось бы, и довольно, а все время голодны. Правда, въ большинствѣ случаевъ, мы ѣдимъ почти одни сухари, сдабривая ихъ тѣми крохами, про которыя я упоминалъ выше. Все время только и слышу здѣсь и тамъ разговоры про самыя вкусныя, про самыя соблазнительныя вещи. Невольно и самъ начнешь думать о чемъ-нибудь въ этомъ же родѣ, и береговая жизнь со всѣми ея удобствами, со всѣми ея прелестями покажется такой прекрасной, заманчивой и желанной, что даже начнешь сомнѣваться въ возможности достигнуть счастливой земли.

И отчего теперь-то именно такъ ясно представляются мнѣ всѣ эти «прелести земной жизни», ясно до галлюцинацій. Неужели это передъ концомъ, неужели это предчувствіе нашей гибели. Но нѣтъ, этого не можетъ быть. Я увѣренъ, что рано или поздно, но мы должны добраться до земли. Слишкомъ ярко я помню тотъ сонъ, слишкомъ сильное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня. Въ пути я сталъ религіознымъ, почти суевѣрнымъ, какъ раньше не былъ. Иконка Николая Чудотворца постоянно лежитъ у меня въ карманѣ. Команда сильно упала духомъ, какъ я ни стараюсь подбадривать своихъ спутниковъ.

Къ вечеру вѣтеръ перешелъ къ N, и стало больше черноты надъ горизонтомъ. Повидимому, ледъ пришелъ въ движеніе. Мы переправились черезъ очень скверную полынью, ни зажатую, ни разведенную, и впереди у насъ имѣется еще нѣсколько полыней на завтра. Попрежнему тонкій ледъ, но снѣгъ сталъ глубже и во многихъ мѣстахъ подъ нимъ вода, но пока еще къ сожалѣнію вода морская. Гдѣ имѣются тороса и высокія нагроможденія льда, тамъ воды больше. Се-

годня мы съ Нильсеномъ тянули свои нарты вдвоемъ, хотя и шли первыми по рыхлому снѣгу, но съ завтрашняго дня обязательно буду брать въ свои нарты третьяго человѣка. Заднимъ идти по готовому слѣду легче, и они частенько присаживаются отдыхать, давая намъ уйти впередъ въ то время какъ мы выбиваемся изъ силъ. Нѣтъ, такъ нельзя! Надо равномѣрное распредѣленіе труда, да надо и поторапливаться.

1-го іюня день моего Ангела. Хорошо бы, если бы къ этому дню намъ удалось достигнуть 82 параллели.

Суббота, 24 мая (утромъ). Въ два часа ночи накрылъ легкій туманъ. Тихо. «Водяного неба» много кругомъ, но на S и SO можно наблюдать надъ самымъ горизонтомъ очень свѣтлое, блестящее даже, облако. Оно было въ серединѣ выпуклое, и концы его сходились съ горизонтомъ. Выдѣлялось это облако очень рѣзко, но при первомъ же внимательномъ разсмотрѣніи въ бинокль становилось ясно, что это не могло быть землей. Не отблескъ ли это отъ земли, покрытой ледникомъ?

Мое благое намѣреніе двигаться быстрѣе не осуществилось. Дорога отвратительная, съ глубокимъ снѣгомъ, подъ которымъ много воды. Полыньи все время преграждаютъ намъ путь. Одну мы обошли, черезъ другую переправились кое какъ, у третьей, несмотря на всѣ поиски, переправы не нашли и рѣшили ночевать. Прошли сегодня на S не болѣе 3 - 4 верстъ, хотя ходили цѣлый день. Вѣтеръ съ утра NW балла 4 - 5. Весь день туманъ и тотъ матовый свѣтъ, отъ котораго такъ сильно болятъ глаза, что сейчасъ эту тетрадь вижу я какъ сквозь кисею, и горячія слезы текутъ по моимъ щекамъ. Иногда приходится прерывать свое занятіе и залѣзать съ головой въ малицу, гдѣ, въ темнотѣ, боль мало-помалу затихаетъ и можно открыть глаза. Послѣ 4 ч. дня вѣтеръ перешелъ въ NO четверть; полыньи начало разводить и прибавилось надъ горизонтомъ черноты. Пробовали сегод-

ня достать дно, но попрежнему безуспѣшно. Линь сильно показываетъ на N, уйдя подъ кромку льда. Опять появились чайки, утромъ видѣли двухъ нырковъ, а вечеромъ въ полыньѣ «выставалъ» тюлень. Убить ничего не удалось, хотя я рѣшилъ теперь не брезговать даже и чайками. Луняевъ въ полыньѣ видѣлъ маленькую рыбку, похожую на сельдь, плывшую почти по самой поверхности воды.

Завтра Троица. Какъ хорошо будетъ въ этотъ день «тамъ», на землѣ, гдѣ-нибудь на югѣ и какъ плохо здѣсь, на пловучемъ льду, сплошь изрѣзанномъ полыньями и торосами, подъ 82½° широты.

Воскресенье 25 мая. Обходу нѣтъ. Приходится такъ или иначе переправляться. Впереди, въ разстояніи одной версты, опять неминуемая переправа на каякахъ, съ этой долгой выгрузкой и погрузкой всего нашего имущества.

(Вечеромъ). Сегодня дѣйствительно праздникъ Троицы даже для насъ, «плавающихъ и путешествующихъ».

Продвинулись мы сегодня на S не больше трехъ верстъ, при чемъ два раза плыли на каякахъ и разъ шли по довольно сносной дорогѣ. Когда кончилась вторая полынья, я, пользуясь случаемъ, вылѣзъ на ледъ взять полуденную высоту солнца. Послѣ недолгаго вычисленія, я получилъ широту 82° 21′. Я даже не повѣрилъ своимъ вычисленіямъ, но, провѣривъ, убѣдился, что все правильно. Великолѣпно! Такъ какъ со мною вмѣстѣ подошелъ еще только одинъ каякъ, то мы стали поджидать отставшихъ, чтобы вмѣстѣ двигаться далѣе, благо впереди виднѣлась поляна. Вскорѣ подошелъ еще каякъ, и я порадовалъ прибывшихъ хорошей широтой. Въ отвѣтъ и они поздравили меня съ праздникомъ, объявивъ, что дорогой убили медвѣдя. Это ли не праздникъ для насъ! Послѣдняго медвѣдя мы ѣли на суднѣ въ прошломъ году, кажется, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и съ тѣхъ поръ только мечтали объ этой дичинѣ. И вдругъ, когда у насъ такъ мало осталось провизіи и мы сжигаемъ на топливо все, вплоть до запасныхъ веселъ

и послѣдней пары бѣлья, правда полнаго паразитами, вдругъ въ такой критическій моментъ судьба послала намъ пудовъ до десяти великолѣпнаго мяса, которое Свердрупъ, капитанъ «Фрама», называетъ «царскимъ блюдомъ». Предусмотрительная судьба вмѣстѣ съ мясомъ послала и топливо, такъ какъ медвѣдь очень жирный. И не странно ли, что этотъ неожиданный, дорогой подарокъ посланъ намъ именно тогда, когда мы нуждались въ немъ, и именно въ праздникъ Троицы? Не желаетъ ли Провидѣніе подкрѣпить насъ, маловѣрныхъ и слабыхъ? Не могу описать, какой подъемъ духа вызвалъ у насъ этотъ подарокъ. Я даже никогда не ожидалъ, чтобы мы могли такъ радоваться, такъ ликовать. На трехъ каякахъ отправились мы за добычей, въ то время, какъ другіе ставили палатку, разводили огонь и кипятили воду.

Медвѣдя мы нашли въ томъ мѣстѣ, гдѣ я часъ тому назадъ высадилъ на льдину Регальда, найдя, что три человѣка, при имѣющемся грузѣ, для моего маленькаго каяка слишкомъ много. Оставляя Регальда ожидать слѣдующаго менѣе обремененнаго каяка, я оставилъ ему свою винтовку и четыре патрона. Когда подошедшій каякъ бралъ Регальда, къ нимъ на разстояніи десяти почти шаговъ, неожиданно подошелъ медвѣдь, который и былъ убитъ Кондратомъ. Мы сняли великолѣпную шкуру вмѣстѣ съ саломъ на топливо (стоющая большихъ денегъ шкура должна была идти на топливо ради спасенія нашихъ собственныхъ шкуръ), мясо же раздѣлали такъ тщательно, какъ самые лучшіе мясники. Даже кровь собрали въ чашки. Вечеромъ мы ѣли мясо въ жареномъ и въ сыромъ, и въ вареномъ видѣ. Сырая печень съ солью, право, очень вкусная вещь. Вотъ это праздникъ!

Но вѣтеръ все же мѣняется: онъ еще не выбралъ направленія и дуетъ то отъ S, то отъ SW, то отъ WSW. Погода прояснилась. Свѣтитъ солнце и бѣло, бѣло кругомъ. Сильно болятъ глаза.

Понедѣльникъ 26 мая. Стоимъ на старомъ мѣстѣ и ста-

раемся заготовить впрокъ все имѣющееся у насъ медвѣжье мясо, слѣдовательно, стоимъ не напрасно. Варимъ, жаримъ цѣлый день, топимъ жиръ, а я дѣлаю опытъ сушить на вѣтру мясо. Четыре человѣка ушли искать дорогу.

Наѣвшись до сыта, всѣ стали предпріимчивѣе и бодрѣе. Погода сегодня славная: свѣтитъ солнце и вѣтеръ опять на наше счастье дуетъ отъ N и дуетъ основательно. У меня опять болятъ глаза, но широта такъ сильно интересуетъ меня, что я пошелъ на выбранное мною мѣсто чуть ли не за полчаса до полудня. Горизонтъ и край солнца я скорѣе угадываю, чѣмъ вижу, но тѣмъ не менѣе я убѣдился, что вчера не навралъ. Сегодня широта получилась 82° 20′. На одну милю къ югу насъ за сутки, конечно, опустило вѣтромъ.

Когда я шелъ сегодня съ секстаномъ къ мѣсту наблюденій, то неожиданно пересѣкъ свѣжіе медвѣжьи слѣды. Два медвѣдя, повидимому, сегодня утромъ посѣтили наше становище. Вообще и сегодня, и вчера у насъ очень хорошіе дни. Мы ходимъ радостные, праздничные.

Вторникъ 27 мая. Вчера мы не напрасно потеряли время. Часовъ въ 10 вечера мы снялись и «пошли по назначенію». За три часа прошли верстъ пять. Остановились у поломаннаго льда, двигаться дальше некуда. Вѣтеръ со вчерашняго дня дуетъ W, балловъ 5 - 6.

Когда мы еще были на «Св. Аннѣ», у насъ ходили слухи, что медвѣжью печень ѣсть нельзя, такъ какъ отъ нея человѣкъ заболѣваетъ. Хотя мы и не особенно довѣряли этимъ слухамъ, но все же медвѣжью печень, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, не ѣли. Теперь мы всѣ ѣли печень, и могу сказать по личному опыту, что она вредна. У всѣхъ такъ сильно ломитъ голову, что можно подумать, что мы угорѣли и даже хуже. Кромѣ того, у меня во всемъ тѣлѣ сильная ломота, а у многихъ разстройство желудка. Нѣтъ, теперь довольно ѣсть печень!

Сегодня по случаю ночного перехода мы проснулись въ

12 часовъ. Сегодня метель. Намело вокругъ цѣлые сугробы снѣга.

Среда 28 мая. Вчера, вслѣдствіе сильной метели, весь день пришлось простоять на мѣстѣ. Сегодня стало лучше. Вѣтеръ сначала перешелъ на S, а потомъ на O. Въ 12 ч. дня снялись и пошли къ переправѣ черезъ цѣлый рядъ трещинъ и каналовъ. Дорога невозможная. Измучились мы за день такъ, какъ никогда.

Глубокій снѣгъ, который уже началъ таять, осѣдаетъ съ шумомъ цѣлыми пластами. Подъ снѣгомъ, почти повсюду вода и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 6 вершковъ. Прошли за день не болѣе 4 верстъ и промокли при этомъ до нитки. Поминутно нарты завязаютъ въ мокромъ снѣгу, и ихъ приходится по 4 и по 5 человѣкъ на рукахъ вытягивать за нащепы изъ сугроба. Утромъ бросали лотъ, но дна и сегодня не достали, вытравивъ линя саженъ 70.

По направленію линя ясно видно, что насъ со льдомъ несетъ на S. Положеніе наше, конечно, не особенно завидное, это я сознаю давно и самъ. Поэтому я не особенно удивился, когда сегодня вечеромъ, сначала Кондратъ, а затѣмъ и еще человѣка 4, выразили желаніе, бросивъ нарты и каяки, идти на лыжахъ впередъ. Хотя бросать каяки я считаю опаснымъ, или во всякомъ случаѣ преждевременнымъ, но тѣмъ не менѣе противиться желанію «лыжниковъ» я не могъ. Какъ я могъ гарантировать имъ успѣхъ при моемъ способѣ движенія, какъ я могъ навязывать имъ тащить всю эту поклажу, наши нарты и каяки, которые я считалъ необходимыми для насъ, «лыжники» же считали лишней обузой!

Я только постарался выяснить имъ, что они могутъ очутиться въ очень рискованномъ положеніи, бросивши въ океанѣ, хотя бы и покрытомъ льдомъ, наши каяки, на которыхъ такъ хорошо плыть. Какъ они будутъ жить, если даже и доберутся до земли, безъ теплаго платья, безъ топора, посуды и массы другихъ вещей, которыя сейчасъ лежатъ въ

каякѣ? «Лыжники» пріумолкли, но я вижу, что не убѣдилъ ихъ. Палатку свою мы уже начали рѣзать понемногу на растопку и, я думаю, недалеко то время, когда мы съ нею распрощаемся. Она слишкомъ громоздка, въ особенности намокшая. Сегодня у насъ еще осталось 16 мѣшковъ сухарей, т.-е. 8 пудовъ. Это наша главная провизія. Затѣмъ идетъ нѣсколько фунтовъ молотаго гороху, мясо медвѣжье и патроны. Патроны — главный грузъ послѣ сухарей. Ну, что можно изъ этого бросить?

Четвергъ 29 мая. Опять безчисленные каналы, трещины и полыньи. Ледъ поломанъ до невозможности. Невольно припоминаю, что Нансенъ, подходя къ землѣ, встрѣтилъ, кажется, такой же поломанный ледъ. Но почему-то всѣ полыньи тянутся съ востока на западъ и ни одной мало-мальски длинной полыньи нѣтъ попутной.

Сейчасъ стоимъ у такого сильно-поломаннаго льда и стараемся найти способъ переправиться черезъ него.

Луняевъ сегодня убилъ въ полыньѣ двухъ тюленей, одного большого, а другого поменьше. Тюленье сало годится для топлива лучше, чѣмъ медвѣжье. Его легче разжечь, меньше нужно для этого растопки, а когда оно разгорится и поддонникъ достаточно нагрѣется, то жиръ только подбрасывай. Горитъ сильнымъ пламенемъ, при чемъ фитилемъ служитъ зола, которая всегда тщательно сохраняется нами въ поддонникѣ.

Вѣтеръ NO, и насъ несетъ на SW, въ чемъ я убѣдился вытравивъ сегодня въ воду 40 саженъ линя съ грузомъ.

Въ послѣднее время это движеніе льда на югъ стало очень замѣтно. Взявъ сегодня полуденную высоту солнца, я получилъ широту такую, что лучше и желать не могу: 82° 8,5′. Ошибки нѣтъ, въ этомъ я убѣжденъ.

Положительно счастье улыбнулось въ нашу сторону и улыбается во всю... или строитъ намъ какую-нибудь каверзу.

Пятница 30 мая. Съ утра NW вѣтеръ балловъ 5. Послѣ завтрака началась сильная метель и все небо покрылось облаками. Тѣмъ не менѣе мы въ 10 ч. утра спустили на воду каяки, переправились черезъ полынью и пошли по очень плохой дорогѣ. Но и дальше опять полыньи, и переправы приходится дѣлать чуть ли не каждые полчаса.

Давно ужъ мы не встрѣчаемъ большихъ полей, по которымъ можно идти часами. Встрѣчаемыя теперь поляны такія, что отъ одной переправы видна и слѣдующая, саженъ 70 - 90. Не про такой ли ледъ упоминаетъ Нансенъ, сравнивая его съ рыболовной сѣтью; если бы посмотрѣть на него съ высоты птичьяго полета, ячеями этой сѣти были бы небольшія поляны, отдѣленныя другъ отъ друга трещинами, полыньями и каналами. Во всякомъ случаѣ наша «сѣть» такова, что только бы Богъ помогъ намъ выбраться изъ нея. Трудно выбраться изъ этой «сѣти» полузажатыхъ, полуразведенныхъ каналовъ. За день отчаянной работы намъ удалось пройти не болѣе 3 верстъ. Но все же насъ продолжаетъ нести со льдомъ на S. Недавно только я могъ мечтать о томъ, чтобы къ 1 іюня, дню моихъ именинъ, намъ достигнуть 82 параллели. Для этого намъ надо было бы дѣлать очень настойчиво хорошіе переходы, а мы, между тѣмъ, двигаемся впередъ черепашьимъ шагомъ. Но тѣмъ не менѣе сегодня полуденная высота солнца дала широту 82° 1′, а теперь, когда я пишу этотъ дневникъ, мы уже, должно быть, пересѣкли 82 параллель.

Странное дѣло: на моей картѣ сѣверная оконечность Земли Кронпринца Рудольфа нанесена на широтѣ 82° 12′. Слѣдовательно, теперь, когда широта наша 82°, я нахожусь отъ этой земли или къ востоку или къ западу, но вѣроятно, что западнѣе, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы весь дрейфъ «Св. Анны» отнести до невозможности восточнѣе. Насъ сноситъ на западъ; это я могу видѣть и по

моему никуда не годному хронометру и по господствующимъ вѣтрамъ и по направленію выпущеннаго въ воду линя.

У меня на картѣ на Землѣ Рудольфа нанесены двѣ вершины болѣе чѣмъ по 1200 футъ. Если бы эти вершины были нанесены у меня правильно, то я ихъ долженъ былъ бы увидѣть болѣе, чѣмъ за 35 миль. Однако, я ничего похожаго на землю не вижу. Что бы я ни далъ сейчасъ за заслуживающую довѣрія карту и за хорошій хронометръ! Мой хронометръ даетъ на картѣ такое мѣсто по долготѣ, что лучше про него не говорить до опредѣленія его поправки. И неудивительно: никакой хронометръ не выдержалъ бы такой дороги, такихъ толчковъ и паденій, какіе приходится выдерживать моему. Единственно, чѣмъ оказываетъ онъ мнѣ помощь — это тѣмъ, что я вижу, что относительно предыдущаго опредѣленія насъ сноситъ къ западу. Если удастся добраться до берега и получить поправку хронометра, то проложить нашъ путь будетъ не трудно. Надо внимательнѣе смотрѣть на горизонтъ. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь заинтересовать своихъ апатичныхъ спутниковъ и заставить ихъ лишній разъ ночью подняться на высокій ропакъ, посмотрѣть на горизонтъ, я сегодня за чаемъ объявилъ имъ, что первый увидѣвшій землю получитъ премію въ 25 рублей.

Сейчасъ 7 часовъ вечера. Стоимъ мы у полузажатой полыньи, за которой можно разсмотрѣть еще много каналовъ. Вѣтеръ дуетъ силою 6 балловъ. Метель опять началась и развѣдку поэтому придется отложить до болѣе благопріятной погоды. Сегодня и вчера мы видѣли нѣсколько разъ нырковъ, а сегодня даже перешли три медвѣжьихъ слѣда.

Суббота, 31-го мая. Сегодня утромъ, только что мы напились чаю, какъ слышимъ — кричитъ Максимовъ, что за полыньей стоитъ медвѣдь. Выскочили и видимъ, дѣйствительно, какъ разъ противъ палатки, на другой сторонѣ полыньи, стоитъ громадный медвѣдь и, повидимому, думаетъ, идти ли ему ближе къ этой странной вещи или не стоитъ. Мы съ

Луняевымъ взяли винтовки и подъ прикрытіемъ торосовъ подкрались почти къ самой полыньѣ, но все же стрѣлять было еще слишкомъ далеко. А медвѣдь стоитъ и только носомъ воздухъ тянетъ. Онъ пришелъ съ подвѣтра, почуялъ вкусный запахъ горѣвшаго у насъ тюленьяго сала, но ближе подходить не рѣшался. Когда вы увидите на фонѣ торосовъ медвѣдя, чуть-чуть только отличающагося отъ нихъ желтизной, то прежде всего вамъ бросятся въ глаза три точки, расположенныхъ треугольникомъ: два глаза и носъ. Эти точки то поднимаются, то опускаются, и ими медвѣдь изслѣдуетъ незнакомое существо или предметъ. Но инстинктъ самосохраненія взялъ верхъ надъ любопытствомъ и голодомъ; постоявъ минутъ 5, медвѣдь повернулся и собрался уходить. Пришлось стрѣлять: прицѣлившись хорошенько, мы одновременно выстрѣлили. Медвѣдь упалъ, но сейчасъ же поднялся и побѣжалъ. Мы продолжали стрѣлять «пачками». При нѣкоторыхъ удачныхъ выстрѣлахъ медвѣдь попрыгиваетъ и даже разъ перевернулся черезъ голову. Но вотъ онъ уже, повидимому, не можетъ подняться, началъ кататься и свирѣпо грызетъ ледъ. Наконецъ онъ успокоился и лежитъ неподвижно. Спустили два каяка и поплыли черезъ полынью. Вдругъ нашъ «мертвый» медвѣдь поднялся и пошелъ на утекъ такъ быстро, что твой иноходецъ. Мы вернулись обратно, пожалѣвъ только выпущенныхъ патроновъ, а Кондратъ отправился въ погоню. Хотя мы и рѣшили уже, что «этого медвѣдя не ѣдятъ», но все же я послалъ на помощь Кондрату Смиренникова, такъ какъ по такому ломанному льду одному ходить опасно. Минутъ черезъ сорокъ Смиренниковъ вернулся и сообщилъ, что медвѣдь далеко не убѣжалъ и мертвый лежитъ въ полыньѣ. Пришлось туда тащить каякъ, и черезъ полтора часа у насъ опять была цѣлая туша хорошаго мяса.

Да, сегодня удачный денекъ. Вѣтеръ чистый N. Полуденная высота солнца дала 81° 54′. Бросили лотъ и, мнѣ кажет-

ся, достали дна на глубинѣ около 100 саженъ, хотя грунта поднять не удалось.

Много летаетъ нырковъ; одинъ разъ пролетѣла стайка въ 9 штукъ. Летаютъ бѣлыя чайки и глупыши. Тюленей «выставало» цѣлый день тоже много и даже по два и по три за разъ. Положительно земля должна быть гдѣ-то недалеко. Слишкомъ большое оживленіе вокругъ насъ и на льду, и на водѣ, и въ воздухѣ.

А на горизонтѣ ничего не видно «изъ острововъ». Впрочемъ, не такъ; теперь когда мы такъ страстно ждемъ, такъ желаемъ увидѣть землю, мы видимъ ее въ каждой тучкѣ, въ каждомъ ропакѣ, въ каждомъ свѣтломъ пятнѣ на горизонтѣ. Вотъ, вотъ, мы ждемъ, что станетъ горизонтъ яснѣе, и мы убѣдимся, что передъ нами, далеко на горизонтѣ земля, во всей ея прелести. Но проходитъ нѣкоторое время, уносится тучка, ясно въ бинокль мы разсмотрѣли ропакъ, и отъ нашихъ острововъ не осталось и слѣда.

Ледъ находится въ движеніи: полынья, у которой мы вчера остановились, стала совершенно неузнаваема. Куски льда отламываются отъ нашего поля, уносятся къ противоположной кромкѣ полыньи, и наше владѣніе понемногу уменьшается. Ледъ за полыньей состоитъ изъ мелкихъ льдинъ. Ходили на развѣдку и убѣдились, что по нужному намъ направленію идти положительно нельзя. Не могу себѣ и представить, какъ мы пойдемъ.

Пока придется подождать, благо здѣсь хорошо обстоитъ дѣло съ провизіей. На развѣдкѣ встрѣтили опять совершенно свѣжій слѣдъ.

Сейчасъ у насъ идетъ «стряпня». Стюартъ положительно хочетъ побить рекордъ, хотя въ этомъ дѣлѣ. Изъ медвѣжьяго мяса, почекъ, сала и кишекъ мы надѣлали такихъ колбасъ, что самый взыскательный гастрономъ облизалъ бы пальцы. Я это говорю не отъ голоду, такъ какъ теперь мы сыты

до отвала. Медвѣжье мясо мы варимъ и сушимъ на вѣтру «въ прокъ», чтобы впослѣдствіи не безпокоиться одновременнымъ приготовленіемъ и пищи, и чая, въ особенности тогда, когда не будетъ попадаться тюленей на топливо. Убитый сегодня медвѣдь большой, не менѣе 10 футъ отъ кончика носа до хвоста. Шкура его очень хороша. Хорошія деньги можно бы взять за нее «тамъ», гдѣ живутъ люди. Жалко, а приходится бросать: не брать же съ собой такую тяжесть, когда мы почти готовы побросать самое необходимое.

Ночью поднялась сильная метель, при крѣпкомъ сѣверномъ вѣтрѣ.

Воскресенье 1-го іюня. Сегодня мои именины. Едва я проснулся, мои спутники поздравили меня съ этимъ событіемъ и пожелали... ну, чего можно пожелать въ нашемъ положеніи. Конечно, земли, какъ можно скорѣе, а остальное — Богъ дастъ, приложится само. Регальдъ, нашъ стюартъ, экспромптомъ рѣшилъ отпраздновать мои именины и закатилъ такой именинный столъ, что у всѣхъ отъ одного вида даже слюнки потекли. Во-первыхъ, всѣ получили по громадному куску великолѣпнаго бифштекса съ поджареннымъ лукомъ. На второе — по большому куску сочной горячей колбасы. На третье былъ чай съ сушеными яблоками. Чувствуютъ себя именинниками положительно всѣ. Да и помимо именинъ моихъ, этому радостному настроенію есть основаніе. Вѣтеръ попрежнему N, балла 4—5, и насъ несетъ и несетъ на югъ. Хоть и не ходи вовсе пѣшкомъ, а сиди въ своемъ купэ — палаткѣ.

Хотя сегодня солнце только временами проглядываетъ сквозь облака, но все-таки удалось взять его высоту, и широта получилась 81° 49',5.

Погода прохладная и мглистая. По старому стоимъ на мѣстѣ и ждемъ какой нибудь перемѣны въ дорогѣ, а тѣмъ временемъ варимъ, жаримъ и ѣдимъ.

Насъ очень быстро подаетъ на югъ. Меня смущаетъ одно обстоятельство, о которомъ я стараюсь умолчать передъ своими спутниками. Если ледъ быстро идетъ на SSW, то, значитъ, тамъ ни «что» не преграждаетъ ему путь. А вѣдь это «что» ни болѣе, ни менѣе, какъ острова, къ которымъ намъ слѣдуетъ стремиться. Вѣдь, если мы радуемся нашему быстрому дрейфу, то только ради этихъ острововъ. А ихъ-то, повидимому, и нѣтъ тамъ, куда движется ледъ. Будь этотъ быстрый дрейфъ тогда, когда мы были много сѣвернѣе, онъ ничего не принесъ бы мнѣ, кромѣ радости, такъ какъ благодаря ему мы подвигались бы ближе къ землѣ. Но теперь, когда мы, достигнувъ широты Земли Франца Іосифа, продолжаемъ быстро двигаться на югъ и тѣмъ не менѣе не видимъ и намека на острова, становится ясно, что *насъ проноситъ* мимо этой земли. Проноситъ насъ, конечно, по западную сторону, и намъ необходимо идти на О, но какъ пойдешь по этимъ льдинамъ, все время находящимся въ движеніи относительно другъ друга. Отчего ледъ не несетъ спокойно, безъ перестановокъ, какъ то было ранѣе. Можетъ быть, тутъ начало дѣйствовать приливное и отливное теченіе, а можетъ быть масса льда какимъ-нибудь краемъ, невидимымъ намъ, задѣваетъ за сушу. Но если она и задѣваетъ за сушу, то гдѣ-то очень далеко, такъ какъ не замѣтно торошенія льда, неизбѣжнаго, по моему мнѣнію, если бы островъ былъ близко. Ледъ переставляется ежеминутно, прямо на глазахъ. Одна полынья закрывается, другая открывается, льдины мѣняются своими мѣстами, какъ будто какіе-то великаны на большой доскѣ играютъ въ шахматы.

Идя на SSO на развѣдку и переправившись черезъ нѣсколько каналовъ на льдинахъ, мы увидѣли на одной изъ льдинъ слѣды отъ лыжъ. Сначала мы были поражены, но, пересчитавъ число слѣдовъ и разсмотрѣвъ ихъ внимательнѣе, мы убѣдились, что это наши же слѣды, проложенные раньше, но только льдина переставлена на другое мѣсто.

Вотъ и извольте идти по такому льду! Можемъ идти по льду съ такимъ же успѣхомъ, какъ это дѣлаетъ бѣлка въ колесѣ. По этому льду даже на развѣдку далеко ходитъ опасно: какъ разъ заблудишься. Бросали и сегодня лотъ, но дна не доставали, выпустивъ линя 100 саженъ. Во время развѣдки видѣли свѣжіе слѣды медвѣдицы съ двумя медвѣжатами и трехъ взрослыхъ медвѣдей. Летаютъ нырки и глупыши. Луняевъ убилъ тюленя, но пока его собирались доставать, онъ утонулъ.

Вѣтеръ и вечеромъ продолжаетъ дутъ N. Пошелъ снѣгъ.

Понедѣльникъ, 2-го іюня. Сильный N вѣтеръ, почти штормъ. Онъ треплетъ нашу палатку и переставляетъ ледъ въ различныхъ комбинаціяхъ. Кругомъ много воды, но плыть по ней невозможно. Ледъ, гонимый вѣтромъ, повидимому, свободно несется на SSW. Ничто не стѣсняетъ его движенія, и можно предположить, что гдѣ-то южнѣе большое пространство свободной воды, куда и выносится ледъ.

Пользуясь прояснившимся на нѣсколько минутъ горизонтомъ, я взялъ высоту солнца и получилъ широту 81° 42',5. Значитъ, за сутки насъ подало на югъ на 7 миль. Недурно! Положимъ, что и вѣтеръ сегодня крѣпкій. Дна доставать и сегодня не удалось. По старому нигдѣ ничего не видно похожаго на землю. Раньше я смотрѣлъ и ждалъ землю въ южной части горизонта, но теперь внимательно осматриваю горизонтъ кругомъ, не исключая и сѣвера. Странно, гдѣ мы можемъ быть? Неужели возможно, что мы находимся по восточную сторону острововъ? Нѣтъ, это немыслимо! Мы должны быть по западную сторону Земли Франца Іосифа, гдѣ-нибудь къ сѣверу отъ Земли Александра. Только бы не быть слишкомъ западно, гдѣ-нибудь между Землей Франца Іосифа и Шпитцбергеномъ. Тогда будетъ наше дѣло хуже: можемъ «промазать» мимо Земли Франца Іосифа и не попасть на Шпитцбергенъ.

Но этого трудно ожидать. Вѣроятнѣе всего, мы нахо-

димся сѣвернѣе Земли Александра. Насколько я помню, по описанію Нансена земля эта низменна и покрыта снѣгомъ или ледникомъ. Не мудрено, что мы ее сейчасъ и не видимъ, но скоро должны увидѣть.

Острова же Кронпринца Рудольфа и другіе, лежащіе къ N-ду отъ нихъ, по всей вѣроятности, остаются много восточнѣе отъ насъ. Если это предположеніе мое вѣрно, то наше положеніе хуже, чѣмъ мы желали бы. Я предпочелъ бы попасть на пути Нансена, такъ какъ объ этомъ пути мнѣ хоть немного извѣстно. Знаю, что тамъ есть и моржи, и медвѣди, и птицы, слѣдовательно, мы тамъ не умерли бы съ голоду. Тотъ путь у меня тщательно записанъ въ мою записную книжку, которую я называю «Лоціей». Земля же Александра совершенно неизвѣстна мнѣ, и ея сѣверные берега даже нанесены у меня на картѣ пунктиромъ, какъ они были нанесены и на карточкѣ Нансена. Но, поживемъ — увидимъ. Не буду пока загадывать впередъ. Одно можно сказать, что намъ надо двигаться на SO и отнюдь не сдаваться къ западу. Но сейчасъ объ этомъ нечего думать. По этому льду одинаково нельзя идти какъ на западъ, такъ и на югъ, такъ и на востокъ.

Забились мы въ палатку и ждемъ перемѣны въ нашемъ положеніи, благо мяса у насъ теперь довольно. Вѣтеръ не утихаетъ и «на дворѣ» сильная метель.

Среда 4-го іюня. И сегодня, какъ вчера, продолжаетъ дуть сильный N вѣтеръ. Метель и мокрый снѣгъ. Погода такая, про которую говорятъ, что «хорошій хозяинъ и собаки не выгонитъ на дворъ».

Сыро «на дворѣ», сыро и въ палаткѣ у насъ. Снѣгъ и ледъ подъ палаткой подтаиваютъ, и вода копится въ образовашейся ямѣ. Третьяго дня мы переставляли палатку на новое мѣсто, но сегодня у насъ опять мокро. Подстилки подъ нами, малицы, совики и даже наша одежда намокли, хоть выжми. Озябшіе сидимъ мы въ своей палаткѣ, какъ обло-

женные компрессами, и мрачно молчимъ. Таково вліяніе погоды. Просушить наше имущество въ такую погоду нечего и думать, и мы только переодѣваемъ малицы задомъ напередъ и жмемся поближе къ нашей печкѣ. Эта новая печка сдѣлана у насъ по образцу утопленной; она такъ же, какъ и та, страшно много требуетъ топлива, такъ что тюленей только добывай. Хорошо хоть то, что въ полыньѣ, у которой мы стоимъ, много «выстаетъ» тюленей и топливо у насъ всегда будетъ. Луняевъ у насъ стрѣляетъ артистически, и многими уже тюленями мы ему обязаны. По тюленю стрѣлять трудно. Слишкомъ неожиданно онъ покажетъ ненадолго свою голову и слишкомъ мала и подвижна эта мишень — голова. Убить же тюленя на водѣ можно только разбивъ ему черепъ. Тогда тюлень, если онъ достаточно жирный, остается плавать на поверхности воды. Вообще, тюлень очень «крѣпокъ на рану». Если вы даже очень тяжело раните его, когда онъ лежитъ на льду, онъ все равно уйдетъ въ воду. Но мы мало видѣли ихъ лежавшими на льду и въ такомъ положеніи ни одного не убили.

Сегодня, когда я вышелъ изъ палатки посмотрѣть на горизонтъ, то на другой сторонѣ полыньи увидѣлъ неожиданно медвѣдя. Онъ тоже замѣтилъ меня и, поднявъ голову, съ удивленіемъ слѣдилъ за мною. Я сталъ прятаться за ропаки, надѣясь, что онъ подойдетъ поближе, но медвѣдь этотъ былъ осторожный и ближе подойти не пожелалъ.

А иногда намъ удавались такія уловки. Медвѣдь, видя, что отъ него прячутся и стараются уйти, начинаетъ осторожно подкрадываться, тоже скрываясь за торосами и отдѣльными ропаками. Такая взаимная охота другъ за другомъ часто бывала гибельна для медвѣдя, такъ какъ тогда можно подпустить его очень близко и стрѣлять навѣрняка. Если же идти на медвѣдя открыто, смѣло, то онъ обыкновенно послѣ нѣкотораго внимательнаго изученія невиданнаго существа, человѣка, при чемъ онъ усиленно поводилъ своими тремя

точками и втягивалъ воздухъ, бросался на утекъ. Это животное тоже «крѣпкое на рану». Еще на суднѣ у насъ бывали случаи, когда медвѣдь съ перебитыми задними ногами, а можетъ быть и хребтомъ, волоча заднюю половину тѣла, удиралъ на переднихъ ногахъ. Отъ ярости онъ оборачивался и грызъ свои заднія ноги, взрывалъ снѣгъ и ледъ, но продолжалъ уходить. Были медвѣди, въ которыхъ мы находили потомъ по двѣнадцати ранъ, причемъ всѣ раны были отъ разрывныхъ пуль. Въ такомъ положеніи къ медвѣдю подходить опасно, хотя бы онъ и казался уже обезсиленнымъ. Бывали случаи, что сильно раненый медвѣдь неожиданно, набравъ силы, дѣлалъ страшный скачокъ; такъ едва не погибъ одинъ изъ матросовъ на «Св. Аннѣ». Обычно же медвѣдь очень трусливъ и всегда быстро убѣгаетъ, почти не завязая въ глубокомъ снѣгу; не серіозная рана только заставляетъ его прибавить ходу. Медвѣдица, когда она съ медвѣжатами, бываетъ еще осторожнѣе, и подойти къ ней на ружейный выстрѣлъ очень трудно.

Ни вчера, ни сегодня опредѣлиться мнѣ не удалось, но насъ продолжаетъ нести на SSW, въ чемъ я убѣдился, вытравивъ въ воду линь съ грузомъ. Замѣтилъ я, что полыньи періодически, то сжимаются, то разводятся въ опредѣленное время. Теперь я уже увѣренъ, что вся эта перестановка льда есть дѣло приливовъ и отливовъ, которыхъ раньше, когда мы были далеко въ морѣ, замѣтно не было.

Къ вечеру погода стала утихать.

Намѣреваемся распрощаться съ однѣми нартами и однимъ каякомъ, такъ какъ они пришли въ совершенную негодность. Мы пробовали и убѣдились, что въ трехъ каякахъ можемъ помѣститься всѣ десять человѣкъ, а если два изъ нихъ еще связать вмѣстѣ, то не страшны никакія волны. Провизіи же у насъ, не считая медвѣжьяго мяса, осталось

только 12 мѣшковъ сухарей, т. е. 6 пудовъ, фунта 3 соли и фунта 4 бульона Скорикова. Затѣмъ идетъ теплая одежда, лыжи, посуда и самая наша драгоцѣнность, вся наша надежда — патроны и оружіе. Сейчасъ воспользуемся поправившейся погодой и начнемъ сушить на вѣтру нашу намокшую рухлядь и сушиться сами. А то даже противно сидѣть въ этихъ «компрессахъ».

Четвергъ, 5-го іюня. Погода мѣняется: сѣверный вѣтеръ затихъ и потянулъ слабый S. Опять настала та туманная или мглистая погода, тотъ какой-то особенный матовый свѣтъ, казалось бы и не сильный, при которомъ такъ невыносимо болятъ глаза. Всѣ предметы, даже близкіе, рисуются словно за кисейной завѣсой, иногда даже двоятся; ни на что нельзя смотрѣть пристально широко открытыми глазами, а только прищуренными и то поминутно давая имъ отдыхать. Временами горизонтъ расчищается, солнце кажется за облаками матовымъ шаромъ, и мнѣ удалось взять его высоту.

Опять приходится удивляться быстротѣ дрейфа на югъ: широта получилась 81° 9′. Не буду особенно довѣрять сегодняшнему опредѣленію: во-первыхъ — болятъ глаза, а во-вторыхъ — горизонтъ все же не ясный.

Около четырехъ часовъ, при мглистомъ же горизонтѣ, на OSO отъ мѣста нашей стоянки, я увидѣлъ «нѣчто».

Не могу сказать навѣрно, что это такое. По крайней мѣрѣ землю я не такъ представлялъ себѣ. Это были два бѣлыхъ, или даже розоватыхъ облачка надъ самымъ горизонтомъ. Они долго не мѣняли ни формы своей, ни мѣста, пока ихъ не закрыло туманомъ. Не понимаю, что это такое; я даже ничего не говорю про видѣнное мною своимъ спутникамъ. Слишкомъ часто приходилось намъ ошибаться за два мѣсяца нашего скитанія по льду и принимать за землю и облака, и отдѣльные тороса.

Кажется, никогда еще мы не были окружены такимъ количествомъ полыней, разводьевъ и каналовъ, какъ теперь; они

ежечасно мѣняются, то зажимаются, то раздвигаются, мѣняютъ свое направленіе, но всѣ покрыты мелко-битымъ льдомъ «кашей», и плыть по нимъ невозможно. Кругомъ на горизонтѣ много «водяного неба», или черноты, но больше всего этой черноты на O и на W. Много летаетъ нырковъ и визгливыхъ бѣлыхъ чаекъ. Охъ, эти чайки! Какъ часто по ночамъ онѣ не даютъ мнѣ заснуть, суетясь, ссорясь и споря между собою около выброшенныхъ на ледъ внутренностей убитаго тюленя. Онѣ, какъ злые духи, кажется, слѣдятъ за нами, издѣваются надъ нашимъ положеніемъ, хохочутъ до истерики, визжатъ и свистятъ. Какъ долго буду помнить я эти «крики чайки бѣлоснѣжной», эти безсонныя ночи въ палаткѣ, это полуночное солнце, просвѣчивающее сквозь полотно ея, если когда-нибудь доберусь до берега. Дна мы не достали и сегодня, хотя два раза бросали лотъ. Линь неизмѣнно показываетъ, что ледъ движется на S. Къ вечеру опять подулъ N вѣтеръ. Что же, давай Богъ! Лучше на югъ, чѣмъ на сѣверъ!

Пятница, 6-го іюня. Оказывается, что вчера при опредѣленіи я не ошибся. Сегодня полуденная высота, при великолѣпномъ горизонтѣ дала широту 81° 1′. Удивительно, но это такъ. Такимъ образомъ выходитъ, что за недѣлю стоянки на одномъ мѣстѣ мы продрейфовали со льдомъ на югъ на цѣлый градусъ. Это движеніе льда на югъ нельзя объяснить только сѣверными вѣтрами, такъ какъ трудно предположить, чтобы ледъ, подъ вліяніемъ только одного вѣтра, въ продолженіе цѣлой недѣли двигался по 8.5 миль въ сутки. Нѣтъ, здѣсь не обошлось безъ теченія, въ этомъ я почти убѣжденъ.

Съ уменьшеніемъ широты до 81° еще настойчивѣе является вопросъ: гдѣ мы? Я уже рѣшилъ, что мы дрейфуемъ западнѣе Земли Франца Іосифа, иначе пришлось бы весь дрейфъ «Св. Анны» отнести слишкомъ далеко на востокъ, чего быть не можетъ. Итакъ, мы дѣйствительно покинули судно на 60 меридіанѣ и послѣ этого, во время нашего

страшно медленнаго движенія на югъ до 82 параллели, насъ сильно снесло на W, чего и надо было ожидать. Но на моей картѣ Земля Александра показана много сѣвернѣе 81 параллели, такъ что, если бы мы не проходили еще западнѣе этого западнаго острова архипелага Франца Іосифа, то теперь должны были бы быть вплотную прижаты къ его берегамъ. А между тѣмъ, мы не видимъ даже ничего похожаго на землю, да и дна достать не можемъ своимъ стосаженнымъ линемъ. Остается, значить, только два предположенія: или моя карта ни къ чорту не годна, или мы дрейфуемъ гдѣнибудь между Землей Александра и Шпитцбергеномъ, при чемъ уже миновали Землю Гилисъ, не видѣвъ ея. Что вѣроятнѣе, трудно сказать. Можетъ быть даже оба предположенія вѣрны. Во всякомъ случаѣ, очень возможно, что намъ не удастся «ухватиться» за Землю Александра и тогда прощай мечты о мысѣ Флоры, о Джэксоновскихъ постройкахъ и о провизіи, можетъ быть, случайно сохранившейся тамъ. Тогда, значитъ, прямымъ рейсомъ до Шпитцбергена! Но хватитъ ли у насъ энергіи слѣдовать прямо до Шпитцбергена? Успѣемъ ли мы въ этомъ году? Выдержатъ ли каяки и нарты этотъ путь? Посмотримъ!

Вѣтеръ къ вечеру перешелъ въ NW четверть и посвѣжѣлъ до 6 балловъ. Замѣчаемъ, что въ полыньяхъ начали «выставать» тюлени болѣе крупные, чѣмъ раньше, но убить изъ нихъ не удалось ни одного: слишкомъ они осторожны. Постоянно летаютъ нырки и бѣлыя чайки. Сегодня уничтожили четвертый каякъ и самыя поломанныя нарты. Пойдемъ дальше на три «подводы». Маловато у насъ остается сухарей, маловато.

Суббота 7-го іюня. Стоимъ и сегодня на старомъ мѣстѣ. Это у насъ тоже нѣчто вродѣ Нансеновскаго «лагеря ожиданія». Только вопросъ, дождемся ли мы чего-нибудь, а если дождемся, то чего? Вѣтеръ NW, 5 балловъ. Это хорошо: пусть насъ прижимаетъ немного къ О. Погода пасмурная и

идетъ мокрый снѣгъ. Снѣгъ сталъ сильно таять и осѣдаетъ цѣлыми пластами. Сверху онъ становится плотнымъ, и идти по немъ было бы недурно, если бы было куда идти, если бы не этотъ такъ безобразно поломанный ледъ, если бы не эти безчисленные каналы и полыньи. На горизонтѣ кругомъ много черноты и ледъ въ сильномъ движеніи. Я не увѣренъ, кажется ли мнѣ только, или это и на самомъ дѣлѣ такъ, будто ледъ, находящійся отъ насъ на O, отстаетъ въ своемъ движеніи на S отъ нашего льда и отъ лежащаго западнѣе. Сегодня убили въ полыньѣ тюленя, самаго большого изъ всѣхъ убитыхъ нами раньше. Вѣсилъ онъ не менѣе 4 или 5 пудовъ. Похлебка изъ него вышла чудесная. Стаи нырковъ становятся все многочисленнѣе, и сегодня вечеромъ я видѣлъ стайку въ пятнадцать штукъ, пролетѣвшую на сѣверъ.

Всѣхъ этихъ птицъ я называю нырками только потому, что онѣ, какъ нырки, будучи издали похожи на утокъ, на самомъ дѣлѣ не утки. Въ то же время это и не нырки. Они чернаго цвѣта, шейки у нихъ короче утиныхъ и клювъ не утиный, а острый, какъ у вороны. Грудь и брюшко — бѣлыя. Одни изъ нихъ величиною съ утку, а другіе много меньше, но по виду совершенно похожи на большихъ; только клювъ у нихъ покороче и потолще и не такъ похожъ на вороній. Большіе, если ранены, то кричатъ даже какъ-то по вороньи. Маленькіе, когда сидятъ стайкой, то очень мило щебечутъ. Это очень подвижныя существа. Чайки попадаются трехъ породъ, но преимущественно бѣлыя, очень скандальныя, шумныя существа, не дающія намъ спать ни днемъ, ни ночью.

Сегодня не удалось взять солнца. Лотъ бросали два раза, но дна не достали; линь показываетъ на N.

Теперь я сталъ замѣчать, что линь показываетъ наше движеніе не точно по вѣтру, а въ сторону. Положительно мнѣ кажется, что здѣсь есть постоянное теченіе.

V. ЗЕМЛЯ!

Понедѣльникъ, 9-го іюня. Вчера вѣтеръ продолжалъ дуть NW и WNW. Хотя днемъ была пасмурная погода, все же удалось взять высоту солнца: широта 80° 52′ и долгота 40° 20′, но въ послѣдней я попрежнему не увѣренъ. Вечеромъ около 9 часовъ, я по обыкновенію забрался на высокій ропакъ посмотрѣть на горизонтъ. Кромѣ обычныхъ острововъ, которые мы много разъ видѣли кругомъ и которые въ концѣ концовъ оказывались торосами или облаками, на этотъ разъ я увидѣлъ на SO отъ себя, при хорошемъ горизонтѣ что-то такое, отъ чего я въ волненіи долженъ былъ присѣсть на ропакъ и поспѣшно начать протирать и бинокль, и глаза. Это была рѣзкая серебристо-матовая полоска, немного выпуклая вверхъ, идущая отъ самаго горизонта и постепенно теряющаяся влѣво. Самый «носокъ» ея, прилегающій къ горизонту, особенно рѣзко и правильно выдѣлялся на фонѣ голубого неба. Цвѣта онъ былъ точно такого-же, какого бываетъ луна днемъ и даже похоже было, какъ будто изъ-за горизонта чуть показалась луна, но почему-то лѣвая половина сегмента этой луны постепенно тускнѣла и исчезала въ то время, какъ правая половина по мѣрѣ приближенія къ горизонту становилась рѣзче. Эта свѣтло-матовая правильная полоска была похожа на аккуратный нѣжно-бѣлый мазокъ тонкой кистью по голубому фону. Пожалуй, нѣчто похожее я видѣлъ и 5-го іюня почти въ томъ же направленіи,

только тогда я ихъ называлъ облачками, ихъ было два и они были не такъ ясно видны. Но тогда и горизонтъ былъ хуже. Ночью я разъ пять выходилъ посмотрѣть въ бинокль и каждый разъ находилъ этотъ кусочекъ луны на своемъ мѣстѣ; иногда онъ былъ яснѣе, иногда слабѣе виденъ, но главнѣйшіе признаки, т. е. цвѣтъ и форма, оставались тѣ-же.

Я удивляюсь, какъ никто изъ моихъ спутниковъ ничего не видитъ. Какого труда стоитъ мнѣ сдержать себя, не вбѣжать въ палатку, не закричать во весь голосъ: что же вы сидите чучелами, что вы спите, развѣ не видите, что мы почти у цѣли, что насъ подноситъ къ землѣ. Мнѣ хочется растормошить своихъ спутниковъ, хочется говорить и говорить о землѣ, такъ какъ я увѣренъ теперь, что это земля. Но я почему-то сдерживаю себя, ухмыляюсь и думаю: нѣтъ, дорогіе мои, увидьте сами. Но спутники мои не замѣчаютъ земли, не замѣчаютъ и моего волненія. Я и преміей, назначенной за увидѣнную землю, не смогъ заинтересовать ихъ. По старому большинство изъ нихъ апатичны, малоподвижны и вмѣсто наблюденій за горизонтомъ предпочитаютъ или спать, или, забравшись съ ногами въ малицы, заниматься охотой за «бекасами».

Утромъ погода была на рѣдкость хорошая. Земля была видна еще яснѣе. Мнѣ припоминается, что Нансенъ описываетъ видѣнную имъ землю, кажется, Землю Кронпринца Рудольфа, видимую издали, въ видѣ матоваго щита, лежащаго выпуклостью вверхъ. Но вѣдь наша земля именно такой же матовый щитъ, лежавшій выпуклостью вверхъ, только видна одна правая половина его; но это зависитъ отъ направленія, съ котораго мы видимъ землю, и отъ освѣщенія.

Но какъ не похожа эта земля на то, что я ожидалъ увидѣть, разсматривая горизонтъ почти два мѣсяца.

Эта земля какая-то сказочная, фантастическая, почти такая же далекая отъ дѣйствительности, какъ картина. Ея странный, ненатуральный, лунный цвѣтъ, правильная, какъ по

лекалу очерченная форма, совершенно не даютъ понятія о разстояніи, какое отдѣляетъ насъ отъ этой земли.

Утромъ, при очень хорошей погодѣ, кромѣ замѣченной вчера земли, которая, повидимому, не очень высока, лѣвѣе ея, на О, были видны еще нѣсколько отдѣльныхъ вершинъ. Эти были гораздо дальше, но и много выше первой замли. Они были уже не ледники, а высокіе гористые острова, синевато-темнаго цвѣта. Вершины ихъ временами закрывались туманомъ, очертанія были неопредѣленны и, должно быть благодаря струящемуся влажному воздуху, казалось, что эти очертанія вершинъ колеблются. Но въ общемъ они не мѣняли своей формы.

До этихъ гористыхъ острововъ должно быть очень далеко и, если мы ихъ видимъ, то только потому, что слишкомъ хороша сегодня погода и слишкомъ они высоки.

Мѣстами между вершинами чуть замѣтны ледники, но только потому, что они рисовались на фонѣ темныхъ горъ. Сравнивая эти отдаленные ледники съ ледникомъ, замѣченнымъ вчера, видишь, насколько послѣдній ближе къ намъ. Трудно, почти невозможно сказать, сколько миль можетъ быть до этой ближайшей земли. Глазъ не привыкъ опредѣлять разстояніе до такихъ «лунныхъ» острововъ. Я скорѣе опредѣлилъ бы разстояніе до тѣхъ дальнихъ гористыхъ острововъ: ну, что-нибудь около 50 или 60 миль. Но до этого, ближайшаго, право, не могу опредѣлить.

Иногда, когда я представляю его себѣ мысленно не высокимъ, гладкимъ, онъ кажется мнѣ совсѣмъ не далеко, миль 5—6. Но тутъ же мнѣ начинаетъ представляться, что онъ гораздо выше, что изъ-за горизонта мнѣ видна только самая выпуклость его, кажущаяся такой ровной только благодаря большому разстоянію, и тогда я готовъ дать до этого «луннаго острова» и всѣ 25—30 миль. Но во всякомъ случаѣ мы сейчасъ ближе къ землѣ, чѣмъ были когда-либо почти за два года. Слава Тебѣ, Господи! Но вопросъ, какъ мы будемъ

добираться до этой земли? Какъ бы трудно это ни было, а добираться все же надо.

Сегодня я взялъ хорошую полуденную высоту и получилъ широту, какъ и вчера, 80° 52′. Вѣтеръ сегодня S. Должно быть благодаря ему наше движеніе на югъ пріостановилось. Сейчасъ четвертый часъ дня. Мы пообѣдали и укладываемся, такъ какъ немедленно пойдемъ къ землѣ. Я взялъ еще высоты солнца и, проложивъ Сомнерову линію, получилъ незначительную, около 2 миль, подвижку на О противъ вчерашней точки. Несмотря на вѣтеръ, мы приближаемся къ острову, что видно и по вытравленному линю. Здѣсь есть приливное и отливное теченія. Глетчеръ сейчасъ виденъ яснѣе, чѣмъ вчера: ослѣпительно бѣла и ровна его поверхность.

(10 ч. вечера). Шли мы сегодня до девяти часовъ и прошли версты 3-4. На общемъ совѣтѣ рѣшено не ставить палатки, пока не доберемся до острова. Это мы хотимъ дѣлать для того, чтобы меньше терять времени на сборы и меньше спать. Не знаю только, выдержимъ ли мы характеръ и выполнимъ ли свое доброе намѣреніе. Полыньи такъ быстро разводятся, что мы едва успѣваемъ перетаскивать черезъ нихъ каяки, которые иногда приходится спускать въ воду вмѣстѣ съ нартами и грузомъ и на лямкахъ перетаскивать на другую сторону. Кругомъ замѣтно гораздо больше жизни: много «выстаетъ» тюленей въ разводьяхъ, много летаетъ нырковъ къ острову или отъ него. Видѣли нѣсколько медвѣжьихъ слѣдовъ. Все это очень подбадриваетъ насъ. Теперь вѣдь мы идемъ къ землѣ и землѣ уже видимой. Вчера удалось убить тюленя и трехъ нырковъ, которыхъ сегодня и ѣли. Попробовали сдѣлать силокъ для ловли изводящихъ насъ бѣлыхъ чаекъ, но ни одна изъ этихъ истеричекъ не попалась. Сейчасъ мы ночуемъ почти подъ открытымъ небомъ, только положивъ на ледъ лыжи и сдѣлавъ навѣсъ изъ парусовъ.

Вторникъ 10 іюня. Вечеръ. Сидимъ въ палаткѣ, хотя до острова не только не дошли, но по всей вѣроятности даже стали дальше отъ него, чѣмъ были вчера. Благими намѣреніями адъ вымощенъ. . . Погода туманная, временами идетъ мокрый снѣгъ, иногда переходящій въ мелкій дождь. Вѣтеръ съ утра S. Снялись въ 8 ч. утра и до 3 ч. дня прошли не болѣе 2-3 верстъ. Снѣгъ мокрый, липкій; «не дорога, а клей», говорятъ мои спутники. Про переправы и вспоминать непріятно: ни пѣшкомъ, ни вплавь. Перемокли и рѣшили ставить палатку, обѣдать. Убили тюленя, отъ котораго собрали двѣ миски крови, и изъ крови и нырковъ сдѣлали очень хорошую похлебку.

Когда мы варимъ чай или похлебку, то закатываемъ и того, и другого по полнешенькому ведру, а ведро у насъ большое. Остатковъ отъ этихъ порцій обыкновенно не бываетъ. Сегодня утромъ мы съѣли ведро похлебки и выпили ведро чаю; въ обѣдъ съѣли ведро похлебки и выпили ведро чаю и сейчасъ на ужинъ мы съѣли больше, чѣмъ по фунту мяса, и съ нетерпѣніемъ дожидаемся, когда вскипитъ наше ведро чаю. Кромѣ перечисленныхъ порцій пищи каждый изъ насъ ежедневно получаетъ по фунту сухарей. Аппетиты у насъ не волчьи, а много больше, это что-то ненормальное, болѣзненное.

Въ мрачныя минуты намъ приходитъ въ голову примѣта, что такая необычайная жадность, какъ у насъ теперь, обыкновенно бываетъ передъ сильной голодовкой. Упаси насъ, Господи, отъ этого!

Но несмотря на то, что пищей мы теперь не обижены, вчера была обнаружена пропажа 7 фунтовъ сухарей. Подобныя пропажи, но въ меньшемъ размѣрѣ, я замѣчалъ и раньше и надо ли говорить, какъ онѣ меня огорчаютъ, даже раздражаютъ. Объявилъ, что за пропажу будутъ отвѣчать всѣ, такъ какъ я буду принужденъ уменьшить порціи.

Но если я кого-нибудь поймаю на мѣстѣ преступленія, то

собственноручно застрѣлю негодяя, рѣшившагося воровать у своихъ товарищей, находящихся и безъ того въ тяжеломъ положеніи. Какъ ни горько, но долженъ признать, что есть у меня въ партіи три или четыре человѣка, съ которыми мнѣ ничего не хотѣлось бы имѣть общаго. Не стоитъ говорить про это: теперь бы только скорѣе добраться до берега.

Съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ мнѣ хочется попасть на этотъ островъ. На немъ окончится нашъ двухгодовой дрейфъ со льдомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ окончится и наша постоянная зависимость отъ вѣтровъ, теченій и полыней. Мы уже будемъ сами располагать своимъ движеніемъ впередъ. Возможно, что мы найдемъ свободную полосу воды у берега, по которой быстро поплывемъ, куда намъ надо. Тамъ мы увидимъ массу птицъ, моржей и, можетъ быть, и медвѣдей. На островѣ мы собираемся устроить себѣ хорошую «баню». Шутка ли сказать, мы за два мѣсяца своего пребыванія на льду ни разу не мылись и, конечно, имѣемъ ужасный видъ. Сначала я какъ-то не обращалъ вниманія на это, но одинъ разъ, беря высоту солнца, я въ большомъ зеркалѣ секстана случайно увидѣлъ свою физіономію и прямо испугался. Какая-то черная, блестящая, какъ шагрень, пленка лупилась на моемъ лицѣ и отставала цѣлыми пластами. Я думалъ, что это только копоть, но потомъ убѣдился, что грязь лупится вмѣстѣ съ пленкой кожи. Таковы были всѣ мы. Когда же стали сдирать эту пленку, отстававшую только мѣстами, то стали похожи на татуированныхъ. Про ту единственную пару бѣлья, которая была у насъ, про брюки, теплыя вязаныя рубашки и пиджаки, и говорить нечего. Они только вполнѣ соотвѣтствовали тому тѣлу, которое покрывали. Вся наша одежда сплошь кишѣла «бекасами», т. е. насѣкомыми, и я думаю, что вязаная рубашка по ровному мѣсту могла бы далеко уползти самостоятельно.

Въ палаткѣ частенько можно было наблюдать картину, какъ всѣ сидятъ въ кружокъ и, изрѣдка перекидываясь от-

рывистыми фразами, съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ заняты охотой «за бекасами». Страшно сосредоточенный видъ... Охота эта преимущественно происходитъ по вечерамъ и потому называется «вечерними занятіями». Не мылись мы по разнымъ причинамъ: во-первыхъ, не было мыла, во-вторыхъ, не было воды, часто для питья, не говоря уже про умываніе или стирку, а въ третьихъ, было холодно. Нѣкоторые же просто дали «обѣтъ» не мыться, пока не дойдемъ до берега. А кто же могъ предполагать, что мы увидимъ этотъ берегъ только черезъ два мѣсяца. Не мудрено, что всѣ частенько чувствовали потребность поохотиться, а совмѣстное спанье въ малицахъ, конечно, способствовало равномѣрному распредѣленію «дичи». «Охота» эта удивительно всѣхъ объединяла, и всѣ споры въ это время обыкновенно прекращались. Но довольно этой темы.

Послѣ обѣда я съ тремя человѣками пошелъ на развѣдку. Картина намъ представилась, сравнительно, благопріятная. За четырьмя полыньями, черезъ которыя намъ предстоитъ завтра переправиться, пойдетъ дорога лучше. Совершенно особенный ледъ: ропаки на немъ черные, грязные съ приставшими кусками водорослей, песку и даже камней. Нѣсколько камешковъ, водорослей и двѣ маленькія палочки мы даже захватили съ собой, какъ первые дары земли, какъ масляничную вѣтвь. Снѣгъ на этомъ льду уже сильно разъѣденъ и стаялъ; дорога сравнительно хорошая. Видѣли много совершенно свѣжихъ медвѣжьихъ слѣдовъ. А погода попрежнему сырая, туманная. Идетъ мокрый снѣгъ, почти дождь. Вѣтеръ S.

Среда, 11-го іюня. Сегодня сдѣлали хорошій переходъ, верстъ 6. Стоимъ теперь на льдинѣ, опять окруженной полыньями и мелко битымъ льдомъ. Утромъ вѣтеръ былъ слабый NO, но къ вечеру перешелъ къ N и покрѣпчалъ. Горизонтъ немного очистился и можно было видѣть нашъ островъ-глетчеръ, хотя и плохо. Не могу разобрать, три ли

отдѣльныхъ небольшихъ острова передъ нами или это одинъ большой, но съ тремя выпуклыми ледниками. Ближайшій ледникъ отъ насъ сейчасъ на S; повидимому, насъ со льдомъ подало теченіемъ немного на O, такъ какъ увидѣли мы этотъ островъ, или, вѣрнѣе, западную оконечность его, на SO. Разстояніе до него, какъ и раньше, опредѣлить не могу; необычайная, странная форма и обманчивый цвѣтъ, положительно, не даютъ понятія о разстояніи. Убили маленькаго тюленя и нырка. Опять болятъ глаза. Никогда, кажется, мои глаза не привыкнутъ къ этому свѣту.

Четвергъ 12-го іюня. Тяжелый день. Во-первыхъ, у семи человѣкъ, въ томъ числѣ и у меня, продолжаютъ болѣть глаза и болятъ такъ, какъ никогда. Во-вторыхъ, за день ушли мы не болѣе двухъ верстъ. Все время—переправы черезъ полыньи, забитыя мелкимъ льдомъ и «шугой». Приходится каяки, вмѣстѣ съ нартами и грузомъ, спихивать въ эту кашу, самому садиться верхомъ на грузъ и, расталкивая ледъ весломъ, перебираться черезъ полынью. Такія тяжелыя переправы попадаются на каждомъ шагу. Во время одной изъ переправъ случилось несчастье — Луняевъ со Смиренниковымъ утопили одну изъ двухъ имѣющихся у насъ винтовокъ «Ремингтонъ». Это разгильдяйство, нерасторопность, страшно возмутили меня, и на этотъ разъ кой кому попало порядочно. Кто войдетъ въ мое положеніе, тотъ не осудитъ меня. Это уже второе ружье, утопленное моими разгильдяями за время нашего пути по льду. Осталась только одна винтовка такая же, для которой у насъ еще много патроновъ. Маленькую магазинку считать нечего, такъ какъ для нея не болѣе 80 патроновъ осталось. Въ нашемъ же положеніи остаться безъ винтовки врядъ ли захотѣлъ бы здравомыслящій человѣкъ. Сегодня ясная солнечная погода, при слабомъ N вѣтрѣ. Пробовалъ опредѣлиться, но изъ этого ничего не вышло: вмѣсто солнца вижу какое-то расплывшееся пятно, а горизонта и совсѣмъ не вижу. Охъ, эти глаза! Они заставляютъ меня

бездѣятельно сидѣть въ то время, когда нужно идти и идти впередъ. Островъ, по словамъ наиболѣе зоркихъ, сегодня виденъ очень хорошо, но я ничего не могу разобрать. Когда мы переправились черезъ полынью, мимо насъ пролетѣли двѣ гаги. Это уже много лучше чаекъ и нырковъ. Летѣли онѣ отъ острова. Вообще всѣ птицы летятъ по этому направленію и это даетъ мнѣ основаніе надѣяться, что и видимый нами островъ не такой ужъ мертвый и пустынный, какъ онъ кажется. Запасъ тюленьяго мяса вышелъ весь и сегодня на обѣдъ было выдано сваренное раньше медвѣжье мясо, а на ужинъ варили похлебку изъ сушенаго медвѣжьяго мяса. Ѣсть можно, но, когда она остынетъ, то имѣетъ непріятный запахъ и привкусъ. Сахаръ у насъ вышелъ весь уже нѣсколько дней тому назадъ. Теперь мы пьемъ чай съ ржаными сухарями и находимъ, что, если и дальше будетъ такъ продолжаться, то было бы недурно. Но увы, запасы чаю и сухарей у насъ быстро уменьшаются. Чаю осталось только на нѣсколько дней. Идти приходится теперь такъ: съ высокаго тороса сначала намѣчаешь путь, выбирая мѣста, гдѣ возможно или перейти, или переплыть, и стараешься выбирать льдины по возможности большія. Часто приходится, перебросивъ на другую сторону канала длинную лямку, самимъ переходить по зыбкому льду на лыжахъ и, перейдя каналъ, перетягивать черезъ него каяки на лямкахъ. При этомъ каяки кренятся, застреваютъ въ кашѣ и большого труда стоитъ вытянуть ихъ на ледъ. Поминутно то тотъ, то другой проваливаются, но, выливъ изъ сапогъ воду, сейчасъ же принимаются за прерванное дѣло. А островъ почти такъ же далеко, какъ былъ и раньше.

Пятница 13-го іюня. Вѣтеръ SSW. Снялись въ 8 ч. утра и шли до 6 ч. 30м. вечера съ часовой остановкой на обѣдъ. Прошли за день верстъ 8. На этотъ разъ попадаются большія льдины, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Подъ снѣгомъ много воды, по прежнему морской. Провизіи становится ма-

ловато. Вчера я писалъ, что чаю остается на нѣсколько дней, а между тѣмъ сегодня вечеромъ пришлось высыпать въ ведро послѣднюю заварку. Утромъ завтракали только чаемъ съ сухарями, обѣдъ состоялъ изъ сухарей и теплой воды, разбавленной консервированнымъ молокомъ, но къ ужину удалось убить трехъ нырковъ, изъ которыхъ и сварили похлебку, прибавивъ въ ведро немного бульону Скорикова. Часть этой похлебки оставили на завтра. Въ одной полыньѣ «выставали» тюлени, но убить не удалось ни одного.

Во время переправы черезъ полынью мы были напуганы внезапно высоко выскочившимъ изъ воды большимъ «зайцемъ»[1]). Къ вечеру «зрячіе» увидѣли островъ, такъ какъ горизонтъ немного прояснился. На этотъ разъ онъ былъ уже опять на SO. Ледъ, повидимому, носитъ взадъ и впередъ около острова приливомъ и отливомъ. Вотъ причина такой массы мелко битаго льда въ полыньяхъ. Воображаю, сколько этой гадости, этой каши, ближе къ острову! Губановъ все увѣряетъ меня, что островъ виденъ лучше, но я этого не замѣчаю. Къ вечеру SSW посвѣжѣлъ, и пошелъ не то градъ, не то крупа.

Суббота 14-го іюня. Вѣтеръ тотъ же. Погода опять мглистая, холодная. Снялись въ 9 ч. утра и шли до 12 дня, пройдя 4 версты. Кондратъ, шедшій въ переднихъ нартахъ, выйдя на тонкій ледъ, внезапно провалился въ лунку, сдѣланную тюленемъ и засыпанную снѣгомъ. При этомъ онъ запутался въ лямкѣ и его прикрыло нартами. Всѣ бросились на помощь, обрѣзали лямку, оттащили нарты и выволокли Кондрата, промокшаго до нитки и хлебнувшаго даже воды. Пришлось ставить палатку и отогрѣть утопленника.

Сегодня осталось у насъ сухарей на 10 человѣкъ только 3 пуда. Охота въ послѣднее время становится менѣе удачной. На обѣдъ сегодня были у насъ сухари и горячая вода, въ которой развели послѣднюю баночку консервированнаго мо-

[1]) Родъ большого тюленя (**Phoca barbata**).

лока. На общемъ «совѣтѣ» постановили идти на развѣдку какъ можно дальше и, если результатъ окажется неблагопріятнымъ, то бросимъ палатку и все, что только возможно, и почти съ пустыми руками пойдемъ быстрѣе. Жаль бросать наше имущество, которое будетъ намъ такъ нужно, прямо необходимо, если бы намъ пришлось зимовать на этихъ островахъ. А зимовать по всей вѣроятности придется. Пошли на развѣдку. Опять фортуна улыбнулась намъ въ рѣшающій моментъ: въ верстѣ отъ стоянки удалось убить двухъ тюленей, и ужинъ былъ у насъ великолѣпный. Всѣ повеселѣли и рѣшили подождать бросать наше имущество. Не судьба!

Понедѣльникъ 16-го іюня. Вчера прошли не болѣе 2 верстъ. Въ той полыньѣ, гдѣ третьяго дня убили двухъ тюленей, вчера утромъ убили еще двухъ. Переправились черезъ полынью и рѣшили остановиться вслѣдствіе густого тумана, такъ какъ идти опасно. Пока ставили палатку и разводили огонь, Луняеву удалось убить 5 тюленей. Счастливая полынья! Насколько мнѣ удалось разсмотрѣть мѣсто нашей стоянки, мы находимся на небольшой льдинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ мелко битымъ льдомъ. Нигдѣ не видно дороги. Положеніе не важное, и вѣтеръ, какъ на зло, дуетъ уже нѣсколько дней S и, пожалуй, насъ отжимаетъ отъ острова. Придется подождать пока, благо тюленей много. Можетъ быть, вѣтеръ перемѣнится и подожметъ насъ поближе къ острову или хотя сожметъ эту отвратительную кашу изъ мелкаго льда. Что дѣлать, что предпринять? Дожидаться ли улучшенія дороги или случайной попутной полыньи, или побросать все и на лыжахъ съ котомками за плечами пойти къ острову? Но невозможно остаться безъ каяковъ. Намъ могутъ попастся пространства чистой воды, черезъ которыя невозможно будетъ перебраться иначе, какъ въ каякахъ. Пробовали сложить все наше имущество въ одинъ каякъ и тянуть его восьмеромъ, но перегруженныя нарты такъ завязаютъ въ снѣгу, что восемь человѣкъ тянутъ ихъ съ такимъ

же усиліемъ, какъ и трое нартъ, не говоря уже про то, что нарты съ такимъ грузомъ не выдержатъ и одного дня пути. А безъ нартъ пришлось бы бросать и каякъ. Этотъ опытъ окончательно укрѣпилъ меня въ рѣшеніи — изъ оставшихся каяковъ не бросать ни одного. Лучше будемъ идти медленно, но безъ риска въ одинъ прекрасный день очутиться на льдинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ водой, не имѣя возможности переплыть на островъ. Не надо отчаяваться. Понемногу, но настойчиво, мы должны когда-нибудь подойти къ острову и подойти со всѣмъ оставшимся необходимымъ имуществомъ. Въ сущности, мы не такъ ужъ много времени и идемъ: всего только 7 дней, какъ мы увидѣли островъ, и за это время подвинулись къ нему порядочно, такъ какъ теперь, когда туманъ разсѣивается, его видно уже простымъ глазомъ. Насколько я помню, Нансенъ послѣ того, какъ увидѣлъ Бѣлую Землю, полмѣсяца еще шелъ до нея. А у него оставались еще собаки, которыя помогали хорошо тянуть. Да и нарты у него были не нашимъ чета. Нѣтъ, что бы мнѣ ни напѣвали «лыжники», а каяковъ я не брошу, или, по крайней мѣрѣ, своего каяка не брошу. А если кто думаетъ иначе, то я ихъ насильно къ себѣ и къ каякамъ не привязалъ. Такъ я и объявилъ своимъ спутникамъ. Въ 6 ч. вечера мы снялись и пошли впередъ. За два съ половиной часа прошли верстъ пять. Пришлось остановиться, такъ какъ ледъ опять начало разводить. Остановились на большой старой льдинѣ, на которой нашли въ первый разъ въ этомъ году совершенно прѣсную воду. Только что успѣли поставить палатку, какъ прибѣжавшій Кондратъ сообщилъ, что за торосами лежитъ большой моржъ. Взяли винтовки и пошли. Моржъ лежалъ у самой полыньи, но какъ мы осторожно ни подкрадывались къ нему, онъ ушелъ въ воду до выстрѣла. Осмотрѣвъ лежбище, мы убѣдились, что здѣсь лежало нѣсколько моржей. Появленіе ихъ очень обрадовало насъ. Туманъ держится весь день. Опредѣлиться и сегодня не удалось.

Вторникъ 17-го іюня. Сегодня замѣчательный день. На меня сегодня, какъ «на бѣднаго Макара», свилилась такая «шишка», отъ которой долго, кажется, я не приду въ себя. Вчера вечеромъ два человѣка, фамилій ихъ называть не буду, вызвались утромъ, часа въ 4, отправиться на поиски дороги и попросили позволенія взять съ собою по обыкновенію на всякій случай сухарей. Это у насъ всегда было принято дѣлать изъ предосторожности. Утромъ я проснулся въ половинѣ четвертаго и разбудилъ развѣдчиковъ, послѣ чего опять заснулъ. Проснувшись къ завтраку, я узналъ, что развѣдчиковъ еще нѣтъ. Въ 12 часовъ дня я уже началъ безпокоиться, и мы рѣшили пойти по ихъ слѣдамъ на поиски. Когда мы стали собираться, то обнаружили очень непріятный сюрпризъ: оказалось, что развѣдчики взяли съ собой пару лучшихъ сапогъ Луняева, почти всѣ теплыя вещи, принадлежащія Максимову, мѣшокъ сухарей вѣсомъ въ 23 фунта, двустволку и всѣ дробовые патроны. Я бросился къ своему каяку и увидѣлъ, что они взяли еще дюжину коробокъ спичекъ, бинокль, единственный имѣющійся у насъ, очень полезный, такъ какъ при немъ былъ маленькій компасикъ, и запаянную жестяную банку съ почтой и документами всѣхъ насъ. Не забыли «развѣдчики» прихватить и единственные наши часы, принадлежащіе Смиренникову. Взяли они и мои хорошія лыжи, оставивъ мнѣ взамѣнъ ихъ ломаныя. Не могу описать нашего негодованія при этомъ открытіи. Всѣ порывались сейчасъ же бѣжать на лыжахъ въ погоню за ворами и, если бы ихъ теперь удалось настигнуть, то безусловно они были бы убиты. Но я остановилъ пылкихъ товарищей по несчастью, потому что погоня была бы безполезна. За восемь часовъ бѣглецы, вѣроятно, ушли такъ далеко, что догнать ихъ было бы невозможно, не говоря уже про то, что тогда мы потеряли бы и оставшееся наше имущество, т. к. ледъ все время переставляется и дорогу обратно къ каякамъ между торосами намъ не найти. Пришлось примириться съ создав-

шимся положеніемъ и подумать о дальнѣйшемъ движеніи. Теперь, волей-неволей, приходилось бросить палатку и однѣ нарты съ каякомъ. Безъ палатки обойтись не трудно, но съ двумя каяками на восемь человѣкъ будетъ уже труднѣе. Самое большое въ нихъ могло помѣститься 7 человѣкъ и то если связать оба каяка вмѣстѣ и не брать на нихъ нартъ. Бросили мы каякъ, написавъ на немъ предварительно: «Св. Анна», бросили нарты, палатку и еще кое-что и отправились въ путь. Нарты теперь стали легкія. Въ переднія нарты впряглись 4 человѣка, въ заднія 3, а я на лыжахъ пошелъ впередъ, разыскивая дорогу и болѣе удобныя переправы. Видѣли 9 штукъ гагъ, летѣвшихъ съ острова одна за другой, а на большой полянѣ видѣли тюленей, которые, увидѣвъ насъ, сейчасъ же шмыгнули въ лунки. Когда мы отошли версты три, у насъ сломались одновременно двое нартъ, причемъ у однихъ поломка оказалась настолько серіозной, что пришлось 4 человѣкамъ вернуться обратно за брошенными нартами и часа черезъ 2 они притащили ихъ. Напившись чаю, заварку котораго мы нашли, перебирая патроны, мы починили поломанныя нарты и въ 10 ч. вечера отправились дальше. Полнѣйшій штиль и туманъ.

Среда 18-го іюня. Ночью шли до 3 часовъ и прошли еще верстъ 5. Дорога сносная: начинаютъ попадаться полянки, съ которыхъ снѣгъ почти стаялъ. Преимущественно — это молодой ледъ. Закинувъ магазинку за спину, я ухожу далеко впередъ, забираюсь на высокіе тороса и выбираю дорогу. Когда путь обезпеченъ версты на двѣ, на три впередъ, я возвращаюсь къ каякамъ и помогаю при переправахъ. Идемъ молча: всѣ еще находятся подъ впечатлѣніемъ покражи и побѣга нашихъ вѣроломныхъ спутниковъ. Во время переправы черезъ полынью, видѣли въ ней моржа, который долго съ любопытствомъ смотрѣлъ на насъ. Послѣ полуночи погода начинаетъ проясняться, а къ 3 часамъ засвѣтило даже солнце. Вмѣсто брошенной палатки, для ночлега мы поль-

зуемся парусами отъ каяковъ, дѣлая изъ нихъ съ помощью лыжъ и веселъ нѣчто въ родѣ навѣса, а каяками закрываемся отъ вѣтра. Утромъ мы проснулись поздно, около 9 часовъ. Погода была хорошая и солнце свѣтило во-всю. Туманъ еще держался, но на самомъ горизонтѣ. Переправились мы съ Губановымъ черезъ полынью и отправились на лыжахъ на развѣдку. Островъ-ледникъ хорошо виденъ на SSO. Этотъ ровный видъ его, неестественный, серебристо-матовый, а иногда и голубоватый, попрежнему смущаетъ меня. Онъ сталъ значительно выше. Правѣе его видна какая-то свѣтло-коричневая полоска. Это или отмелый низкій мысочекъ у острова, или отдѣльный низменный островокъ. Послѣднее мнѣ кажется вѣроятнѣе, такъ какъ эта полоска кажется ближе, чѣмъ «лунный островъ». Дорога сносная, идти понемногу можно. Сегодня удалось убить еще одного тюленя и за обѣдомъ мы имѣли два блюда: супъ и котлеты. Снялись мы въ 1 часъ дня и шли до 6 час., пройдя верстъ 5. Вслѣдствіе густого тумана и дождя пришлось остановиться. Дѣлать кровлю съ тремя защищающими отъ вѣтра стѣнами мы теперь наловчились и дѣлаемъ это скоро, такъ что отсутствіе палатки не ощутительно. Съ палаткой даже больше возни, да и тяжела она. Къ тому же теперь достаточно тепло. На снѣгъ мы кладемъ ряды лыжъ, на которыя стелемъ куски брезента, служившаго раньше «полками», защищающими каяки. Получается очень недурное помѣщеніе «съ массой воздуха и свѣта». Шли сегодня на SSO. Сначала попадались слѣды бѣглецовъ, но скоро мы ихъ потеряли. Когда въ полдень я бралъ высоту солнца, то въ предметную трубу секстана, замѣняющую мнѣ теперь бинокль, кажется, видѣлъ что-то очень похожее на двѣ человѣческія фигуры, верстахъ въ 8 отъ насъ. Я не стараюсь особенно догнать бѣглецовъ. Если бы мы ихъ догнали, то было бы два выбора: или покончить съ ними «судомъ Линча», или простить преступниковъ. Я склоненъ думать, что мои спутники настояли бы на пер-

вомъ. Простивъ же ихъ, мы брали бы на себя большую обузу, такъ какъ каякъ, нарты и нѣкоторое нужное имущество уже брошено. Непонятно и безсмысленно мнѣ кажется это бѣгство. Вѣдь я никого силой не держалъ, и желающіе могли уйти не воровски, а подѣливъ честно остатки нашего снаряженія. Но бѣглецы предпочли обокрасть насъ, унести съ собой наши частныя вещи и нелѣпѣйшимъ образомъ забрать всѣ документы, паспорта и почту. Взявъ съ собой двустволку и всѣ дробовые патроны, они пульныхъ патроновъ взяли только 10 штукъ. Едва ли это достаточно, принимая во вниманіе возможность частыхъ встрѣчъ съ медвѣдями. Но любопытно мнѣ, куда они пойдутъ. Ни тотъ, ни другой не знаютъ, гдѣ мы находимся, гдѣ мысъ Флора и гдѣ Шпитцбергенъ.

Четвергъ 19-го іюня. Вчера мы предполагали сняться еще вечеромъ, но до 2 часовъ ночи погода была очень туманная и дождливая. Въ 3 часа мы пошли и до 7 час. утра прошли верстъ 5. Остановились на большомъ полѣ. Хотя горизонтъ и мглистый, но теперь конецъ острова виденъ хорошо. Правѣе его по-старому видна темная полоска по горизонту; постепенно спускающійся край ледника какъ бы обрѣзаетъ эту темную полосу, и лѣвѣе ея уже не видно. Это должно быть береговая полоса острова, не покрытая ледникомъ. Теперь на глазъ кажется, что до острова осталось верстъ 12—15. Высоту солнца и сегодня взять не удалось. Вѣтерь SW, балловъ 5.

Въ 2 ч. дня мы тронулись въ путь. Дорога и сегодня довольно хорошая. Молодой ледъ съ неглубокимъ снѣгомъ и невысокими рѣдкими торосами. Идти тепло, хорошо. Я ухожу далеко впередъ, стараясь найти хорошую дорогу. Раза по два возвращаюсь назадъ, прокладывая лыжами прямые пути къ намѣченной цѣли. Но мои спутники замѣтно утомились. Такіе большіе, сравнительно, переходы имъ не по вкусу. Хотя нарты теперь и легкія, но они медленно шагъ

за шагомъ тянутся за мной. Не разъ я замѣчалъ, какъ они, думая, что я, уйдя за тороса, не вижу ихъ, останавливаются, ложатся у каяковъ и грѣются на солнце съ самымъ беззаботнымъ видомъ. Видя эти большія поля, они успокоились и полагаютъ, что такая дорога будетъ до самаго острова. Когда я убѣждаю ихъ двигаться быстрѣе, они успокаиваютъ меня, говоря, что «торопиться некуда, успѣемъ». Часа черезъ два эти большія поля кончились, начали попадаться полыньи и чѣмъ дальше, тѣмъ больше полыней. Но эти полыньи сносны: черезъ нихъ можно или переплыть или ихъ можно обходить. Въ 6 ч. 30 м. вечера мы остановились ужинать, пройдя верстъ 6. Къ вечеру кругомъ на горизонтѣ появилось много черноты. Ледъ, повидимому, пришелъ въ движеніе, Его разводитъ вѣтромъ и отливомъ. Острова не видно, но въ томъ направленіи замѣтно сіяніе, должно быть отблескъ ледника. За ужиномъ было тюленье мясо, мелкіе сухари, которыхъ у насъ накопилось около 1 пуда, и теплая вода вмѣсто чая, конечно, безъ сахара. Предполагаю сняться ночью.

Пятница, 20-го іюня. Опять сильно болятъ глаза и писать очень трудно. Снялись мы въ 3 часа ночи и шли до 6 ч. 30 м. утра по плохой, на этотъ разъ, дорогѣ. Прошли версты 4. Масса полыней преграждаетъ намъ путь. Ночью былъ густой туманъ и морозъ, но къ утру прояснилось и стало тепло. W конецъ острова виденъ сегодня на чистый S. Ледъ должно быть носитъ приливомъ и отливомъ вдоль береговъ, а S вѣтромъ отжимаетъ понемногу отъ острова. Да, трудно идти по плавучему льду, и къ тому же еще противъ вѣтра. Вслѣдствіе болѣзни глазъ самъ идти на развѣдку не могу и послалъ двухъ человѣкъ. Опять начинаются жалобы на трудность пути съ каяками, опять мечты о легкости перехода безъ нихъ съ котомками за плечами. . . . Но кто же имъ мѣшаетъ идти? Пусть идутъ куда хотятъ, а я съ однимъ или двумя спутниками своего каяка не брошу. Сколько разъ я говорилъ имъ это!

Воскресенье 22-го іюня. Еще недавно мои спутники «скулили» и падали духомъ, уговаривая бросить нарты и идти налегкѣ. Они даже не хотѣли замѣчать, что мы къ острову все же подвинулись порядочно. Хуже всего, что не нужда, голодъ или невозможная дорога наталкивали ихъ на это рѣшеніе, а просто обычная лѣнь. Каяки легки и по ровному льду идутъ безъ напряженія. Въ высокихъ же торосахъ и на лыжахъ не пройдешь. Но «скулежъ» этотъ мнѣ сильно начинаетъ надоѣдать. Я, кажется, не выдержу и самъ прогоню недовольныхъ. Съ такимъ настроеніемъ мы и снялись сегодня утромъ. Сначала дорога была сносная, но потомъ пошли такіе ропаки, такіе тороса и трещины, что не приведи Богъ! Но такъ или иначе, а за день, въ два пріема, мы сдѣлали не менѣе 10 или 12 верстъ. Островъ такъ приблизился, что завтра къ ночи мы надѣемся добраться до него. Господи! Неужели возможно такое счастье? Погода сегодня дивная. Солнце такъ печетъ, что идемъ въ однѣхъ вязальныхъ рубашкахъ и безъ шапокъ. Слышно, какъ подтаиваетъ и осѣдаетъ снѣгъ, слышно, какъ сбѣгаетъ на ледъ вода. Свѣтъ ослѣпительный, а надъ ледникомъ даже сіяніе. У всѣхъ почти болятъ глаза. Съ охотой не везетъ. Мало попадается чистыхъ полыней, да и тюленей въ нихъ нѣтъ. Но въ одномъ мѣстѣ я спугнулъ грѣющагося на льду моржа, а въ другомъ мѣстѣ, среди большого поля — тюленя, вылѣзшаго въ лунку. Невозможно къ нимъ никакъ подкрасться по открытому мѣсту. Я удивляюсь, почему моржи, попадавшіеся Нансену, были такіе непугливые, что онъ ихъ билъ по мордѣ палкой, желая снять съ нихъ удачную фотографію, а наши такіе необщительные. Шли сегодня до 11 ч. 30 м. ночи съ остановкой на обѣдъ въ 2 часа. Утромъ мы варили бульонъ Скорикова и запустили его сушенымъ медвѣжьимъ мясомъ. Въ обѣдъ дѣлали тюрю изъ мелкихъ сухарей, сушенаго луку и воды. Прѣсной воды на льду теперь много. Сухого буль-

она Скорикова у насъ осталось 2 фунта. Остановились на ночь полные надеждъ на завтрашній день. Что-то будетъ?

Среда 25-го іюня. Положеніе отвратительное! Сейчасъ утро. Мы стоимъ въ 50 саженяхъ отъ отвѣснаго обрыва ледника. Обрывъ этотъ совершенно вертикальный, саженей 15 вышиною, тянется съ W на O на сколько видитъ глазъ. Онъ ровный, прямой, какъ бы обрѣзанъ по линейкѣ, голубоватаго чистаго цвѣта. Выше, надъ обрывомъ, видна та «лунная» выпуклая поверхность, которая такъ долго смущала насъ своимъ неестественнымъ видомъ. Она очень полого спускается къ W и поднимается горбомъ на S. Подошли мы къ этому острову съ запада, противъ низкаго мыска его, какъ и ожидали, еще третьяго дня, т. е. 23-го іюня. До острова было немного развѣ больше полутора верстъ. Ледъ былъ поломанъ на мелкіе куски, но идти все же было можно. Но чѣмъ ближе подходили мы къ острову, тѣмъ невозможнѣе вели себя мои несчастные спутники, тѣмъ медленнѣе тащились они, все время переругиваясь между собою. Ничѣмъ не могъ я побороть ихъ всегдашнюю апатію. Безучастно относились они къ будущему и предпочитали при первой возможности гдѣнибудь прилечь, уставившись въ небо глазами, и я думаю, если бы не погонять ихъ, они были бы способны пролежать такъ цѣлыя сутки.

Ледъ былъ зажатъ почти до самаго берега, и хотя онъ былъ очень зыбкій, но осторожно можно было идти. Такъ или иначе, вчера утромъ, около 7 часовъ, мы были въ полуверстѣ отъ низкаго мыска острова. Мысокъ этотъ не былъ покрытъ ледникомъ и это онъ представлялся намъ нѣсколько дней тому назадъ въ видѣ коричневой полоски на горизонтѣ. Но вотъ начался отливъ. Ледъ стало разводить. Къ довершенію несчастья подулъ изъ-за мыска SW вѣтерь, который, постепенно крѣпчая, скоро завылъ, какъ бѣшеный. Если бы здѣсь были большія поля льда, то бѣда была бы не велика; утихнетъ вѣтерь, сожмется ледъ, только и всего. Но дѣло въ

томъ, что ледъ, окружающій насъ, былъ мелко-битый. Наибольшая льдина была сажени 4 въ діаметрѣ. Черезъ нѣсколько минутъ картины нельзя было узнать. Между нами, очутившимися на двухъ разныхъ льдинахъ, въ разстояніи около версты другъ отъ друга, и островомъ образовалась полынья, которая ежеминутно все увеличивалась. Ледъ быстро и вѣтромъ, и сильнымъ отливнымъ теченіемъ несло на NO. По свободной водѣ заходила крупная крутая зыбь, которая крошила ледъ еще мельче и обдавала насъ потоками воды. Попробовали мы было соединиться съ помощью каяковъ и переплыть, если возможно, свободную воду, но оказалось, что объ этомъ и думать не приходится. Каякъ трепало какъ щепку, заливало крутой волной и грозило ежеминутно прорвать обшивку мелкими льдинами, которыя носились по волнамъ. Скоро мысокъ скрылся изъ виду и громадная бурная полынья тянулась на O и W на сколько видитъ глазъ. За полыньей далеко возвышался неприступный обрывъ ледника. Дѣлать было нечего. Завернулись мы въ парусину и завалились спать. Конечно, наша четырехсаженная не толстая льдина могла переломиться, но мы противъ этого ничего не могли предпринять. Къ счастью этого не случилось. Къ вечеру вѣтеръ затихъ, а къ 11 часамъ вечера ледъ приливомъ опять прижало къ острову вплотную, но уже миляхъ въ 8 восточнѣе пологаго мыска, по которому только и можно было высадиться на островъ. Четыре человѣка съ другимъ каякомъ соединились съ нами. Мы очутились какъ въ мышеловкѣ. Кругомъ насъ поломанный мелкій ледъ въ перемѣшку съ «шугой», мыска спасительнаго даже не видно, а впереди отвѣсная 15-тисаженная стѣна, на которую не забралась бы и обезьяна. Сейчасъ мы получили по полкружки сухарей и запили ихъ теплой водой. Осталось у насъ на восемь человѣкъ 5 фунтовъ сухарей, полфунта бульона Скорикова и 2 фунта соли. Это вся наша провизія. Тюленей мы не видимъ уже нѣсколько дней, медвѣдей тоже давненько не видѣли.

Нырки, правда, летаютъ, но у насъ дробовка украдена, убить же нырка въ летъ изъ винтовки, дѣло мудреное. Хотя мы и добились страстно желанной цѣли, т. е. подошли къ острову, но, пожалуй, при нашемъ положеніи я предпочелъ бы быть миляхъ въ 8 отъ этого неприступнаго острова въ морѣ, у хорошей полыньи, въ которой такъ много «выстаетъ» тюленей. Да, теперь, пожалуй, и я начинаю падать духомъ! Про спутниковъ же своихъ и говорить не буду: совсѣмъ мокрыя курицы. Къ довершенію несчастья, я уже четвертый день чувствую сердечные припадки, и меня сильно «мутитъ».

VI. НА ЗЕМЛѢ АЛЕКСАНДРЫ.

Суббота 28-го іюня. Два дня уже не писалъ дневника. Но не потому я забылъ про него, что мы умирали голодною смертью, нѣтъ, просто было некогда, много перемѣнъ и много было новыхъ впечатлѣній. Перемѣны были на этотъ разъ все въ лучшую сторону, слава Богу!

Прочелъ сейчасъ написанное мною въ дневникѣ 25-го іюня и вижу, въ какомъ отчаянномъ положеніи мы были тогда, какъ сильно мы упали духомъ, даже не подозрѣвая, какъ легокъ выходъ изъ нашего, казалось бы, безвыходнаго положенія, и что вечеромъ же оно приметъ совсѣмъ другой оборотъ. Сейчасъ мы сидимъ на островѣ уже, подъ нами не ледъ, съ котораго не сходили мы уже скоро два года, а земля, камни и мохъ. Мы сыты до отвала, и 27 большихъ, почти какъ гуси, жирныхъ гагъ висятъ на лыжахъ, ожидая очереди быть сваренными. Болѣе 200 крупныхъ гагачьихъ яицъ мы уже съѣли за 2 дня, но въ ямкѣ недалеко лежитъ ихъ цѣлая груда, а охотники пошли за новыми гагами и свѣжими яйцами. Но опишу подробнѣе, какъ произошла эта новая перемѣна въ нашемъ положеніи.

Когда казалось, что намъ остается только два выхода: или идти опять на W къ низкому мыску, отъ котораго насъ отбросило миль на 8, идти по мелко-битому зыбкому льду, во многихъ мѣстахъ не выдерживающему тяжести человѣка,

ежеминутно рискуя провалиться и потонуть, или сидѣть и ожидать голодной смерти, мнѣ пришла въ голову мысль осмотрѣть хорошенько обрывъ ледника, не найдется ли въ этой ледянной стѣнѣ какого-нибудь мѣста, чтобы можно было забраться на ледникъ. На наше счастье такое мѣстечко нашлось и даже не очень далеко отъ нашей стоянки.

Это была трещина, шириною до сажени, идущая во всю вышину ледника и подъ острымъ угломъ къ направленію его. Трещина эта, повидимому, была уже старая. Въ теченіе, можетъ быть, нѣсколькихъ лѣтъ въ нее намело много снѣгу, который почти заполнилъ ее и вмѣстѣ со стѣнами ледника образовалъ какъ бы родъ крутого желоба. Дѣлая топоромъ въ этомъ снѣгу ступени и забивая въ него для опоры гарпунъ, намъ удалось, наконецъ, забраться на желанный островъ. Кое какъ, къ этому слѣланному нами «трапу» мы подтащили наши нарты. Съ помощью веревокъ постепенно, вещь за вещью, мы подняли все наше имущество, не исключая каяковъ и нартъ, на 15-тисаженную высоту. Только что былъ поднятъ наверхъ послѣдній каякъ, какъ льдина, стоявшая у нашего «трапа» и служившая намъ какъ бы пристанью для выгрузки, лопнула, перевернулась, и ледъ начало отливомъ отжимать отъ острова. Но теперь намъ это было безразлично, это насъ не касалось. Странное чувство испытывалъ я, смотря съ вышины острова на этотъ движущійся внизу ледъ. Еще такъ недавно мы всецѣло зависѣли отъ него. Онъ намъ даже былъ какъ то близокъ, благодаря этой зависимости. Мы тамъ, на этой подвижной массѣ, привыкли за два почти года чувствовать себя какъ дома и не страшна намъ была эта ледяная пустыня. Несмотря на то, что уже два съ половиной мѣсяца, какъ мы покинули «Св. Анну», мы этимъ льдомъ были еще связаны съ нею. Какъ она зависѣла отъ этого льда, такъ и мы; ледъ соединялъ насъ съ судномъ. Но теперь, когда мы были на твердой землѣ, хотя бы и покрытой ледникомъ, намъ сразу чуждымъ сталъ этотъ ледъ,

далеко, далеко уходящій на сѣверъ, вплоть до «Св. Анны». Мы уже не зависѣли отъ него; казалось, съ неудовольствіемъ выпускалъ онъ изъ своихъ объятій жертвы, и страшной стала намъ его таинственная величавая даль. Если раньше мы были связаны этимъ льдомъ съ покинутымъ судномъ, то теперь эта связь порвалась. У «Св. Анны» была своя дорога, а у насъ своя.

Боже мой, какой большой горизонтъ открывается отсюда, съ вышины ледника. Около острова еще видна вода и отдѣльныя льдины окружены каналами и полыньями, но чѣмъ дальше, тѣмъ меньше было видно воды, терялись тороса и отдѣльные ропаки и уже сплошной ледъ тянулся до горизонта. Тамъ, гдѣ-то далеко за горизонтомъ, нашелъ себѣ могилу мой спутникъ Баевъ въ поискахъ «ровнушки до самаго острова», а еще дальше стоитъ во льдахъ «Св. Анна» со своими тринадцатью пассажирами...

Сваривъ на верху ледника послѣдніе полфунта бульона и съѣвъ по полкружкѣ сухарей, мы отправились на W къ мысу, къ которому стремились по плавучему льду. Надо было торопиться, такъ какъ всей провизіи у насъ оставалось еще только по полукружкѣ сухарей на человѣка. Необходимо было найти чего-нибудь съѣстного, пока мы еще не обезсилѣли отъ недоѣданія, а найти можно было только тамъ, на низкомъ черномъ мысу, куда, мы видѣли, летѣли птицы. Ледникъ же представлялъ изъ себя такую же мертвую пустыню, какъ и луна, на которую онъ похожъ. Мы съ Луняевымъ пошли впередъ налегкѣ на лыжахъ, взявъ съ собой только одну винтовку и патроны. Оставшимся же 6 человѣкамъ я приказалъ немедленно идти по нашимъ слѣдамъ и взять съ собой только одинъ каякъ, погрузивъ на него все необходимое на первое время. Я убѣждалъ своихъ спутниковъ не терять ни минуты времени, такъ какъ завтра уже нечего будетъ ѣсть и неизвѣстно еще, что насъ ожидаетъ.

Поверхность ледника была идеально ровна и покрыта

слоемъ снѣга въ одинъ дюймъ. По такому пути тащить шестерымъ легкій каякъ такъ же легко, какъ идти порожнемъ. Но я предупредилъ людей, что часто эта ровная поверхность ледника бываетъ обманчива. Иногда въ ледникѣ бываютъ широкія трещины большой глубины, занесенныя сверху тонкимъ слоемъ снѣга. Такіе снѣжные мосты очень трудно замѣтить и необходимо принимать всякія предосторожности, чтобы не провалиться въ трещину. А это можетъ уже быть гибелью. Поэтому я настаивалъ, чтобы люди шли съ нартами строго по нашимъ лыжнымъ слѣдамъ, не сворачивая въ сторону. Мы съ Луняевымъ шли другъ отъ друга на разстояніи 20 саженъ, связавшись крѣпкимъ линемъ. Для того, чтобы лучше прощупывать дорогу, мы съ лыжныхъ палокъ сняли даже кружки.

Надъ ледникомъ повисъ туманъ, иногда густѣя, а иногда разсѣиваясь. Временами была видна только очень небольшая часть выпуклости и не было даже видно обрыва, но когда туманъ разсѣивался, то можно было видѣть, что далеко, очень далеко, на О чуть синѣлъ своими вершинами какой-то очень высокій островъ, повидимому, не покрытый ледникомъ. Этотъ отдаленный островъ мы, кажется, и видѣли одинъ разъ со льда, когда была ясная хорошая погода. Трещины въ ледникѣ попадались довольно часто, но неширокія и легко проходимыя. Въ одномъ мѣстѣ мы увидѣли въ морѣ, недалеко отъ ледника, два громадныхъ обломка глетчернаго льда. Должно быть паденіе этихъ ледяныхъ скалъ было очень эффектно, судя по тому, какъ раздробленъ былъ ледъ вокругъ нихъ. Уклонъ ледника на W былъ очень мало замѣтенъ.

Мертвая, какая-то торжественная тишина царила вокругъ. Полнѣйшій штиль и тепло. Ни одна птица не пролетѣла надъ нами и ни одного слѣда мы не видѣли во все время нашего пути. Положительно «лунный островъ». Но вотъ уклонъ на W сталъ круче и, наконецъ, черезъ 3½ часа хода,

мы впереди увидѣли внизу подъ горой черный низменный мысокъ. Въ волненіи мы прибавили ходу и быстро побѣжали подъ уклонъ. Правая, сѣверная часть этого мыска переходила въ отмель, усѣянную камнями. Снѣгъ еще не вездѣ стаялъ съ этой земли, и вода шумными ручьями сбѣгала къ морю. Но вотъ ледникъ остался уже за нами, мы на землѣ. Какой-то сильный шумъ стоялъ надъ ней. Глаза у насъ болѣли, и мы все видѣли, какъ сквозь кисею. Мы совершенно растерялись въ этой сказочной обстановкѣ, отъ которой положительно отвыкли. Вмѣсто льда, подъ ногами эта чернота, въ тонахъ которой мы еще не могли разобраться. Поминутно мы спотыкались о камни, попадали въ ямы, вязли въ грязи и пушистомъ мху. Вмѣсто тишины ледяныхъ полей, изрѣдка нарушаемой криками чайки, — этотъ непрерывный, непонятный намъ шумъ, который положительно оглушалъ насъ. Но, прислушавшись, мы поняли, что это шумятъ безчисленныя птицы, которыхъ мы не могли разсмотрѣть по своей слѣпотѣ. О, какой торжественной музыкой показался намъ этотъ птичій шумъ! Это гимнъ жизни! Отдѣльные голоса совершенно сливались въ могучіе звуки, и трудно было повѣрить, чтобы такъ могли кричать птицы. Неужели способны были издавать такіе звуки эти гаги, «гавкуны» и чайки, которыхъ, наконецъ-то, стали замѣчать мы? Онѣ сидѣли большими стаями на безчисленныхъ лужахъ и озеркахъ, тучи ихъ перелетали съ мѣста на мѣсто и терялись гдѣ-то въ камняхъ, гдѣ не могли уже ихъ замѣтить наши завѣшенные «кисеею» глаза. Въ одномъ мѣстѣ мы увидѣли около воды тюленей или моржей, спокойно лежащихъ на землѣ. Страшно опасаясь ихъ спугнуть, мы осторожно стали подкрадываться къ «звѣрю». Каково же было разочарованіе, когда подойдя чуть ли не на десять саженъ, мы убѣдились, что «звѣри» оказались большими камнями. Но скоро мы успокоились и торопливо, поминутно спотыкаясь, пошли дальше, стараясь какъ можно подробнѣе и скорѣе осмотрѣть

наше владѣніе. Мы перепрыгивали и переходили вбродъ быстрые потоки воды, радовались каждому красивому камешку, какъ дѣти, восхищались длинными водорослями, плававшими въ водѣ, и вдругъ, на одномъ пригоркѣ, мы увидѣли даже нѣсколько маленькихъ желтыхъ цвѣтовъ, названія которыхъ я не знаю!

Въ одномъ мѣстѣ у насъ изъ-подъ самыхъ ногъ неожиданно вспорхнула и полетѣла гага, сидѣвшая на гнѣздѣ, и мы увидѣли четыре яйца, величиной съ гусиное. Яйца оказались свѣжими. Ура! Сыты будемъ! Гнѣздъ, повидимому, тутъ очень много, судя по количеству гагъ или, по крайней мѣрѣ, по шуму, поднимаемому птицами. Мы были такъ счастливы, что забыли всѣ наши бѣдствія и лишенія во время странствованія по льду. Этотъ маленькій кусочекъ земли, лежащій далеко-далеко за полярнымъ кругомъ, на 81° широты, показался намъ земнымъ раемъ. Солнце свѣтило радостно, и казалось, даже птицы своимъ шумомъ-гамомъ привѣтствовали насъ съ благополучнымъ прибытіемъ на эту первую цвѣтущую землю.

Мы идемъ далѣе на W. Сзади насъ величественно поднимается гора ледника, подернутая легкимъ туманомъ, но нашихъ спутниковъ не было видно на ней. Отливомъ ледъ отнесло отъ берега, и за узкой полосой берегового припая была видна чистая вода. Увидѣвъ въ одномъ мѣстѣ три гаги, Луняевъ выстрѣлилъ въ нихъ, но «промазалъ». При этомъ намъ показалось, что въ отвѣтъ на выстрѣлъ послышался человѣческій крикъ. Мы остолбенѣли отъ удивленія. . . . Не можетъ быть! На этомъ пустынномъ островѣ, и вдругъ люди! Но крикъ повторился. Не могло быть сомнѣнія, что это кричатъ люди. Присмотрѣвшись пристальнѣе своими больными глазами, мы увидѣли бѣгущаго къ намъ съ крикомъ человѣка, машущаго шапкой. Когда онъ приблизился къ намъ, мы узнали въ немъ одного изъ нашихъ бѣглецовъ. Плача навзрыдъ, онъ просилъ у насъ прощенія, сознаваясь, что по-

ступили они оба необдуманно и нехорошо. Лицо его выражало такое раскаяніе и испугъ, что на него жалко было смотрѣть. Мы съ Луняевымъ, отойдя въ сторону, стали совѣтоваться, какъ поступить. Припомнились намъ непріятности, причиненныя намъ ихъ побѣгомъ, припомнились брошенные нарты и каякъ, покража нашихъ документовъ и одежды, вспомнилъ я свое обѣщаніе собственноручно расправиться съ уличеннымъ воромъ . . . но видъ преступника былъ такъ жалокъ, такъ несчастенъ, такъ умоляюще смотрѣлъ онъ на насъ. . . И въ то же время, такъ хороша была эта земля, такъ празднично и торжественно мы были настроены, ступивъ на эту гостепріимную землю. . . И ради прихода на землю, мы простили бѣглецовъ. Случись эта встрѣча на льду, когда мы настроены были не такъ миролюбиво, имъ бы не сдобровать. Со слезами радости бросился несчастный благодарить насъ за прощеніе. Услышавъ выстрѣлъ и свистъ пули, случайно пролетѣвшей мимо ихъ «логовища», бѣглецы подумали, что мы стрѣляемъ по нимъ и стали кричать. Мы пошли къ этому «логовищу». Собственно это названіе слишкомъ громко для того мѣста, гдѣ проводили время наши бѣглецы. Они помѣстились въ ямкѣ, сдѣлавъ нѣчто въ родѣ низкаго заборчика изъ лыжъ, палокъ, парусиновыхъ брюкъ и мѣшка отъ сухарей. Передъ ними горѣлъ небольшой костеръ, а кругомъ валялись гагачьи шкуры, которыя бѣглецы снимали съ убитыхъ гагъ, не желая щипать перья. Въ сторонѣ, въ ямѣ лежали яйца, а на лыжахъ висѣли очищенныя и выпотрошенныя гаги. Другой бѣглецъ насъ встрѣтилъ здѣсь. По радостнымъ лицамъ онъ догадался, что они прощены и, смущенный и растроганный, тоже сталъ просить прощенія.

Меня поразилъ его страшно изнуренный, болѣзненный видъ. Я сталъ его разспрашивать, что у него болитъ, но онъ не могъ толкомъ ничего объяснить, ни на что въ особенности не жаловался, кромѣ ногъ, но было видно, что онъ весь боленъ и сильно. Торопился меня успокоить, что «теперь»

у него все пройдетъ и онъ скоро поправится. «Теперь, господинъ штурманъ, я никогда, ни за что не уйду отъ васъ», говорилъ онъ мнѣ. Всѣ повеселѣли. На мысѣ оказалось довольно плавнику, даже и сухого. Сейчасъ же весело запылалъ костеръ, и хозяева начали угощать насъ яичницей съ гагачьимъ жиромъ. Надо сказать, что всѣ украденныя вещи оказались въ цѣлости, кромѣ, конечно, сухарей, которые давно были съѣдены. Даже большая жестяная банка съ документами и почтой оказалась нераспечатанной, хотя бѣглецы и очень нуждались въ посудѣ для варки пищи. Яичница, хотя и безъ соли, оказалась превосходной. Долго послѣ этого мы лежали у костера и разговаривали. Разсказали намъ бѣглецы, какъ въ пути, когда они спали, на нихъ сдѣлалъ нападеніе медвѣдь. Онъ переплылъ къ нимъ черезъ полынью, около которой они лежали, и уже вылѣзалъ на ледъ, когда они случайно проснулись. Убили медвѣдя изъ двустволки пулей въ упоръ. Всю ночь не могли мы уснуть, полные новыхъ впечатлѣній на этой первой землѣ. Строили разные планы и думали, почему нѣтъ до сихъ поръ нашихъ шестерыхъ спутниковъ съ каякомъ. Одинъ изъ бѣглецовъ два раза ходилъ на ледникъ, надѣясь встрѣтить ихъ и привести, но безуспѣшно.

Только около 5 часовъ утра мы рѣшили укладываться спать, а завтра идти навстрѣчу пропавшимъ.

Часовъ въ 12 дня 26-іюня Луняевъ съ однимъ изъ бѣглецовъ пошелъ на лыжахъ на поиски. Поднявшись по вчерашнему нашему слѣду на половину вышины ледника, они увидѣли такую картину: стоитъ каякъ, около котораго сдѣланъ шатеръ изъ парусовъ и полокъ, и въ немъ сномъ безмятежнымъ почиваютъ наши путники. Оказалось, что они къ этому мѣсту подошли еще вчера въ 6 часовъ и, хотя мысъ отсюда виденъ какъ на ладони, почему-то рѣшили остановиться на отдыхъ. Забыты были мои увѣщеванія торопиться, какъ только можно, по моимъ слѣдамъ; все отошло на задній

планъ, все было забыто съ моимъ уходомъ. Одна только забота была передъ ними, какъ бы поскорѣе остановиться и завалиться спать. Остановились бы и раньше, на верху ледника, да боялись, что я могу ихъ тамъ не найти, а это не входило въ ихъ планы. Сегодня утромъ они, оказывается, проснулись въ 8 часовъ, подѣлили между собой всѣ остатки сухарей, Максимовъ не забылъ завести хронометръ, и легли опять спать. Такимъ образомъ, они проспали за это время 19 часовъ.

Я не берусь объяснять психологію этихъ людей, но одно могу сказать по личному опыту: тяжело, очень тяжело, даже страшно очутиться съ такими людьми въ тяжеломъ положеніи. Хуже, чѣмъ одиноко, чувствуешь себя. Если ты одинъ, то ты свободенъ. Если никто и не поддержитъ тебя въ трудную минуту, за то никто не будетъ тебя за руки хватать и тянуть ко дну тогда, когда ты еще можешь держаться на водѣ, и притомъ «хватать за руки» не потому, что сами не могутъ «плыть», а потому, что не желаютъ, потому, что легче «плыть», держась за другого, чѣмъ самому бороться

Поѣвши гагъ и яицъ, принесенныхъ имъ Луняевымъ, «сонливцы» тронулись дальше. Только къ 9 часамъ вечера они приплелись къ мѣсту, назначенному для лагеря. Когда я сталъ укорять ихъ за ихъ лѣнь и нежеланіе помогать мнѣ въ общемъ спасеніи, они, пререкаясь и перебраниваясь, только старались свалить вину другъ на друга.

Утромъ 27-го іюня, около 8 часовъ, я послалъ 4 человѣка за оставшимся на ледникѣ каякомъ, остальные же занялись устройствомъ лагеря, охотой и собираніемъ яицъ. Самъ я отправился на развѣдку на южную сторону мыса. Любопытно все же, гдѣ мы находимся? На своей картѣ я не могу подобрать ни одного мѣста, похожаго по формѣ или по широтѣ.

Эта свободная отъ льда земля, которую мы видѣли со льда въ видѣ коричневой полоски, представляла изъ себя западную оконечность какого-то очень большого острова,

сплошь, повидимому, покрытаго высокимъ ровнымъ глетчеромъ. Сѣверная часть этой земли была очень низменна, но къ югу она поднималась террасами. Я шелъ около подножія ледника, гдѣ снѣгъ еще сохранился и лежалъ ровнымъ плотнымъ пластомъ. Ширина земли въ этомъ мѣстѣ, я полагаю, была верстъ 10 или 12. Часа черезъ два хорошаго хода я пришелъ на южный берегъ, который въ этомъ мѣстѣ былъ вышиною надъ уровнемъ моря саженъ на 10. Берегъ былъ каменистый. Снѣгъ почти со всей земли уже стаялъ, и только мѣстами еще виднѣлись пятна его. Повсюду сбѣгали къ морю ручьи. Чудная картина открылась передъ моими глазами, когда я подошелъ къ обрыву берега. Вмѣсто надоѣвшаго за два года льда и торосовъ, передо мной до самаго горизонта разстилалось свободное море. Солнце ярко освѣщало этотъ просторъ, по которому ходила зыбь. Лишь мѣстами плыли одинокія небольшія льдинки, сильно размытыя, изъѣденныя волной. Какъ пріятно было слышать шумъ прибоя у берега, какъ не хотѣлось отрывать глазъ отъ этой массы свободной воды, отъ этого горизонта, на которомъ глаза невольно искали парусъ или дымокъ.

Влѣво шелъ берегъ, покрытый почти сплошь ледникомъ, гдѣ лишь мѣстами на мысахъ изъ-подъ снѣга чернѣли скалы. Нависшая надъ ледникомъ мгла не давала возможности разсмотрѣть очертаніе и характеръ берега дальше 7—8 верстъ, но что касается этой части его, то онъ былъ непривѣтливъ и суровъ. Правѣе, на западъ, берегъ былъ безъ ледника. Далеко на W и WSW былъ виденъ сильно разрѣженный ледъ, который, повидимому, выносился понемногу въ открытое море на югъ.

Еще нѣсколько туманныхъ дней, не замѣть мы во время нашего «луннаго острова», и мы были бы вынесены съ мелкимъ льдомъ въ море. Понятнымъ становилось то безпрестанное движеніе льда, та поминутная перестанока отдѣльныхъ льдинъ, которую мы наблюдали передъ тѣмъ, какъ от-

крыть островъ: мы были почти у края льда, почти у свободнаго моря. По этому разрѣженному льду идти пѣшкомъ до Шпитцбергена нечего было и думать, если бы я и пожелалъ еще выбирать между Флорой и Шпитцбергеномъ. Но теперь я объ этомъ и не думалъ. Никакихъ острововъ въ этомъ направленіи, т. е. на W и WSW разсмотрѣть мнѣ не удалось. Но отъ WSW до OSO, т. е. до направленія берега, море было до самаго горизонта совершенно свободно отъ льда, и этотъ морской просторъ очень радовалъ меня.

Эхъ, «Св. Анна», вотъ бы куда, красавица, тебѣ попасть! Тутъ бы ты пошла чесать, не надо и машины!

Пронзительный вѣтеръ, дувшій съ ледника и прямо сбивавшій съ ногъ, не далъ мнѣ возможности продолжить развѣдку на W, и я принужденъ былъ повернуть обратно. По дорогѣ удалось подстрѣлить изъ винтовки двухъ гагъ, сидѣвшихъ на гнѣздахъ, гдѣ я нашелъ 6 яицъ, часть которыхъ употребилъ на свой обѣдъ. Въ 5 часовъ вечера я вернулся къ нашему лагерю, а скоро подошли и охотники. Нашъ запасъ провизіи за вчерашній день увеличился на 13 гагъ. Охотники сообщили, что на W берегу острова видѣли какія-то громадныя старыя кости. Полагаю, что это китовыя. Сегодня Шпаковскій и Кондратъ, уйдя на SW оконечность на охоту, сдѣлали замѣчательную находку. Недалеко отъ моря они увидѣли небольшой каменный холмъ. Ихъ поразила правильная форма этого холма, и они заинтересовались имъ. Подойдя ближе, они неподалеку увидѣли бутылку изъ подъ англійскаго пива, съ патентованной завинчивающейся пробкой. Ребята сейчасъ же разбросали холмъ и скоро подъ камнями нашли желѣзную банку, окрашенную коричневой краской. Въ банкѣ оказался очень хорошо сохранившійся, какъ новый, англійскій флагъ, а подъ нимъ такая же бутылка, какая лежала и около холма. На бутылкѣ была приклеена бумажка съ нѣсколькими именами, написанными по англійски, а внутри была найдена записка:

"The Jackson - Harmsworth Polar Expedition." This Expedition landed upon this cape — Cape Mary Harmsworth — on August 7 th, 1897, having left Cape Flora on the S. Y. Windward.

We intend to proceed north-west in the ship to ascertain if any land exists near this cape in that direction, and then, if possible, to reach the Johannesen Islands.

All well on board."

"Frederick G. Jackson,
Commanding the Expedition"[1]).

По англійски я очень мало понимаю, но кое-какъ соединенными усиліями съ Нильсеномъ и съ помощью имѣющагося у меня краткаго словаря, мы разобрали, что англійская полярная экспедиція, подъ начальствомъ Джэксона, отойдя въ августѣ мѣсяцѣ 1897 года отъ мыса Флора для поисковъ земли, лежащей къ западу отъ Земли Франца Іосифа, прибыла на мысъ Мери Хармсвортъ, гдѣ и положила этотъ англійскій флагъ и записку. Въ концѣ сообщалось, что на суднѣ «Виндвардъ» все благополучно. Подписана бумага начальникомъ экспедиціи Джэксономъ.

Вотъ разъясненіе всѣхъ моихъ сомнѣній, полученное совершенно неожиданнымъ образомъ. Значитъ, мы находимся на мысѣ Мери Хармсвортъ. Это — юго-западная оконечность Земли Александры. Сѣверо-западный берегъ этой земли у меня на картѣ нанесенъ гораздо сѣвернѣе. Странно было бы, впрочемъ, если бы эта карта оказалась совершенно правильной. Достаточно того, что на ней нанесена Земля Александры и южный ея берегъ, вдоль котораго намъ предстоитъ путь. Сегодня я бралъ высоту солнца и опредѣлилъ широту нашей стоянки 80° 35″.

---

[1]) Ср.: F. Jackson. "A thousand days in the Arctik" London & New-York 1899, pag. 359.

Завтра мы предполагаемъ перейти на южный берегъ острова и поскорѣе отправиться далѣе, къ мысу Флора, въ имѣніе того знаменитаго англичанина Джэксона, который, повидимому, тутъ вездѣ побывалъ. Теперь-то мы находимся на извѣстномъ трактѣ. Провизіи у насъ имѣется дней на 5, а за это время мы должны далеко уйти.

Понедѣльникъ 30-го іюня. Вчера утромъ, около 9 часовъ, мы покинули нашъ лагерь на мысѣ Мери Хармсвортъ и пошли на южный берегъ, для слѣдованія далѣе. Долженъ сознаться, что неохотно мы покидали этотъ гостепріимный клочокъ земли, такъ сильно полюбившійся намъ за три дня, проведенные на немъ послѣ безконечной ледяной пустыни, о которой и вспоминать непріятно. Если бы не слабая надежда найти жилье на мысѣ Флора, мы, пожалуй, ничего не имѣли бы противъ того, чтобы пожить здѣсь и подольше, а будь сейчасъ августъ мѣсяцъ, то, пожалуй, можно было бы и зазимовать здѣсь. Но теперь это не имѣетъ смысла.

Я пошелъ впередъ и дорогой убилъ двухъ гагъ. Къ полудню мы уже были на берегу моря. Каяки наши были въ исправности, нигдѣ не пробиты и даже не такъ давно густо пропитаны поверхъ краски грѣтымъ тюленьимъ жиромъ. На нихъ обоихъ была двойная обшивка, которая была снята съ поломанныхъ и брошенныхъ ранѣе каяковъ. Мой каякъ поднималъ, не считая груза и нартъ, двухъ человѣкъ, а другой могъ свободно поднять трехъ человѣкъ. Намъ предстоялъ выборъ: либо идти всѣмъ десятерымъ по леднику и тащить за собой грузъ, либо раздѣлиться на двѣ партіи, изъ которыхъ одна шла бы на лыжахъ по леднику налегкѣ, а другая партія, въ пять человѣкъ, плыла бы вдоль ледника на каякахъ. При послѣднемъ способѣ мы могли бы двигаться несравненно быстрѣе и, плывя на каякахъ, имѣли возможность убить тюленя или нырковъ, которыхъ много летаетъ надъ водой, но на ледникѣ не видно. Мы избрали этотъ послѣдній способъ передвиженія. Мѣсто нашей встрѣчи съ

береговой партіей мы назначили на виднѣвшемся вдали черномъ мысу, должно быть, въ бухтѣ Вейпрехта. Партіи, шедшей пѣшкомъ, я опять напомнилъ о мѣрахъ предосторожности во время путешествія по леднику. Они взяли съ собой длинный линь нашъ, которымъ мы мѣрили глубину; я приказалъ имъ связаться, сложивъ его вдвое, при чемъ идти обязательно «гуськомъ» и прощупывать палками покровъ ледника. Спустили мы каяки, аккуратно уложили все имущество и отправились въ путь. При самомъ отвалѣ отъ берега, на насъ сдѣлалъ нападеніе моржъ, совершенно неожиданно высунувшій свою громадную морду у самаго каяка, но послѣ выстрѣла по немъ, онъ скрылся и больше не показывался.

Плыли мы хорошо, но и на ледникѣ не отставали; повидимому, дорога была хорошая. Береговая партія шла недалеко отъ края ледника и была видна съ каяковъ. Немного тревожили насъ моржи. Мѣстность не благопріятствовала сраженію съ ними. Слѣва у насъ была отвѣсная стѣна ледника, вышиною до 15 саженъ, безъ всякаго берегового припая. Впереди и справа, чистая вода, съ очень рѣдкими плавучими льдинами. Если бы моржу вздумалось сдѣлать на насъ нападеніе и удалось бы пробить каякъ, то гибель была бы неизбѣжна, такъ какъ некуда было вылѣзти. А такое нападеніе очень возможно, что показалъ случай при нашемъ отвалѣ. Но пока мы двигались успѣшно и благополучно впередъ. Сначала мы видѣли на SW на самомъ горизонтѣ бѣлую полоску, повидимому, разрѣженнаго льда, но потомъ и эта полоска исчезла, и море было чисто. Кое гдѣ плавали отдѣльныя небольшія, сильно изъѣденныя водой льдинки, самой причудливой формы, но думаю, что это были обломки глетчера. Часовъ въ 11 вечера мы подошли къ береговому припаю въ бухтѣ Вейпрехта и остановились на ночлегъ. Бухта эта еще не вскрылась, и идти на мысъ мы не захотѣли, рѣшивъ ночевать на льду.

Скоро подошла и береговая партія, и мы стали ужинать.

Плавникъ мы взяли съ собой съ мыса Мери; скоро запылалъ огонь въ нашей печкѣ, и мы стали варить себѣ бульонъ. За день мы сдѣлали хорошій переходъ; отъ мѣста нашей ночевки на мысѣ Мери мы прошли не менѣе 35 верстъ. Если бы идти и дальше такимъ ходомъ, то черезъ четыре дня мы могли бы быть на мысѣ Флора. Конечно, если бы до него все время была свободная вода. Я не увѣренъ, стоимъ ли мы сейчасъ въ проливѣ или въ бухтѣ, отдѣляющей восточную часть Земли Александры отъ западной, или только въ бухтѣ Вейпрехта. Но, во всякомъ случаѣ, конецъ мы сдѣлали хорошій.

Послѣ завтрака мы немедленно тронемся въ дальнѣйшій путь, благо погода этому благопріятствуетъ. Шедшіе по берегу сообщили, что вся мѣстность перекрещена медвѣжьими слѣдами, но самихъ медвѣдей не видно.

Каяки служатъ великолѣпно. Жаль, что нѣтъ нашего третьяго каяка, оставленнаго на льду. Тогда мы могли бы плыть всѣ десять человѣкъ. Но увы, третьяго каяка нѣтъ, а слѣдовательно, объ этомъ и думать нечего. Волей-неволей приходится раздѣляться на двѣ партіи.

А проклятые моржи то и дѣло показываютъ свои морды изъ воды. Удивительно отталкивающее впечатлѣніе производятъ они. Вся морда и шея въ складкахъ и морщинахъ, при чемъ на концѣ морды и на губахъ, толстая, длинная, очень рѣдкая щетина, нѣчто вродѣ усовъ. Но глаза — маленькіе, налившіеся кровью, — страшнѣе всего. Эти свирѣпые глаза смотрятъ на васъ и удивленно и угрожающе. Въ довершеніе всего — громадные клыки, придающіе всей мордѣ видъ какого-то допотопнаго чудовища, которое какъ будто только и питается человѣчьимъ мясомъ. Показываясь изъ воды, моржи обыкновенно пыхтятъ и громко фыркаютъ и при этихъ звукахъ невольно хватаешься за винтовку. Лежа на льду, они кажутся гораздо безобиднѣе, почти добродушными, просто — громадная туша, нѣчто вродѣ бегемота. Но

въ водѣ они очень подвижны и ловки. Тутъ они сразу сбрасываютъ свою лживую добродушную личину и принимаютъ другой видъ. У насъ на каякахъ всегда впереди лежитъ наготовѣ заряженная винтовка, привязанная изъ предосторожности на веревкѣ, а кромѣ того, подъ рукою находится топоръ, на случай, если этому чудовищу вздумалось бы схватиться съ нами «на абордажъ». Но мнѣ думается, что при этомъ «абордажѣ» топоръ намъ не помогъ бы: врядъ ли мы успѣли бы пустить его въ ходъ. Нѣтъ, моржъ — страшное чудовище, въ особенности для людей, плывущихъ на одиннадцатифутовомъ парусиновомъ каякѣ.

Удивляетъ меня мѣстность, мимо которой мы плывемъ: все время ледникъ смѣняется ледникомъ, и только изрѣдка изъ-подъ льда и снѣга торчатъ на мысахъ утесы. Да на верху, кое-гдѣ чернѣютъ небольшія площадки. По этимъ чернымъ мысамъ мы и оріентируемся, какъ по маякамъ.

Неужели такова вся Земля Александры. Тогда мысъ Мери Хармсвортъ — прямо земля обѣтованная.

Вторникъ 1-го іюля. Вчера въ 10 часовъ утра мы отправились далѣе. У нѣкоторыхъ моихъ спутниковъ опять замѣчается упадокъ энергіи. Не хочется имъ идти, хочется пожить и отдохнуть гдѣ-нибудь на первой попавшейся скалѣ, а то такъ и на льду. Напрасно я доказываю имъ всю необдуманность и безцѣльность этого плана, говоря, что сейчасъ море свободно отъ льда, но мы не знаемъ, будетъ ли и далѣе такъ же, что провизіи у насъ нѣтъ, чтобы прохлаждаться и отдыхать на голыхъ утесахъ, что мы достаточно отдохнули на мысѣ Мери Хармсвортъ и переходъ до мыса Флоры или, по крайней мѣрѣ, до мыса Гранта можемъ сдѣлать съ обычными ночными отдыхами. Мои уговоры, кажется, ихъ не убѣждаютъ. Въ отвѣтъ на нихъ команда только уныло молчитъ, и столько безнадежнаго отчаянія и апатіи въ ихъ лицахъ, что прямо руки опускаются.

Но такъ или иначе, мы отправились въ путь.

Берегомъ пошли: Архиреевъ, Регальдъ, Смиренниковъ, Губановъ и Луняевъ.

На этотъ разъ теченіе было встрѣчное и мы должны были усиленно грести, чтобы не отставать отъ береговой партіи. Погода была пасмурная и прохладная, но работа веслами не давала намъ особенно зябнуть; пришлось даже снять теплое полупальто и плыть въ одной тужуркѣ. Войдя въ бухту Кембриджъ, мы вышли на ледъ и позавтракали. Слѣдующее наше свиданіе съ береговой партіей было назначено на мысѣ Ниль (Neale), который отсюда хорошо виденъ, выдѣляясь высокими, черными скалами.

Вся бухта, отдѣляющая этотъ мысъ отъ западной части Земли Александры, была еще покрыта не взломаннымъ льдомъ, и только мѣстами отламывались небольшія льдины, которыя и шли съ теченіемъ вдоль кромки припая. Вдоль этой кромки плыли и мы, во-первыхъ, опасаясь нападенія моржей, а во-вторыхъ, для того, чтобы быть увѣренными, что никакая полынья не раздѣлитъ насъ съ партіей, шедшей на лыжахъ. Мы съ Кондратомъ поставили на своемъ каякѣ парусокъ и легко пошли съ попутнымъ вѣтромъ. Но на другомъ каякѣ пришлось грести; оказывается, что мачту съ того каяка мои спутники сожгли на ледникѣ, когда остановились ночевать передъ приходомъ на мысъ Мери Хармсвортъ. Теперь они были наказаны и усиленно гребли, даже не догадавшись сдѣлать мачту изъ лыжныхъ палокъ. Около 6 часовъ вечера мы подошли къ высокой ледяной горѣ, должно быть сидѣвшей на мели. Забравшись на ея вершину, мы очень внимательно осмотрѣли мѣстность, надѣясь увидѣть пѣшеходовъ, но нигдѣ не могли ихъ замѣтить, хотя горизонтъ съ этой горы открывался большой. Полагаю, что они остановились гдѣ-нибудь за торосами на отдыхъ, хотя погода, казалось бы, къ этому не располагала. Вѣтеръ, довольно сильный W, начинаетъ даже разводить зыбь.

Въ 10 часовъ вечера мы подошли къ мысу Ниль и про-

шмыгнули на сильной зыби, между массой льда, въ тихую закрытую бухточку. Тутъ была тишина и даже значительно теплѣе: настоящее «тихое пристанище».

Мысъ этотъ представляетъ изъ себя небольшую площадку, постепенно поднимающуюся, по мѣрѣ удаленія отъ берега. Она сплошь была покрыта, какъ зеленымъ ковромъ, толстымъ слоемъ мха. Много ручейковъ прорѣзывали эту прелестную площадку по всѣмъ направленіямъ и сбѣгали въ море. Съ двухъ сторонъ она была защищена очень высокими отвѣсными базальтовыми утесами. Эти утесы, какъ стѣной, закрывали площадку до самаго берега, и забраться на нихъ со стороны площадки было совершенно невозможно. Съ третьей же стороны возвышалась узкая гора ледника, одинаковой высоты со скалами. Уклонъ этого ледника былъ настолько крутъ, что идти по нему на лыжахъ было нельзя, надо было ихъ снимать, иначе вы неминуемо скатывались внизъ.

Едва мы ступили на землю, какъ были оглушены страшнымъ непрерывнымъ шумомъ, несшимся откуда-то сверху. Источникъ этого шума не былъ замѣтенъ; казалось, что онъ исходитъ изъ самыхъ утесовъ. Только можно было догадаться, что это шумятъ птицы, ютящіяся гдѣ-то высоко-высоко на отвѣсныхъ утесахъ. Отдѣльныхъ птичьихъ голосовъ и здѣсь, какъ и на мысѣ Мери, нельзя было разобрать; это былъ непрерывный низкій гулъ, еще болѣе усиливающійся, благодаря отраженію отъ стѣнъ, ограждающихъ площадку. На фонѣ этого однотоннаго гула періодически вырывался пронзительный свистъ, хохотъ и какіе-то отчаянные крики, которые на время даже покрывали самый гулъ. Право, этотъ шумъ, крики и хохотъ производили впечатлѣніе чего-то сверхъестественнаго: казалось, что тамъ, на утесахъ, обитаютъ какіе-то злые духи и что они подняли такой гвалтъ только по случаю нашего вторженія въ ихъ территорію.

Если вы поднимете взглядъ на верхъ, то только послѣ

очень и очень внимательнаго наблюденія замѣтите цѣлыя тучи какихъ то едва замѣтныхъ точекъ, непрерывно, на страшной высотѣ, носящихся отъ утеса къ утесу. На фонѣ темныхъ утесовъ ихъ замѣтить нельзя. Онѣ становятся замѣтными только тогда, когда проектируются на фонѣ неба. Ихъ такая масса и такъ онѣ высоко, что скорѣе похожи на тучи комаровъ или мошекъ. Положительно не вѣрится, чтобы эти чуть замѣтныя точки, хотя бы ихъ и было очень много, могли быть источникомъ этого низкаго, однотоннаго, непрерывнаго гула, безумнаго хохота и отчаяннаго крика. Какія это птицы? Я замѣтилъ только два рода «нырковъ», т.-е. тѣхъ птицъ большихъ и малыхъ, которыхъ мы назвали нырками. Если не ошибаюсь, ихъ называютъ «Люмсами» и «кайрами». Кромѣ этихъ птицъ, можно было замѣтить разныхъ породъ чаекъ.

Если бы удалось какъ нибудь забраться на эти скалы, то я думаю, можно было бы набрать яицъ столько, что ихъ хватило бы для полнаго груза большого корабля. Но какъ туда забраться. Можетъ быть, это и удалось бы, сдѣлавъ обходъ по леднику, и съ помощью веревокъ спустившись на скалы, но мы не пробовали.

Внизу же на площадкѣ птицъ не было, кромѣ нѣсколькихъ хищныхъ, очень красивыхъ, коричневаго цвѣта съ красной отдѣлкой [1]). Этихъ птицъ, я слышалъ, мѣстами называютъ «исправниками». Нѣкоторые изъ «исправниковъ» очень смѣлы, летаютъ надъ самой головой и даже норовятъ ударить по шапкѣ клювомъ. Можетъ быть гдѣ-нибудь недалеко у нихъ имѣются гнѣзда и потому они такъ воинственно настроены.

Ни вчера, ни сегодня наши пѣшеходы еще не пришли. Не понимаю, что могло ихъ задержать. Послѣ случая на ледникѣ Уорчестеръ, гдѣ они заночевали передъ самымъ мысомъ

[1]) Одинъ изъ видовъ рода Stercorarius. Ред.

Мери Хармсвортъ, я всего ожидаю отъ нихъ. Возможно, что и теперь они гдѣ-нибудь устроились и спятъ. У нихъ имѣется двустволка, 27 патроновъ дробныхъ и 12 патроновъ пульныхъ. Изъ съѣстного у нихъ взята одна гага. Конечно, это мало на пять человѣкъ, но идя по льду, они могли убить нѣсколько нырковъ. Сейчасъ Максимовъ и Кондратъ отправились на лыжахъ на встрѣчу пѣшеходамъ, взявъ съ собой винтовку, патроны и три вареныхъ гаги. Врядъ ли они найдутъ пропавшихъ, такъ какъ разойтись очень не трудно. Сейчасъ вѣтеръ покрѣпчалъ и изъ пролива несетъ ледъ, которымъ насъ совершенно закупорило въ нашей бухточкѣ. Эхъ, упустимъ мы, кажется, благопріятное время для плаванія. Придется опять браться за лямки и дѣлать переходы по 6 или 10 верстъ въ день.

(Ночью). Дѣло дрянь! Но запишу все по порядку. Максимовъ съ Кондратомъ вернулись только въ 6 часовъ вечера, проходивъ въ оба конца 7 часовъ и сдѣлавъ не менѣе 12 верстъ. Ни пропавшихъ, ни ихъ слѣдовъ не видѣли. Дорога, по ихъ сообщенію, не дурная. Мы уже приступили къ устройству склада провизіи, патроновъ и всего необходимаго для пропавшихъ, когда часовъ въ 7 вечера увидѣли ихъ спускающимися съ ледника. Но къ моему удивленію ихъ было только четверо: не было съ ними Архиреева.

Прибывшіе разсказали слѣдующее. Со вчерашняго дня съ Архиреевымъ началось что-то неладное. Онъ поминутно отставалъ, а иногда и совсѣмъ не желалъ идти, садясь или ложась на ледъ. Сначала ему не особенно довѣряли, предполагая, что онъ притворяется. Когда его поднимали и вели силой, то нѣкоторое время онъ шелъ, но потомъ опять ложился, говоря: «хоть убейте, а не пойду съ вами». На вопросы товарищей, что у него болитъ и почему онъ не хочетъ идти, онъ отвѣчалъ, что у него «болятъ глаза и легкія». Утромъ передъ отправленіемъ въ путь, у него не было замѣтно ничего особеннаго, кромѣ обычнаго нежеланія идти, ко-

торому я не придавалъ значенія. Аппетитъ у него былъ, и онъ завтракалъ вмѣстѣ съ ними. Не придавали значенія жалобамъ Архиреева и спутники его, но потомъ пришлось повѣрить, что онъ дѣйствительно заболѣлъ. Къ вечеру у него совершенно отнялись ноги, какъ бы парализованныя, и онъ лежалъ безъ движенія, переставъ даже отвѣчать на вопросы или бормоча что-то непонятное. Человѣкъ положительно умиралъ. Тащить его на лыжахъ было тяжело, и потому всѣ рѣшили остановиться на ночлегъ.

Удалось убить 5 нырковъ, которыми и поужинали.

Утромъ Архиреевъ еще подавалъ очень слабые признаки жизни, но ни двигаться, ни говорить не могъ. Посидѣвъ около умирающаго до 10 ч. утра, спутники его пошли къ мысу Ниль, такъ какъ опасались, что мы уйдемъ далѣе, не найдя и не дождавшись ихъ. Въ 12 часовъ, когда пришедшіе поужинали и отдохнули, я отправилъ ихъ обратно къ Архирееву, сказавъ имъ, чтобы привезли Архиреева сюда, если онъ еще живъ. Нельзя оставлять умирающаго одного на льду, гдѣ, по ихъ же словамъ, много медвѣжьихъ слѣдовъ.

Сначала меня поразило такое отношеніе къ умирающему спутнику: они должны были бы привезти его и, конечно, могли это сдѣлать. Но съ другой стороны, если умирающій дѣйствительно находился въ такомъ тяжеломъ и по виду въ безнадежномъ состояніи, то онъ не выдержалъ бы этой дороги. Это, пожалуй, было бы только лишнимъ мученіемъ для него.

VII. ОДИНЪ ЗА ДРУГИМЪ.

Среда, 2-го іюля. Въ 10 ч. утра на ледникѣ показался Луняевъ, опередившій остальныхъ. Вскорѣ показались и остальные трое. Архиреевъ умеръ. Хотѣли его тащить на берегъ, но въ это время ледъ относило отъ берега и ходившіе за Архиреевымъ поспѣшили назадъ, оставивъ его на томъ же мѣстѣ.

Да, въ сущности, не все ли равно, гдѣ лежать покойнику. Сейчасъ я беру на каяки съ собой трехъ больныхъ: Луняева, Шпаковскаго и Нильсена. У всѣхъ болятъ ноги. Опухоль похожа на цынготную. Хуже всѣхъ выглядитъ Нильсенъ, который уже съ судна ушелъ больнымъ, за нимъ слѣдуетъ Шпаковскій и лучше другихъ Луняевъ. По берегу пойдутъ Максимовъ, Регальдъ, Губановъ и Смиренниковъ. Максимову я объяснилъ нашъ дальнѣйшій путь и указалъ на картѣ: его я назначилъ старшимъ въ береговой партіи. Эта партія собирается до вечера еще остаться на мысѣ Ниль и увѣряетъ, что догонитъ меня. Совѣтую имъ не терять времени напрасно и идти скорѣе, но, впрочемъ, это ихъ дѣло. Мы сейчасъ отправляемся къ мысу Гранта: ждать не могу. Береговой партіи оставляемъ винтовку-магазинку, 70 штукъ патроновъ и пять вареныхъ гагъ изъ имѣющихся у насъ десяти. Погода, кажется, налаживается, и вѣтеръ перешелъ къ N. Сейчасъ насъ отдѣляетъ отъ чистой воды полоса мелко-битаго льда, шириною саженъ въ 60. Этотъ ледъ сильно колышется, такъ

какъ зыбь еще не улеглась, и намъ предстоитъ еще не легкая работа перетащить по нему наши каяки, не прорвавъ ихъ.

Четвергъ, 3-го іюля. Въ двѣнадцатомъ часу дня, вчера, мы начали пробиваться по льдинамъ и между ними къ водѣ. Прибой сильно препятствовалъ этому, но черезъ часъ работы намъ удалось спустить на воду каяки, и мы поплыли на нашихъ славныхъ «скорлупкахъ» къ мысу Гранта. До этого мыса было верстъ 25. Вѣтеръ былъ шквалистый, но вскорѣ мы поставили паруса и быстро побѣжали по волнамъ. На каякѣ Луняева связали двѣ лыжныя палки, изъ которыхъ вышла отличная мачта, взамѣнъ сожженной. Холодный и шквалистый вѣтеръ и зыбь дѣлаютъ плаваніе менѣе пріятнымъ, чѣмъ ранѣе. Брызги все время обдавали насъ и, хотя мы закрылись кусками парусины, но сидѣли все время мокрые.

Холодно. Несмотря на хорошо работающіе паруса, мы частенько беремся за весла, чтобы согрѣться.

Моржи и вчера не оставляли насъ въ покоѣ: раза три они сдѣлали на насъ нападенія, окончившіяся однако благополучно. Высунется моржъ изъ воды саженяхъ въ 50 отъ каяковъ и, громко фыркая, злобно и удивленно слѣдитъ за нами. Но вотъ онъ ныряетъ, и мы видимъ въ прозрачной водѣ, какъ онъ идетъ къ каякамъ, повернувшись на бокъ. Я не сомнѣваюсь въ его намѣреніи ударить въ каякъ клыкомъ. Моментально мы оставляемъ винтовку, опускаемъ въ воду длинныя весла вертикально и начинаемъ отмахиваться ими. Намъ видно, какъ моржъ начинаетъ бросаться подъ водой вправо и влѣво, словно желая ихъ обойти, но въ концѣ концовъ поворачивается и отходитъ опять на ту же дистанцію въ 50-60 саженъ. Только пуля заставляетъ его прекратить нападеніе, и онъ скрывается. Но вчера мы особенно опасались этихъ нападеній, такъ какъ шли около кромки берегового припая, и заботились только объ одномъ, какъ бы не прозѣвать нападенія.

Къ 12 часамъ ночи мы пересѣкли бухту Грая и начали было уже огибать мысъ Гранта. Внезапно изъ-за мыса подулъ сильный NO вѣтеръ, къ которому на помощь пришло быстрое отливное теченіе, и не успѣли мы опомниться, какъ наши каяки стало относить отъ берега. Повидимому, здѣсь, между мысомъ Гранта и островами Белля и Мабеля, очень сильное теченіе. Зыбь сильно сбивала каяки и насъ поминутно обдавало водой. Позабывъ о моржахъ, сбросили мы съ себя парусину, въ которую закутались, и давай работать веслами. Мысъ, который еще такъ недавно былъ отъ насъ недалеко, теперь оказался миляхъ въ четырехъ.

Только къ пяти часамъ утра удалось намъ подойти къ береговому припаю около мыса Гранта.

Дорогой намъ посчастливилось убить 16 нырковъ, которыхъ мы попробовали ѣсть сырыми: ничего, ѣсть можно, а если съ солью, да сильно проголодавшись, такъ даже вкусно.

Сейчасъ мы сидимъ подъ высочайшимъ утесомъ, у котораго справа и слѣва поднимаются ледники, а къ морю спускается большая каменистая площадка.

Птицъ на этомъ мысѣ не меньше, чѣмъ на мысѣ Ниль. Масса мелкихъ нырковъ сидитъ даже внизу на большихъ камняхъ и съ неумолкаемымъ щебетаньемъ перелетаетъ съ мѣста на мѣсто. Но гнѣзда ихъ, повидимому, устроены на верху на скалахъ.

Береговой партіи, конечно, нѣтъ, хотя мы плыли до мыса Гранта 17 часовъ и цѣлый день уже сидимъ здѣсь и дожидаемся ихъ. Но насъ пока плаваніе особенно и не соблазняетъ: погода вѣтреная, идетъ снѣгъ, и все закрыто мглой. Дорогой мы сильно промокли и за цѣлый день не могли просушить свою одежду, а теперь уже не просушить. Нильсенъ сильно боленъ: онъ необыкновенно апатиченъ и безпомощенъ и вообще сталъ какой то странный: походка нетвердая и все время сидитъ молча въ сторонѣ. На ужинъ мы сегодня сварили нырковъ и раздѣлили одну гагу.

Пятница, 4-ое іюля. Продолжаемъ сидѣть на мысѣ Гранта и ожидать береговую партію. Погода отвратительная. Сильный шквалистый О вѣтеръ; холодно, а временами еще поднимается метель. Ночью прояснилось и всю окружающую насъ мѣстность было хорошо видно. Впереди на ONO, кажется, совсѣмъ недалеко виденъ за сплошнымъ льдомъ скалистый островъ. Это не иначе, какъ Белль. Проливъ, отдѣляющій его отъ мыса Гранта, еще не взломанъ и намъ не трудно будетъ туда попасть, плывя вдоль кромки льда. Дальше, на горизонтѣ виденъ другой скалистый островъ, но уже большихъ размѣровъ. Неужели это островъ Нордбрукъ, на которомъ и есть мысъ «Флора». По картѣ это долженъ быть онъ, больше ничего подходящаго въ этомъ мѣстѣ нѣтъ. До него должно быть еще около 25 миль, но на глазъ кажется, что гораздо меньше, такъ какъ необыкновенно прозрачный воздухъ скрадываетъ разстояніе почти вдвое. Мнѣ припоминается, что Нансенъ одинъ изъ мысовъ на Землѣ Франца Іосифа назвалъ Замкомъ въ виду того, что онъ дѣйствительно былъ похожъ на замокъ. По моему, это сходство съ замкомъ или какимъ нибудь колоссальнымъ соборомъ, характерно для большинства видѣнныхъ мною мысовъ южнаго берега Земли Франца Іосифа. Такой мысъ или островъ я видѣлъ въ глубинѣ пролива, отдѣляющаго восточную часть Земли Александры отъ западной, таковъ мысъ Ниль, таковъ мысъ Гранта, таковы и островъ Белль и мысъ Флора. Все зависитъ отъ того, съ какой стороны на нихъ смотришь. Въ особенности похожи на замокъ утесы на островѣ Белль, если смотрѣть на нихъ съ мыса Гранта или еще южнѣе. Боковые склоны и болѣе низкіе утесы, если они есть, скрыты ледникомъ или снѣгомъ; сверху всѣ неровности тоже обычно закрыты и сглажены, какъ крышей, ледникомъ. Обнаженная же часть мыса тогда не кажется уже безформенной массой, а именно громаднымъ замкомъ или соборомъ, какой то затѣйливой архитектуры, сплошь украшеннымъ рядами ко-

лоннъ. Ряды базальтовыхъ утесовъ издали кажутся очень правильными и почти одинаковой высоты. На этихъ-то колоннахъ, между ними и за ними гнѣздятся тучи птицъ.

Да, мы уже находимся въ виду мыса Флоры, этого извѣстнаго «имѣнія» Джэксона. Приближается время, когда выяснится, правъ ли я былъ, стремясь къ этому мысу, или всѣ наши лишенія, потери и труды были напрасны. Двадцать лѣтъ срокъ большой. Можетъ быть, за это время тамъ и слѣда не осталось отъ построекъ Джэксона. Но что было дѣлать иначе? Куда мнѣ слѣдовало идти? На Шпитцбергенъ? Но я не могъ туда идти, хотя бы потому, что въ томъ направленіи я видѣлъ съ мыса Мери Хармсвортъ разрѣженный плавучій ледъ, а у насъ на 10 человѣкъ было только 2 каяка. Дѣлать большой обходъ? Да развѣ выдержали бы его эти люди, на которыхъ я сейчасъ съ тревогой смотрю и изъ которыхъ половины еще нѣтъ. Надо видѣть, во что превратилось наше снаряженіе и что осталось отъ него. Эти двое оставшихся нартъ, которыя ломались на первой верстѣ отъ судна, теперь послѣ трехмѣсячнаго пути по отчаянной дорогѣ состоять изъ обломковъ и щепокъ, перевязанныхъ по всѣмъ направленіемъ проволокой или веревками. Отъ одежды остались лохмотья, грязныя, пропитанныя ворванью и полныя насѣкомыхъ; изъ запасовъ провизіи осталось два фунта ржавой соли. Нѣтъ, о Шпитцбергенѣ намъ и думать не слѣдовало, по крайней мѣрѣ въ этомъ году! Тогда можетъ быть намъ слѣдовало пожить въ самое хорошее и удобное для путешествія время года на одномъ изъ пройденныхъ нами мысовъ, какъ на этомъ настаивали нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ? Но какая цѣль этого проживанія, чего мы могли тамъ ожидать? Прихода тяжелой зимовки, безъ возможности устроить хотя сколько нибудь сносное помѣщеніе и безъ надежды пополнить наше снаряженіе. Это было бы равносильно самоубійству. Прожить зиму въ хижинѣ, сложенной изъ камней, безъ отопленія, завѣшенной шкурой

медвѣдя, вмѣсто двери, и шкурой моржа, вмѣсто крыши, какъ могли такіе здоровые и сильные духомъ люди, какъ Нансенъ съ Іогансеномъ, но не мои несчастные, больные спутники, которые не могутъ выдержать легкаго, сравнительно, перехода въ лѣтнее время.

Нѣтъ, только одинъ путь передъ нами съ того времени, какъ ступили мы на ледникъ Уорчестеръ, одна цѣль, къ которой мы должны стремиться и торопиться во что бы то ни стало, и эта цѣль — мысъ Флора. Пусть не найдемъ мы тамъ построекъ, которыя могли развалиться, но мы найдемъ развалины эти, возстановимъ ихъ насколько возможно, пополнимъ наши запасы провизіи, благо у насъ еще осталось много патроновъ, и перезимуемъ тамъ въ лучшихъ, чѣмъ гдѣлибо, условіяхъ. За зиму мы исправимъ нарты и каяки, сдѣлаемъ новые каяки, т. к. у насъ на каждомъ каякѣ по двѣ обшивки, и тогда можно будетъ подумать или о Шпитцбергенѣ, или о Новой Землѣ.

Къ вечеру погода стала поправляться и метель прекратилась. Мы съ Луняевымъ пошли на ледникъ посмотрѣть, не увидимъ ли нашей береговой партіи. Ходили верстъ за 6, но, конечно, никого не встрѣтили и никакихъ слѣдовъ, кромѣ медвѣжьихъ, не видѣли. Вернулись въ 10 час. вечера и рѣшили завтра, если позволитъ погода, отправиться далѣе на островъ Белль. Ждать больше я не могу: Нильсенъ едва ходитъ, а Шпаковскій немногимъ развѣ лучше его. Луняевъ, хотя и жалуется на ноги, но у него не замѣтно той страшащей меня апатіи, нѣтъ упадка силъ и энергіи, какъ у Нильсена и Шпаковскаго.

Что могло задержать пѣшеходовъ? Впрочемъ, развѣ они не отставали раньше — и на льду, и на ледникѣ Уорчестеръ, и на мысѣ Ниль, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ могли? Развѣ они не высказывали желанія остановиться и пожить гдѣ нибудь подольше? Очень жаль, конечно, что они высказывали какъ бы только желаніе, а не рѣшеніе, которое у

нихъ уже, навѣрно, было, и тѣмъ ставили меня въ затрудненіе и заставляли терять время.

Я замѣтилъ, что на мысѣ Гранта погода нѣсколько иная, чѣмъ на юго-западномъ берегу Земли Александры. Здѣсь мы ничѣмъ не защищены отъ господствующихъ, повидимому, N, NO и O вѣтровъ и для переходовъ приходится выбирать благопріятное время. Вѣтры все время холодные, шквалистые и со снѣгомъ.

Суббота, 5-го іюля. Въ 2 часа ночи, пользуясь прояснившейся погодой, мы снялись и пошли къ острову Белль, придерживаясь кромки невзломаннаго льда. Только что отошли мы отъ мыса верстъ 5, какъ погода опять испортилась. Пришлось грести безъ остановки въ продолженіе 10 часовъ противъ холоднаго восточнаго вѣтра и противъ теченія, очень медленно подвигаясь впередъ.

Въ 12 час. дня, измученные, прозябшіе и мокрые до нитки, остановились около льда, казалось неподвижнаго, верстахъ въ 4 или 5 отъ острова Белль. Пообѣдавъ нырками, мы легли отдохнуть, такъ какъ сильная метель закрыла островъ и дороги не было видно. Отъ холода надѣли мы малицы и закрылись сверхъ того парусиной и полками. Проснулись мы часа въ 4 дня. Погода за это время опять прояснилась, и каково же было наше разочарованіе, когда мы увидѣли, что большая льдина, на которой мы расположились на отдыхъ, оказалась не береговымъ припаемъ, а плавучей отдѣльной льдиной. Островъ Белль опять оказался отъ насъ верстахъ въ 8 или 10. Пришлось опять грести. Нильсенъ грести не могъ и все время полулежалъ въ каякѣ Луняева. Говорить онъ тоже не могъ; у него, кажется, отнялся языкъ, и въ отвѣтъ на разспросы онъ только мычалъ что-то непонятное.

Недалеко отъ острова Белль, на одной изъ большихъ плавучихъ льдинъ, мы увидѣли лежащихъ двухъ большихъ моржей и одного молодого. Но и этотъ молодой морженокъ

былъ величиной съ небольшую корову. Моржи спокойно лежали, грѣясь на солнцѣ, и не поднимали даже головъ. Пришла намъ мысль дать моржамъ на этотъ разъ генеральный бой, и мы начали подкрадываться къ нимъ подъ прикрытіемъ легкихъ льдинъ. Но, Боже мой, какъ мы постыдно потомъ удирали отъ этого боя на ледъ, какъ торопливо тащили на ледъ свои каяки вмѣстѣ съ больнымъ Нильсеномъ. Насъ соблазнялъ, собственно говоря, молодой моржъ, мясо котораго, говорятъ, вкусно. Долго и аккуратно прицѣливались мы въ него вдвоемъ съ Луняевымъ и одновременно выстрѣлили. Морженку, повидимому, попало хорошо, такъ какъ крови мы потомъ видѣли много. Если бы онъ лежалъ одинъ, то возможно, что такъ бы и остался лежать на мѣстѣ, но тутъ въ это дѣло вмѣшались два взрослыхъ моржа: Одинъ изъ нихъ сейчасъ же, съ фырканьемъ и злобнымъ ревомъ, бросился къ нашимъ каякамъ, а другой, повидимому мать молодого, столкнулъ морженка въ воду. Все время отстрѣливаясь отъ нападающаго на насъ разсвирѣпѣвшаго моржа, мы поспѣшно отступили на заранѣе приготовленныя позиціи, на ледъ, куда едва успѣли вытащить и каяки.

Тутъ началось что-то невообразимое: вода такъ и кипѣла, вся окрашенная кровью, моржи съ ревомъ кружились около убитаго морженка, онъ, повидимому, тонулъ и взрослые моржи его поддерживали зачѣмъ-то на поверхности воды, суетясь около него, то скрываясь подъ водою, то показываясь вновь. Одинъ изъ моржей, должно быть самецъ, по временамъ со страшнымъ ревомъ бросался въ нашу сторону съ такимъ угрожающимъ видомъ, что мы невольно пятились по льду назадъ и стрѣляли въ эту группу. Такая кутерьма, въ которой нельзя было разобрать, кто нападаетъ и кто защищается, продолжалась минутъ пять, послѣ чего всѣ три моржа скрылись подъ водой, а у насъ на пятнадцать патроновъ стало меньше. Когда мы немного успокоились отъ сильныхъ впечатлѣній этого морского сраженія и по-

плыли на каякахъ дальше, то долго еще оглядывались по сторонамъ, не покажется ли гдѣ нибудь морда моржа.

Часовъ въ 9 вечера мы подошли къ острову Белль.

Выходя изъ каяковъ, мы убѣдились, что Нильсенъ уже не можетъ ходить: онъ падалъ и старался ползти на четвереньках. Когда къ нему обращались съ вопросами, онъ не понималъ ихъ; это было видно по его глазамъ, которые стали совершенно безсмысленными и какими то испуганными. Устроивъ нѣчто въ родѣ палатки, мы затащили туда Нильсена и закутали въ свое единственное одѣяло. Онъ все намѣревался куда то ползти, но потомъ успокоился, временами только что-то хотѣлъ сказать, но у него, кромѣ мычанія, ничего не выходило.

Нильсенъ — датчанинъ; онъ поступилъ на «Св. Анну» еще въ Англіи при покупкѣ судна. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ научился довольно хорошо говорить по русски, но теперь въ его мычаніи невозможно найти членораздѣльной рѣчи. Больше всего поражаютъ меня его безсмысленные, полные ужаса глаза человѣка, потерявшаго разсудокъ. Когда мы сварили бульонъ и чашку его дали Нильсену, то онъ выпилъ полъ чашки, но потомъ опять легъ. Мы почти не сомнѣвались, что къ утру Нильсенъ умретъ. Жаль человѣка, очень неглупаго, старательнаго и хорошаго матроса. Луняевъ говоритъ, что у Архиреева всѣ признаки болѣзни были тѣ же. Всѣ легли спать, а я, взявъ винтовку, пошелъ къ утесамъ посмотрѣть оттуда на мысъ Флору.

Воскресенье, 6 іюля. Какъ мы ожидали, такъ и случилось. Проснувшись утромъ, мы увидѣли Нильсена уже окоченѣвшимъ. Никто изъ насъ ночью не слыхалъ ни возни его, ни стона. Онъ даже не сбросилъ одѣяла, которымъ мы наканунѣ завернули его. Лицо его было спокойно и не обезображено предсмертными муками; странно было, что на немъ не замѣчалось той страшной желтизны или восковой блѣдности, которая дѣлаетъ ужаснымъ лицо покойника.

Лицо Нильсена было какъ у живого, и его можно было принять за живого спящаго человѣка, если бы ни пріоткрытые мертвые глаза и ни окоченѣлость тѣла. Повидимому, онъ умеръ тихо, спокойно, не приходя въ сознаніе.

Часа черезъ 2 или 3 мы вытащили своего успокоившагося товарища изъ нашего шалаша и положили на нарты. Саженяхъ въ 150 отъ берега, на первой терассѣ, была сдѣлана могила. Къ этой могилѣ былъ подвезенъ Нильсенъ на нартахъ и въ ней его похоронили, наложивъ сверху холмъ изъ камней. Никто изъ насъ не поплакалъ надъ этой одинокой, далекой могилой; мы какъ-то отупѣли, зачерствѣли. Смерть этого человѣка не очень поразила насъ; какъ будто произошло самое обычное дѣло. Только какъ-то странно было: вотъ человѣкъ шелъ вмѣстѣ съ нами три мѣсяца, терпѣлъ, выбивался изъ силъ, и вотъ, онъ уже ушелъ... ему больше никуда не надо... вся работа, всѣ труды и лишенія пошли «на смарку». А намъ еще надо добраться вонъ до того острова, до котораго цѣлыхъ 12 миль. И казалось, что эти 12 миль такое большое разстояніе, такъ труденъ путь до этого острова, что Нильсенъ просто не захотѣлъ идти дальше и выбралъ болѣе легкое. Но эти мысли только промелькнули какъ-то въ головѣ; повторяю, что смерть нашего товарища не поразила насъ. Конечно это не было черствостью, безсердечіемъ. Это было ненормальное отупѣніе передъ лицомъ смерти, которая у всѣхъ насъ стояла за плечами. Какъ будто даже враждебно поглядывали мы теперь на слѣдующаго «кандидата», на Шпаковскаго, мысленно гадая, «пойдетъ онъ, или уйдетъ ранѣе». Когда Шпаковскій, посланный за плавникомъ, пошелъ, временами запинаясь, то кто-то изъ спутниковъ закричалъ на него: «позапинайся ты у меня, позапинайся. За Нильсеномъ что-ли захотѣлъ». Это не было враждебностью къ Шпаковскому, который никому ничего плохого не сдѣлалъ; это было озлобленіе болѣе здороваго человѣка противъ болѣзни, забирающей товарища, призывъ

бороться со смертью до конца. Такое «запинаніе», когда ноги подгибаются, какъ парализованныя, очень характерно. Оно бывало и у меня по выходѣ изъ каяка, но обыкновенно послѣ пяти минутъ гимнастики ногами, лежа на спинѣ, все проходило. Но у Шпаковскаго это не прошло со вчерашняго вечера. У Нильсена тоже началось съ ногъ, потомъ сталъ плохо слушаться языкъ, а послѣ онъ не могъ уже и грести: не слушались руки. У Шпаковскаго теперь уже не выходятъ нѣкоторыя слова, языкъ какъ бы потерялъ свою гибкость. Больной должно быть сознаетъ это; можетъ быть, онъ нарочно меньше и говоритъ, а когда надо что нибудь сказать, то онъ медленно и старательно выговариваетъ нѣкоторыя слова, но видя, что изъ этого ничего не выходитъ, какъ будто смущается и замолкаетъ.

Утромъ мы видѣли два раза гагъ, летѣвшихъ стайками по 5 и 8 штукъ по направленію къ сѣверному берегу острова Белль. Въ надеждѣ найти тамъ гагачьи гнѣзда, а кстати посмотрѣть то мѣсто, которое у меня на картѣ называется «гавань Эйра», мы пошли туда. Гнѣздъ не нашли, такъ какъ берегъ здѣсь каменистый, занесенный снѣгомъ и безъ мха, въ которомъ гаги любятъ дѣлать гнѣзда. «Гавань Эйра» тоже ничего изъ себя не представляла: это должно быть проливъ между островомъ Белль и островомъ Мабель. Проливъ этотъ былъ покрытъ льдомъ.

Вечеромъ мы увидѣли трехъ моржей, подплывающихъ къ острову въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли наши каяки.

На всякій случай мы поспѣшили вытянуть каяки на берегъ, опасаясь, какъ бы моржамъ не пришла фантазія попробовать клыками, изъ чего они сдѣланы.

Странно, намъ показалось, что это все тѣ же моржи, съ которыми мы вчера имѣли бой. Два изъ нихъ все время ревѣли и плыли какъ то вертикально, будто продолжая поддерживать третьяго. Подплывъ близко къ берегу, моржи посмотрѣли на насъ и скрылись. Неужели это вчерашніе мор-

жи продолжаютъ носиться цѣлыя сутки со своимъ убитымъ дѣтенышемъ и оплакивать его? Нѣтъ, этого не можетъ быть: должно быть, они издали приняли наши каяки за лежащихъ на льду моржей и хотѣли по привычкѣ моржей улечься съ ними рядомъ, но увидѣвъ, что ошиблись, поспѣшили скрыться.

На этомъ островѣ мы нашли нѣсколько кусковъ плавника и нѣсколько китовыхъ позвонковъ.

Теперь насъ осталось изъ 11 человѣкъ только восемь: четверо на каякахъ, а четверо гдѣ то на Землѣ Александры.

Каякъ Луняева больше моего и со смертью Нильсена онъ облегчился. Поэтому изъ моего каяка въ него положили большую часть патроновъ, мои книги и записки, а также посуду.

Вторникъ, 8-го іюля. Часа въ 3 ночи мы отправились далѣе къ мысу Флора. Погода была великолѣпная, тихая, солнечная, и все предвѣщало хорошее плаваніе. У южнаго и восточнаго береговъ острова Белль былъ плавучій ледъ, но рѣдкій и между нимъ можно было лавировать. Далѣе же весь проливъ Мирса, отдѣляющій мысъ отъ острова Белль, былъ совершенно чистъ отъ льда. Только далеко, влѣво, въ глубинѣ пролива виднѣлся ледъ. Проливъ въ этомъ мѣстѣ, шириною около 10 миль, но мы не задумываясь поплыли по прямому направленію на мысъ Флора, который былъ очень хорошо виденъ. Провизіи у насъ было только по одному сырому нырку на каждомъ каякѣ, но на островѣ мы хорошо поѣли и никакъ не ожидали того, что произойдетъ съ нами.

А произошло съ нами слѣдующее. Часа черезъ полтора или два нашего плаванія, когда мы были приблизительно въ серединѣ пролива, подулъ сильный вѣтеръ, который быстро сталъ крѣпчать и черезъ полчаса дулъ изъ пролива, какъ изъ трубы, разводя крутую зыбь. Вмѣстѣ съ вѣтромъ насъ, повидимому, встрѣтило и отливное сильное теченіе, тоже изъ пролива, и насъ стало сносить въ море. Еще недавно спо-

койнаго какъ зеркало пролива нельзя было узнать: изъ пролива понесло ледъ, накрылъ туманъ, каяки наши заныряли по волнамъ, и насъ поминутно окатывало срываемыми вѣтромъ гребнями волнъ. Каяки наши были легкіе, но на передней части ихъ лежали тяжелыя нарты, вслѣдствіе чего насъ или ставило бортомъ къ волнѣ или, когда удавалось повернуть каякъ и держать противъ волны, онъ сильно зарывался носомъ и принималъ воду.

Незамѣтно, въ туманѣ и между плавучимъ льдомъ, мы потеряли изъ виду второй каякъ. Острова закрыло мглой, но мы видѣли, что насъ быстро сноситъ; быстрѣе, чѣмъ ледъ, глубоко сидящій въ водѣ.

Бороться съ вѣтромъ и теченіемъ на этой зыби было невозможно; мы рѣшили подойти къ какой нибудь большой льдинѣ и вылѣзти на нее. Такъ мы и сдѣлали: выбрали побольше айсбергъ, пристали къ нему съ подвѣтренной стороны, вылѣзли сами и вытащили каякъ. Сколько сидѣлъ въ водѣ этотъ айсбергъ, не знаю, но надъ водой онъ возвышался болѣе 2-хъ саженъ. Волны съ шумомъ ударяли въ эту ледяную скалу, но она была незыблема и только медленно шла по вѣтру.

Другого каяка мы не могли разсмотрѣть и съ высоты этой льдины, да и мудрено было бы въ этой мглѣ что-либо увидѣть дальше 15 саженъ. Забравшись на айсбергъ, мы воткнули въ его вершину мачту и подняли флагъ въ надеждѣ, что если Луняевъ увидитъ его, то догадается тоже забраться на какую нибудь льдину. О плаваніи на каякѣ нечего было и думать до тѣхъ поръ, пока не утихнетъ вѣтеръ, а такъ какъ мы порядочно устали, то рѣшили лечь спать. На верху айсберга было холодно и изрядно продувало; но у насъ были двѣ малицы, и мы прибѣгли къ очень употребительному способу спанья. Одѣвъ на себя малицы, но не продѣвая рукъ въ рукава, мы легли на вершинѣ айсберга, въ небольшой ямкѣ, другъ къ другу ногами такъ, что ноги Кондрата при-

ходились у меня въ малицѣ, за моей спиной, а мои ноги въ малицѣ Кондрата, за его спиной. Конечно, сапоги мы предварительно сняли и были только въ однихъ теплыхъ носкахъ. Тогда оставалось только хорошенько подоткнуть подъ себя полы обѣихъ малицъ, чтобы онѣ закрывали одна другую, такъ сказать «задѣлать всѣ щели». Послѣ этого мы втягивали головы обратно внутрь малицы и никакой холодъ уже намъ не былъ страшенъ. Получается такимъ образомъ нѣчто въ родѣ «двухспальнаго мѣшка». Тепло тамъ до духоты и дышать приходится черезъ воротникъ малицы, около котораго и держишь голову. Зимой, въ морозъ, воротникъ отъ дыханія покрывается инеемъ и леденѣетъ. Такимъ образомъ мы и заснули и безмятежно спали не менѣе 7 или 8 часовъ. Пробужденіе наше было ужасно. Мы проснулись отъ страшнаго треска, почувствовали, что стремглавъ летимъ куда то внизъ, а въ слѣдующій моментъ нашъ «двухспальный мѣшокъ» былъ полонъ водой, мы погружались въ воду и, дѣлая отчаянныя усилія выбраться изъ этого предательскаго мѣшка, отчаянно отбивались ногами другъ отъ друга. Къ несчастью, мы ужъ очень старательно устраивали себѣ этотъ мѣшокъ, и полы одной малицы глубоко заходили внутрь другой; къ тому же малицы передъ этимъ были немного мокры и въ теченіе 7-ми часовъ, по всей вѣроятности, обмерзли. Мы очутились въ положеніи кошекъ, которыхъ бросили въ мѣшкѣ въ воду, желая утопить.

Обыкновнно принято говорить, что подобныя секунды опасности кажутся вѣчностью. Это совершенно справедливо. Не могу и я сказать, сколько секундъ продолжалось наше барахтанье въ водѣ, но мнѣ оно показалось страшно продолжительнымъ. Вмѣстѣ съ мыслями о спасеніи и гибели въ головѣ промелькнули другія: очень подробно пронеслись передо мною различныя картины нашего путешествія: гибель Баева, Архиреева, четырехъ человѣкъ пѣшеходовъ, Нильсена и Луняева со Шпаковскимъ, и вотъ послѣдніе мы

съ Кондратомъ... Послѣ этого можно поставить «точку», если бы кто нибудь когда нибудь вздумалъ разсказать о насъ. Очень хорошо помню, что нѣчто въ этомъ родѣ промелькнуло у меня въ головѣ, но сейчасъ же былъ и отвѣтъ на эту мысль: «а кто же узнаетъ про нашу гибель?» Никто!... И, кажется, всего ужаснѣе было почему-то именно это категорическое «никто не узнаетъ, что мы погибли»... Вотъ, «тамъ» будутъ считать, что мы живемъ гдѣ нибудь, а мы не пережили какой-то страшной борьбы, и насъ уже нѣтъ... Сознаніе возмущалось, протестовало противъ гибели: «а какъ же сонъ мой? Къ чему же было то предсказаніе? Не можетъ этого быть!» Пусть мнѣ вѣрятъ или не вѣрятъ, но въ этотъ моментъ мои ноги попали на ноги Кондрата, мы вытолкнули другъ друга изъ мѣшка, сбросили малицы, а въ слѣдующее мгновеніе уже стояли мокрые на подводной «подошвѣ» айсберга, по грудь въ водѣ. Кругомъ насъ плавали въ водѣ малицы, сапоги, шапки и прочіе предметы, которые мы поспѣшно ловили и швыряли на льдину. Малицы были такъ тяжелы отъ воды, что мы должны были поднимать каждую вдвоемъ, а одѣяло такъ и не поймали, оно потонуло. Мы стояли на льду въ однихъ носкахъ, и ноги у насъ почти потеряли чувствительность. Мы дрожали и отъ холода, и отъ волненія. Зубъ на зубъ не попадалъ. Еще стоя въ водѣ, я напрасно ломалъ себѣ голову, что же теперь намъ дѣлать? Вѣдь мы замерзнемъ!

Но Провидѣніе само указало, что мы должны были дѣлать въ нашемъ положеніи. Какъ бы въ отвѣтъ на мой вопросъ, съ вершины льдины полетѣлъ въ воду нашъ каякъ, который или сдуло вѣтромъ, или подъ нимъ подломился ледъ. Не упади каякъ, или упади онъ не такъ счастливо, т.-е. прорвись объ острый разъѣденный водою ледъ, я думаю, мы пропали бы на этой льдинѣ, плывшей въ море. Завернувшись въ мокрыя малицы, не имѣя провизіи, дрожащіе отъ холода, мы напрасно старались бы согрѣться, а потомъ уже

у насъ врядъ ли хватило бы рѣшимости что либо предпринять.

Но теперь мы знали, что дѣлать. Побросали въ каякъ мокрыя принадлежности туалета, выжали свои носки и куртки, надѣли ихъ опять, разрубили на куски нарты, взявъ нѣсколько кусковъ съ собою и бросивъ остатки въ воду, сѣли въ каякъ и давай грести! Боже мой, съ какимъ остервенѣніемъ мы гребли! Не такъ заботясь о быстротѣ хода, какъ о томъ, чтобы хотя немного согрѣться, мы гребли до изнеможенія, и только это, я думаю, спасло насъ.

Туманъ разсѣялся, и острова были видны. Самымъ ближайшимъ былъ островъ Белль, отъ котораго мы отошли утромъ; теперь до него было верстъ 12 или 15, но холодный встрѣчный вѣтеръ сильно задерживалъ ходъ. Мы старались плыть подъ прикрытіемъ несущихся на встрѣчу льдинъ, чтобы хотя за ними спрятаться отъ вѣтра. Ноги и колѣни больше всего коченѣли отъ холода, такъ какъ имъ мы не могли дать никакой работы, а прикрыть ихъ было нечѣмъ. Часовъ черезъ шесть намъ удалось подойти къ острову Белль нѣсколько восточнѣе нашей первой стоянки. Первымъ дѣломъ принялись мы какъ сумасшедшіе бѣгать по льду, стараясь согрѣть закоченѣвшія ноги; если бы кто нибудь увидѣлъ насъ въ эту минуту, то безъ сомнѣнія принялъ бы за бѣсноватыхъ, до того дика была эта пляска. Но согрѣться намъ не удалось, такъ какъ мѣсто было совершенно открытое, не защищенное отъ вѣтра. Тогда мы насколько возможно выжали малицы и надѣли на себя, чтобы хотя немного защититься отъ пронизывающаго вѣтра. Развели огонь, на что употребили дерево отъ нартъ, лыжи, бинты изъ аптеки, словомъ все, что только могло горѣть. На наше счастье, около кромки льда летало и плавало много нырковъ и намъ удалось убить нѣсколько штукъ; черезъ часъ мы уже пили горячій бульонъ и съ жадностью ѣли горячихъ же нырковъ. Какъ будто стало легче. Я забрался съ головой въ мокрую

малицу и, все еще трясясь отъ озноба, то дремля, то пробуждаясь, просидѣлъ, прислонясь спиной къ ропаку, до утра. Кондратъ же, кажется, такъ и не отдыхалъ: онъ продолжалъ «грѣться», бѣгая и приплясывая по льду. Снаружи малица на вѣтру немного просыхала, но внутри ничуть, отъ нея только паръ валилъ. Утромъ погода опять стала лучше; проглянуло солнце, вѣтеръ затихъ совершенно и море успокоилось.

Чувствовали мы себя плохо: меня трясло, голова была тяжелая, а у Кондрата оказались отмороженными пальцы на обѣихъ ногахъ. Сидѣть такъ было нельзя; это могло бы для насъ кончиться очень плохо. Мы взяли себя въ руки и рѣшили опять плыть на мысъ Флора. Надо только настрѣлять нѣсколько штукъ нырковъ на дорогу.

VIII. МЫСЪ ФЛОРА.

Пятница, 11-го іюля. Только теперь начинаю приходить въ себя послѣ всѣхъ нашихъ злоключеній. Сижу сейчасъ въ маленькомъ тепломъ домикѣ на островѣ Нордбрукъ, на мысѣ Флора. Все время у насъ топится чугунная печь, въ домикѣ жарко, но тѣмъ не менѣе я дрожу отъ озноба. У Кондрата отморожены пальцы на ногахъ, и только сейчасъ я окончилъ дѣлать ему перевязку.

Пищи у насъ теперь довольно всякой и даже на столѣ на тарелкѣ лежатъ сухари, галеты двухъ сортовъ. Изъ этихъ галетъ, если ихъ умѣючи распарить, получается хлѣбъ, настоящій бѣлый хлѣбъ. Полмѣсяца, какъ мы не ѣли даже ржаныхъ сухарей, а бѣлыхъ не видѣли гораздо больше времени, такъ какъ и на «Св. Аннѣ» они уже вышли. Но запишу все по порядку.

9-го утромъ, часовъ въ 5, мы отправились опять къ мысу Флора, отъ котораго насъ такъ неожиданно отбросило прошлый разъ. Погода и теперь была прекрасная, тихая, солнечная, но мы уже больше не довѣряли ей, наученные горькимъ опытомъ, чего стоитъ это обманчивое спокойствіе и тишина. Обогнувъ ледъ, окружающій островъ Белль, мы поднялись по проливу вдоль льда до оконечности острова Мабель и только тогда начали пересѣкать проливъ Мирса. Теченіе изъ пролива и теперь было сильное, и намъ все время

приходилось держать лѣвѣе. Изъ канала мѣстами несло крупные айсберги, самой причудливой формы, но эти льдины были рѣдки. Каякъ съ Луняевымъ и Шпаковскимъ пропалъ. У насъ была еще слабая надежда, что ему удалось уже достигнуть мыса Флора тогда, когда мы спали или плыли между льдинами, послѣ купанья, къ острову Белль. На томъ каякѣ была наша единственная винтовка, всѣ патроны и нѣкоторые документы. У насъ же осталась двустволка и 40 шт. патроновъ, изъ которыхъ 30 шт. дробовыхъ и 10 пульныхъ. Этихъ запасовъ намъ, конечно, хватило бы не надолго и потому по прибытіи на мысъ Флору намъ предстояло позаботиться объ устройствѣ лука, стрѣлъ и различныхъ капкановъ и силковъ.

Мнѣ приходилось читать, что много лѣтъ назадъ партія русскихъ промышленниковъ, потерпѣвшихъ крушеніе около одного изъ острововъ архипелага Шпитцбергенъ, въ теченіе семи лѣтъ сравнительно благополучно прожила на этомъ островѣ, добывая себѣ пропитаніе и одежду только охотой при помощи луковъ, стрѣлъ и капкановъ.

Но теперь, переплывая проливъ на каякѣ, мы съ опасеніемъ поглядывали по сторонамъ, не покажется ли гдѣ нибудь моржъ. Съ двустволкой, хотя бы и заряженной пулей, плохо воевать съ этими чудовищами; во всякомъ случаѣ мы предпочли бы съ ними не встрѣчаться. Насколько мы искали всегда встрѣчи съ медвѣдями, настолько же избѣгали ея съ моржами, по крайней мѣрѣ на водѣ.

Подвигались мы медленно, хотя гребли старательно и погода была очень хорошая. Часовъ въ 9 утра мы были отъ острова уже недалеко и съ напряженнымъ вниманіемъ стали всматриваться въ берега, стараясь найти хоть какой нибудь признакъ жилья. Отъ напряженнаго разсматриванія намъ иногда казалось, что мы видимъ на берегу домъ, но, по мѣрѣ приближенія, мы убѣждались, что это большой камень. Дойдя до западной оконечности острова, мы пошли вдоль берега, восточнѣе, гдѣ казалось мѣсто для высадки лучше и гдѣ дѣй-

ствительно мы могли подойти почти вплотную къ берегу и пристать. Я думаю, что Колумбъ, при высадкѣ на открытую имъ землю, меньше волновался, чѣмъ мы! Шутка-ли сказать, сегодня безъ одного дня три мѣсяца, какъ мы идемъ къ этой землѣ. И вотъ этотъ долгожданный, желанный мысъ Флора наконецъ-то подъ нашими ногами! Но вотъ бѣда, наши ноги подогнулись подъ нами, и мы должны были лечь. Никогда еще не чувствовали мы такой слабости въ ногахъ, какъ сейчасъ, когда мы почти достигли цѣли своей. Неужели теперь-то именно насъ и подкараулила непонятная болѣзнь и насъ ждетъ судьба Архиреева и Нильсена?

Но и помимо того мы чувствовали себя скверно и только любопытство, что мы найдемъ здѣсь, еще поддерживало насъ. Мы легли на спины и начали усиленно дрыгать ногами, растирать ихъ, потомъ прыгать, держась за вытащенный каякъ, и минутъ черезъ 10-15 этой гимнастики ногамъ стало лучше. Взяли двустволку и бинокль и пошли на поиски слѣдовъ жилища Джэксона.

Мы уже потеряли надежду найти что-нибудь, кромѣ именно слѣдовъ или развалинъ.

Мѣстность представляла изъ себя громадную площадь, тянущуюся съ запада на востокъ и постепенно, террасами поднимающуюся отъ берега къ сѣверу, гдѣ она была ограничена сплошной стѣной идущихъ параллельно берегу высокихъ утесовъ. Берегъ и прилегающая къ нему часть площади были каменистые, но далѣе была земля и глина. Площадь была волнистая и поворачивала немного влѣво, такъ что всю ее не было видно. За стѣной утесовъ, на сѣверъ, спускался ледникъ должно быть во всю длину острова и этотъ ледникъ былъ виденъ, когда мы подходили на каякѣ къ острову, но съ юго-запада его не было видно, такъ что весь островъ производилъ очень пріятное впечатлѣніе обиліемъ земли.

Со скалъ съ шумомъ сбѣгала вода, образуя во многихъ

мѣстахъ водопады, и по террасамъ она сбѣгала въ море многочисленными ручьями. Снѣгъ съ открытыхъ мѣстъ почти весь стаялъ, была масса мху, между которымъ былъ и цвѣтущій, а мѣстами на холмахъ много желтенькихъ цвѣточковъ, какіе мы видѣли на мысѣ Мери Хармсвортъ. Но здѣсь растительности было значительно больше, чѣмъ на другихъ видѣнныхъ нами мысахъ; да такъ и должно было быть: почему нибудь да называется же онъ Флора.

Почва еще не просохла, было много грязи и воды. Мѣстами эту площадь пересѣкали широкіе и глубокіе овраги, образованные сбѣгающей съ ледника водой, а на днѣ этихъ враговъ бѣжали шумные потоки. На скалахъ птицъ было видимо-невидимо, и непрерывный ихъ шумъ положительно оглушалъ насъ послѣ тихаго плаванія на каякѣ. Между камнями бѣгали маленькія сѣрыя птички, похожія на куличковъ. Около берега льду почти совершенно не было; только кое-гдѣ виднѣлся припай въ видѣ отдѣльныхъ узкихъ почернѣвшихъ льдинъ.

Мы торопливо, поминутно спотыкаясь на камняхъ, а иногда еще «запинаясь» больными ногами, шли вдоль берега на востокъ, жадно всматриваясь впередъ.

За поворотомъ намъ показалось, что мы видимъ что-то въ родѣ постройки, но скоро она опять скрылась за холмомъ.

Пройдя еще саженъ полтораста, мы увидѣли, что за этимъ холмомъ какъ будто возвышается шестъ. Онъ все больше высовывался изъ-за холма и былъ уже ясно виденъ. Не могло быть сомнѣнія, что мы подходимъ къ самому интересному мѣсту. Мы знали, что деревьевъ на мысѣ Флора быть не могло, значитъ, этотъ шестъ кто-нибудь да ставилъ. Лѣвѣе разсмотрѣли и другой шестъ; къ вершинамъ ихъ что-то было прикрѣплено.

Но вотъ показался и домъ, настоящій бревенчатый домъ съ почти плоской крышей на одинъ скатъ и съ трубой.

Да это ужъ не развалины, а цѣлый домъ. Увидѣли еще домъ и еще постройку и уже были увѣрены, что здѣсь, если не городъ, то порядочный поселокъ, такъ какъ мы за дома впопыхахъ принимали и всѣ большіе камни. Мы такъ были заняты разсматриваніемъ этого поселка, что не обращали вниманія на ближайшіе предметы. Вдругъ совершенно неожиданно, саженяхъ въ 30-ти отъ насъ, около глубокаго оврага мы увидѣли большой промысловый ботъ, норвежскаго типа. Онъ былъ совершенно въ порядкѣ и лежалъ килемъ кверху. Около были сложены различныя принадлежности: весла, рѣшетки и проч. Почему-то показалось, что этимъ ботомъ пользовались очень недавно, можетъ быть, въ этомъ году. Бѣжимъ далѣе къ поселку, къ самому большому дому, ожидая увидѣть людей. Если бы мы ихъ сейчасъ увидѣли, то, право, не удивились бы, такъ какъ мы серіозно вообразили себя въ какомъ-нибудь промысловомъ поселкѣ, о существованіи котораго раньше не знали. Мы не обращали вниманія на то, въ какомъ состояніи эти уже близкіе теперь дома. Они казались намъ новыми, можетъ быть, обитаемыми. Возможно, что сейчасъ откроется какая-нибудь дверь, услышимъ мы незнакомый голосъ и увидимъ какого-нибудь норвежца или англичанина съ трубкой въ зубахъ.

Но подойдя къ дому, мы убѣдились, что онъ необитаемъ: всѣ окна были заколочены, хотя и неплотно, досками, но въ нѣкоторыхъ стекла были разбиты. Дверь въ домъ была полуоткрыта и занесена снѣгомъ, который уже превратился въ грязный ледъ. Нижнія бревна дома были тоже занесены снѣгомъ, но верхняя часть постройки была свѣжа и производила впечатлѣніе недавно поставленной. Но теперь мы не обращали еще вниманія на детали; насъ заинтересовали какіе-то большіе ящики, полузанесенные снѣгомъ, которые лежали у самаго дома. Оторвавъ доску у одного изъ нихъ, мы внутри увидѣли второй ящикъ, но уже жестяной. Раз-

рѣзали ножомъ жесть, и, о счастье! внутри ящикъ оказался полонъ бѣлыми сухарями, галетами. Сейчасъ же у насъ и въ карманахъ и во рту очутились эти чудесныя галеты, о которыхъ мы столько времени только мечтали. Вскрыли второй ящикъ, и онъ оказался тоже съ галетами, но уже лучшаго сорта. Такихъ ящиковъ было пять и не было сомнѣнія, что всѣ они съ галетами. Для того, чтобы понять нашу радость при этомъ открытіи, надо нѣсколько мѣсяцевъ получать ржаные сухари ограниченными порціями, а въ теченіе полумѣсяца не видѣть ни крошки хлѣба или сухаря и питаться одной мясной пищей, безъ всякой абсолютно приправы, кромѣ морской воды. Я раньше не придавалъ особеннаго значенія хлѣбу и никакъ не предполагалъ, что по хлѣбѣ или даже сухарѣ можно тосковать, буквально тосковать, даже тогда, когда мы сыты отъ одного мяса. Читая давно описаніе зимовки Нансена и Іогансена въ мрачной хижинѣ на островѣ Джэксона, когда они питались въ теченіе всей зимы только мясомъ, я находилъ нѣсколько преувеличенными ихъ мечты о сухаряхъ, которые они должны были найти на какой-то промысловой шхунѣ у Шпитцбергена, я находилъ преувеличеннымъ ихъ восторгъ, когда они нашли этотъ хлѣбъ у Джэксона на этомъ же мысѣ Флора.

Но потомъ я понялъ, какъ я ошибался; безъ мяса легче прожить, чѣмъ безъ хлѣба или безъ сухаря; я убѣдился въ этомъ послѣ того, какъ не видѣлъ его только полмѣсяца. Понялъ тогда я дѣйствительную цѣну хлѣба! И теперь, когда мы нашли цѣлыхъ пять ящиковъ сухарей, мы были счастливы, какъ никогда!

Только теперь мы обратили вниманіе, что къ стѣнѣ дома, со стороны входа, была прибита вертикально доска, возвышающаяся надъ крышей аршина на два съ половиной. Къ этой доскѣ на верху была прибита другая доска, поперечная, покороче, на которой была четкая надпись латин-

скимъ шрифтомъ: «Экспедиція Старшаго Лейтенанта Сѣдова 1913 годъ». Вотъ тебѣ разъ! Такъ мы, значитъ, находимся въ гостяхъ въ становищѣ Сѣдова. Но почему здѣсь написано 1913 годъ, когда Сѣдовъ отправился въ томъ же 1912 году, какъ и мы? Странно!.. Подъ поперечной доской были привязаны проволокой двѣ запаянныя жестяныя банки изъ-подъ какао. Это почта, догадался я; должно быть ждутъ прихода судна. Подойдя къ двери, мы увидѣли надпись синимъ карандашомъ: «Первая Русская полярная экспедиція Старшаго Лейтенанта Сѣдова прибыла на капъ-Флора 30-го августа 1913 года и 2 сентября отправилась въ Теплицъ-бай».

Теплицъ-бай... Заливъ Теплица, это названіе знакомо мнѣ. Это на землѣ Кронпринца Рудольфа. Пришли 30-го августа, а 2-го сентября ушли... Повидимому, на собакахъ ушли далѣе, иначе не выгружали бы этихъ ящиковъ и другого имущества, виднѣющагося вдали. Но какъ они успѣли за 4 дня сложить этотъ домъ; а еще удивительнѣе, какъ они успѣли въ немъ пожить и такъ его запустить. Повидимому, они приходили сюда второй разъ зимой или ранней весной, пожили здѣсь, взяли, что могли и что имъ было надо, оставили эту почту въ жестяныхъ банкахъ и опять ушли въ Теплицъ-бай. Заглянули мы въ домъ, но тамъ было темно и такой безпорядокъ, такая грязь, что трудно и вообразить себѣ: грязный ледъ лежалъ слоемъ на треть вышины всего помѣщенія и въ этотъ ледъ вмерзли обломки мебели, разные лохмотья, банки изъ подъ провизіи, грязная посуда и проч. Отложили осмотръ до другого раза и рѣшили идти далѣе къ амбару, стоящему саженяхъ въ тридцати отъ дома. Амбаръ этотъ представлялъ изъ себя большую постройку, сложенную изъ толстыхъ, двухвершковыхъ досокъ на срубъ, раздѣленную внутренней переборкой на двѣ половины, каждая съ отдѣльной дверью, но этихъ дверей не было, онѣ были сорваны. Большей части крыши и

потолка у этой постройки тоже не было. Внутри амбаръ наполовину былъ наполненъ льдомъ, изъ подъ котораго высовывались ящики, ряды банокъ, бочки, большіе желѣзные бидоны, непромокаемая одежда, парусина и масса какихъ-то обломковъ. Въ другой половинѣ, кромѣ перечисленнаго, наполовину высовывался изъ подъ льда зеленый каякъ, хорошей работы. Сбоку около амбара была полуразрушенная пристройка-сарайчикъ, въ которомъ лежали мелко напиленныя дрова.

Вокругъ амбара была масса навозу, непролазная грязь и лужи воды. Въ этой грязи и въ водѣ, на большомъ разстояніи вокругъ были разбросаны ящики съ какими-то банками, банки безъ ящиковъ, бочки, ломаныя нарты, обрывки сбруи, посуда и много еще разныхъ предметовъ. Многія банки были проржавѣвшія, пробитыя, и содержимые въ нихъ консервы совершенно негодные, но много банокъ было еще цѣлыхъ и невредимыхъ.

Впечатлѣніе получилось въ общемъ такое: стоялъ амбаръ, въ которомъ былъ когда-то устроенъ хорошій складъ, и въ этомъ складѣ одного только птичьяго молока не было; но вотъ, случился пожаръ, прибыли пожарные, разобрали крышу и потолокъ, выбили окна и двери, разбросали кругомъ, какъ попало, на большомъ разстояніи, весь товаръ, поломали, побили, залили все потоками воды, которая сейчасъ же замерзла, а потомъ ушли... Но пожара не было, это ясно. Стѣны и остатокъ потолка даже не очень почернѣли отъ времени, дерево было почти свѣжее.

Вскрыли мы нѣсколько банокъ съ консервами и нашли тамъ свинину, селедки копченыя и консервированныя и мясо кролика. Попробовали на вкусъ: какъ будто только сейчасъ изъ магазина!..

Банки эти мы взяли съ собой и пошли далѣе.

На другой линіи съ домомъ и амбаромъ, саженяхъ въ тридцати отъ послѣдняго, стояла какая-то странная по-

стройка легкаго типа. Она была восьмигранная, при чемъ каждая грань, немного наклонная внутрь, состояла изъ отдѣльнаго щита и эти щиты, повидимому, можно было разобрать. Крыша у этой постройки была шатромъ, коническая, входъ черезъ отдѣльныя сѣнцы или прихожую, и вся постройка была очень похожа на маленькій циркъ. Внутри стѣны обтянуты крашеной парусиной, а вдоль стѣнъ были устроены койки. Когда-то эта постройка должно быть была очень хороша, работа аккуратная, красивая и легкая, но время наложило на нее свою руку. Сдѣлана она, конечно, не для здѣшняго суроваго климата, а по всей вѣроятности когда-нибудь служила для кратковременнаго житья въ болѣе тепломъ мѣстѣ. На полу былъ такой же слой льда, такая же грязь и разрушеніе, какъ и въ первыхъ двухъ постройкахъ. Въ серединѣ изъ подо льда высовывался верхъ чугунной печи, валялись лохмотья и обломки мебели, ящиковъ и прочаго хлама. На койкахъ мы нашли нѣчто существенное и важное для насъ: тамъ лежали въ ящикѣ и прямо разсыпанные патроны для винтовки и для дробовки, при чемъ дробовые для ружья 12-го калибра, какъ и наша двустволка. Между этими послѣдними было нѣсколько патроновъ, заряженныхъ пулями. Находка патроновъ была очень кстати для насъ, а это совпаденіе калибровъ прямо насъ поразило. Право, не дурно.

На койкѣ же стоялъ большой аптечный сундукъ, полный всевозможныхъ лѣкарствъ и перевязочныхъ средствъ. Сундукъ этотъ, кажется, изъ всѣхъ предметовъ наиболѣе сохранился, но пока онъ насъ заинтересовалъ только своими бѣленькими круглыми мятными леденцами (пеперментки), и стеклянную банку ихъ съ притертой пробкой мы взяли съ собой «къ чаю».

Между постройками и берегомъ была цѣлая свалка: тутъ были порожнія банки изъ подъ разныхъ консервовъ, кастрюли, тарелки, сковороды, чайники, ложки и проч. Все

это было старое, грязное и поломанное; не хватало ручекъ, крышекъ, носковъ, но между этими вещами попадались и хорошія, годныя къ употребленію. Здѣсь же валялись обломки нартъ, большихъ и малыхъ, обрывки собачьей и конской упряжи, какіе-то непонятные предметы и приспособленія, и вся эта куча похожа была на развалъ на «толкучкѣ»: богатство такое, что у насъ голова закружилась. Ясно было, что мы обезпечены на долго всѣмъ необходимымъ и даже «предметами роскоши».

Теперь намъ надо было подыскать себѣ приличную «квартиру».

Ни въ главномъ домѣ, ни въ амбарѣ, ни въ «циркѣ» — жить было нельзя въ настоящемъ ихъ видѣ. Напротивъ главнаго дома, въ сторону къ утесамъ, стояла четвертая постройка, не менѣе странная, чѣмъ «циркъ». Какъ потомъ мы разсмотрѣли, это была судовая рубка, или цѣликомъ перенесенная съ судна, или на берегу собранная по судовому образцу. Вдоль ея стѣнъ, на разстояніи около фута отъ нихъ, былъ воткнутъ въ землю рядъ бамбуковыхъ палокъ, образуя нѣчто въ родѣ частой рѣшетки, переплетенной проволокой и скрѣпленной планками. Между этой рѣшеткой и стѣнками рубки былъ положенъ торфъ, или мохъ, который раньше должно быть былъ во всю вышину постройки, но отъ времени онъ осѣлъ до половины вышины. Такая же бамбуковая рѣшетка ограждала небольшую площадку передъ входомъ, образуя что-то въ родѣ крытаго палисадника или клѣтки съ отдѣльною дверью. Бамбуки эти когда то можетъ быть служили для цѣлей съемки и на многихъ изъ нихъ еще сохранились флажки. Эта маленькая усадебка показалась намъ очень оригинальной и симпатичной; около нея не было грязи, такъ какъ она стояла на возвышенномъ мѣстѣ, и не видно было слѣдовъ разрушенія, какъ у другихъ построекъ. Въ нее мы и вошли.

Въ палисадникѣ было устроено кузнечное горно, при

чемъ мѣхи были какой-то особенной конструкціи. Дверь въ постройку была прикрыта плотно, и къ ней прибита лошадиная подкова, кажется, у всѣхъ считающаяся эмблемой счастья. Войдя въ помѣщеніе, мы увидѣли, что жить здѣсь вполнѣ можно. Налѣво стояла чугунная печка, около которой находился ящикъ съ мелко напиленными дровами, направо былъ столикъ, а прямо противъ двери широкія нары.

Была здѣсь и нѣкоторая утварь, лампа и посуда. На полу, правда, и здѣсь былъ слой льду, но не толстый, который не трудно было убрать. Здѣсь мы и устроились, сложивъ на столѣ свои «покупки» — консервы и сухари. Скоро весело запылалъ огонь въ печкѣ, стало жарко, и мы могли, наконецъ, снять съ себя мокрую, еще послѣ нашего купанья, одежду; принялись готовить обѣдъ, сварили супъ изъ хорошаго жирнаго консервированнаго мяса, запустили его найденнымъ сушенымъ картофелемъ и съ аппетитомъ принялись обѣдать съ долгожданными сухарями. Какъ пріятно было раздѣться въ жаркомъ домикѣ, послѣ трехъ мѣсяцевъ пребыванія на холоду. Мы были дома, были сыты, и у насъ было все, что только мы могли пожелать и о чемъ, конечно, не мечтали, когда шли къ мысу Флора! Флора превзошла всѣ наши самыя смѣлыя мечты. Утомленные и дорогой, и массой новыхъ впечатлѣній, мы легли спать въ обстановкѣ, отъ которой отвыкли. Сколько разъ мы мечтали объ этой минутѣ, объ этомъ теплѣ, когда въ метель, голодные и холодные — тащились по тяжелой дорогѣ по льду, безнадежно поглядывая на горизонтъ и ломая голову, какъ достать топлива, чтобы хотя натаять воды изъ льда для питья передъ сномъ.

Да, теперь мы были спасены. Теперь мы не опасались за будущее. Только бы собрать намъ нашихъ раскиданныхъ спутниковъ! Гдѣ то они теперь?

IX. ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ЗИМОВКѢ.

Спали мы какъ убитые и, должно быть, долго. Послѣ завтрака принялись за работу, которой было много. Прежде всего надо подвести къ поселку каякъ, оставленный версты за двѣ отсюда, вытащить его въ безопасное мѣсто и взять въ домикъ всѣ остатки нашего снаряженія, котораго, правда, осталось немного: компасъ, бинокль, хронометръ, секстанъ, двѣ книжки, паруса, топоръ, спички, да двѣ или три банки, изъ которыхъ одна была съ почтой. Послѣ этого намъ предстояло приняться за большую спѣшную работу: спасать провизію, валяющуюся въ водѣ и грязи, которая съ каждымъ днемъ портилась все больше. За провизію, вмерзшую въ ледъ, мы особенно не безпокоились: она еще можетъ ждать. Пока мы принялись собирать разбросанныя вездѣ банки, а ихъ было много. Тутъ пришлось убѣдиться, что добрая половина банокъ, къ сожалѣнію, уже никуда не годилась: иныя были пробиты, иныя проржавѣли насквозь, и провизія въ нихъ уже испортилась. Но оставшіяся всѣ были собраны, просушены и разсортированы. Пока не была устроена нами кладовая для храненія провизіи, мы эти банки разставляли частью въ нашемъ палисадникѣ, а частью прямо около амбара на доскахъ.

Послѣ этого приступили мы къ выкалыванію изо льда полуобнаруженныхъ ящиковъ и банокъ, сверху покрытыхъ талой водой. Начались «раскопки Помпеи». Постепенно,

ящикъ за ящикомъ, банку за банкой, боясь повредить, работая ножами и топоромъ, стали мы извлекать на свѣтъ Божій различные консервы и вещи. Работа кропотливая, требующая терпѣнія, но за то и интересная, полная самыхъ неожиданныхъ открытій и пріятныхъ сюрпризовъ.

Чего, чего мы ни нашли только во время этихъ раскопокъ. Пеммиканъ, мясо, баранина, свинина, кроликъ, всевозможная рыба, масло, какія-то колбасы въ запаянныхъ банкахъ, сушеная и прессованная зелень, сушеный картофель, большія плитки шоколада, но безъ сахару, какой-то яичный порошокъ, должно быть для печенія, и многое другое. Многое изъ этого перечня было порченое, хотя и сохранилось подъ слоемъ льда. Должно быть, оно испортилось ранѣе, когда этого льда еще здѣсь не было, слѣдовательно, не въ этомъ году.

Во льду же, покрытомъ водой, мы нашли цѣлые пуды чая въ жестяныхъ полуфунтовыхъ коробкахъ; почти весь чай былъ никуда не годенъ, такъ какъ коробки проржавѣли, и чай отсырѣлъ и заплѣсневѣлъ. Тѣмъ не менѣе, мы взяли нѣсколько коробокъ, наиболѣе сохранившихся, и, просушивъ его, пили съ удовольствіемъ. Въ большихъ желѣзныхъ банкахъ, открытыхъ сверху и залитыхъ водой, нашли мы нѣсколько пудовъ кофе, который былъ окончательно испорченъ. Въ желѣзныхъ бидонахъ, тоже подъ водой, было найдено много овса, повидимому, для лошадей. Хотя онъ и отсырѣлъ, но мы пробовали изъ него сдѣлать овсяный кисель, и получалась вполнѣ съѣдобная вещь, такъ что мы рѣшили этотъ овесъ еще использовать зимой. Въ амбарѣ же нашли мы два ящика съ галетами, совершенно размокшими и превратившимися въ кашу. Нашли нѣсколько пудовъ керосину и ящикъ стеариновыхъ свѣчей, что будетъ очень кстати длинной зимней ночью. Найдены были лохмотья уже совершенно истлѣвшей одежды. Найдены были шелковыя легкія палатки, при чемъ на каждой изъ

нихъ были шелковыя же красныя надписи и номера каждой палатки; эти надписи, по англійски, поставили меня нѣсколько втупикъ: «Полярная экспедиція Циглера № 12». Подобныя надписи или клейма были на многихъ, найденныхъ нами предметахъ: на топорахъ, на лыжахъ, на каякѣ, на приборахъ для варки пищи спеціально въ санныхъ экспедиціяхъ, на лопатахъ и проч. Всѣ вещи были лучшаго качества, и каждая была занумерована. Этотъ неизвѣстный намъ Циглеръ совершенно сбилъ меня съ толку.

Какъ я уже говорилъ, первоначально у насъ составилось очень простое представленіе: мы еще не нашли зимовки Джэксона и находимся въ становищѣ Сѣдова. Немного смущало насъ, правда, обиліе разнаго старья и запущенность построекъ, но часть хлама была еще покрыта снѣгомъ, а кромѣ того, мы это объясняли спѣшнымъ уходомъ зимой, при вторичномъ посѣщеніи мыса Флоры. Съ другой стороны внѣшній видъ хорошо сохранившагося снаружи дома, на первый взглядъ производившаго впечатлѣніе недавно построеннаго, наше предвзятое ожиданіе найти только развалины становища Джэксона, двѣ надписи Сѣдова, почта оставленная имъ, двѣ или три пустыхъ банки изъ подъ русскихъ консервовъ, найденныя нами, вотъ тѣ первоначальныя причины моего заблужденія, въ которомъ я былъ дня два. Однажды, забравшись въ большой домъ, который очень походилъ внутри на помойную яму и въ которомъ слой грязи и льда былъ толщиною до двухъ футовъ, мы нашли на одной стѣнѣ вмѣсто обоевъ, какой-то сгнившій лоскутъ матеріи. Разсмотрѣвъ эти лохмотья при свѣтѣ солнца, мы увидѣли, что это сукно, совершенно истлѣвшее и бывшее когда-то зеленаго цвѣта. Внезапно я припомнилъ, что Нансенъ, описывая жилище Джэксона говоритъ, что стѣны его были обтянуты зеленымъ сукномъ. Въ серединѣ большой комнаты стоитъ хорошая чугунная печь, а къ потолку надъ ней аккуратно прибиты деревянныя планочки, назначеніе

которыхъ ясно: сушить надъ печкой намокшее платье. Нансенъ тоже про это пишетъ. Присмотрѣвшись внимательнѣе, я уже нашелъ, что домъ далеко не такъ молодъ, какъ показался мнѣ первоначально, благодаря предвзятымъ ожиданіямъ. Конечно, это домъ Джэксона! А съ другой стороны и не похоже... У того было чистое, удобное помѣщеніе, «масса мѣста», какъ говорилъ онъ Нансену при встрѣчѣ, и людей съ нимъ было немного. А здѣсь устроены койки въ три ряда, одна надъ другой, человѣкъ на сорокъ или тридцать пять. Съ одной стороны, какъ будто здѣсь было и хорошее помѣщеніе, а съ другой стороны и скверное. Койки сбиты наспѣхъ изъ плохо строганныхъ досокъ, матрацы на нихъ сгнили до того, что ихъ приходится сбрасывать лопатой, а тутъ же около стоитъ хорошее кресло.

Прекрасный удобный столъ, можетъ быть, когда-то служившій письменнымъ, грубо починенъ обрѣзкомъ нестроганой доски. Къ потолку привѣшены на проволокахъ и прибиты гвоздями, противъ каждаго паза между досками, длинные, кое-какъ согнутые изъ жести желоба, такъ какъ, должно быть, крыша и потолокъ протекали. Весь потолокъ былъ увѣшанъ этими некрасивыми заржавленными желобами. У каждой койки наспѣхъ сдѣланы полочки и ящики, въ которыхъ во всѣхъ были грязныя банки и пузырьки съ различными лѣкарствами. Нѣтъ, положительно, въ такомъ грязномъ, запущенномъ, нездоровомъ помѣщеніи не могъ жить Джэксонъ, этотъ джентльменъ, который, говорятъ, къ обѣду выходилъ во фракѣ. Ясно, что за двадцать лѣтъ здѣсь было двое, а то и больше, хозяевъ. Сначала устраивалось удобное, свѣтлое помѣщеніе, обставлялось комфортомъ, стѣны обтягивались сукномъ, предусматривалась долгая, въ теченіе нѣсколькихъ зимъ, жизнь въ приличныхъ условіяхъ. Такое помѣщеніе и засталъ Нансенъ.

Но вотъ, послѣ уже, откуда-то появились какіе-то другіе люди: ихъ было много, явились они поздно, надо было

торопиться, чтобы какъ-нибудь устроиться и помѣститься всѣмъ до наступленія зимы. И стали они наспѣхъ дѣлать эти трехъярусныя койки — гробы, приколачивать къ потолку эти жестяные желоба, такъ какъ потолокъ къ тому времени уже протекалъ. У нихъ, должно быть, было нѣсколько лошадей, скелеты и черепа которыхъ мы видѣли въ разныхъ мѣстахъ около амбара и цирка. Поломанныя нарты, которыя мы видѣли на свалкѣ, были слишкомъ велики для собакъ, — онѣ предназначались для лошадей. Въ домѣ, на стѣнѣ, нашли мы винтовку, заржавленную до того, что для употребленія она не годилась. На этой винтовкѣ, на прикладѣ выжжено клеймо: «Полярная экспедиція Циглера». Такое же клеймо и на лежащемъ въ домѣ топорѣ, на длинной ручкѣ.

Нѣтъ, положительно, своимъ грязнымъ запущеннымъ видомъ дома обязаны не Сѣдовской экспедиціи. Надо было много времени, чтобы сгнили эти матрацы и лохмотья одежды. Эта экспедиція была раньше Сѣдовской. Какъ спѣшно она пришла, такъ же спѣшно и ушла куда-то, не убравъ грязи, не заколотивъ хорошенько оконъ и не закрывъ крѣпко дверей. И по всей вѣроятности это была экспедиція Циглера, совершенно мнѣ не извѣстная. Откуда и куда шелъ этотъ таинственный Циглеръ или его экспедиція.

А вотъ, кажется, и отвѣтъ на этотъ вопросъ. На одной изъ коекъ находимъ мы большой листъ бумаги; повидимому, это нѣчто въ родѣ юмористической газеты, случайно изданной на мысѣ Флора по поводу наступленія Новаго Года.

Первая картинка изображаетъ двухъ джентльменовъ, сидящихъ за стаканомъ и пьющихъ виски. Они, должно быть, говорятъ между собой: а хорошо бы открыть сѣверный полюсъ. Конечно, недурно. И вотъ корабль, по всей вѣроятности съ этими джентльменами, уже въ морѣ. Но у какого-то высокаго мыса, можетъ быть сѣвернѣе Флоры,

этотъ корабль отъ неизвѣстной причины идетъ ко дну и изъ воды видна только одна его корма. Слѣдующая картина изображаетъ путешествіе обратно на югъ по Землѣ Франца Іосифа. Длинной вереницей растянулся обозъ, запряженный и лошадьми, и собаками, и, повидимому, всѣ приходятъ на мысъ Флора. Потомъ эта компанія, уже должно быть въ наступающемъ году, какимъ-то образомъ очутится въ обитаемыхъ мѣстахъ и поѣдетъ въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ. Конечно, они доберутся благополучно до дома и въ одинъ прекрасный день очутятся въ кругу родныхъ и знакомыхъ.

Вотъ, по какимъ «достовѣрнымъ источникамъ» мы познакомились съ экспедиціей Циглера.

Около амбара среди нѣсколькихъ порожнихъ бочекъ мы нашли одну изъ подъ вина. На ней было выжжено клеймо «Сѣверный полюсъ». Не экспедиція ли Циглера предусмотрительно запаслась этимъ виномъ, которое предстояло распить по прибытіи на сѣверный полюсъ? Въ нашемъ представленіи этотъ Циглеръ или, вѣрнѣе, остатки снаряженія этой экспедиціи и «свалка» около домовъ, были неизсякаемымъ источникомъ всякихъ сокровищъ: нѣчто въ родѣ «универсальнаго» магазина. Когда намъ нужна была та или другая вещь для хозяйства, то мы смѣло шли въ домъ, амбаръ, циркъ, или на «свалку» и всегда находили нужную вещь. «Надо сходить къ Циглеру, не найдется ли тамъ ложекъ», и мы находили. «Александръ, не поищешь ли ты у Циглера ситечко для протиранія овса!» И Александръ шелъ и находилъ. Такимъ образомъ, мы «у Циглера купили» кофейную мельницу, хорошую лампу, ножи столовые и вилки, различные инструменты и всевозможную посуду. Циглеровская винтовка у насъ была разобрана и отмачивалась въ керосинѣ, послѣ чего мы надѣялись привести ее въ надлежащій видъ.

Проходя какъ то на востокъ, за однимъ изъ холмовъ я увидѣлъ высокій, узкій, очень правильный камень. Подхожу

ближе и къ своему величайшему изумленію вижу великолѣпный памятникъ - обелискъ. Изъ надписи на немъ золотыми буквами я узналъ, что этотъ памятникъ поставленъ въ 1900 году судномъ «Стелла Поларе» Полярной экспедиціи Герцога Абруццкаго своей пропавшей безъ вѣсти санной партіи. Конечно, эта вторичная экспедиція, привезя съ дальняго юга сюда этотъ памятникъ своимъ пропавшимъ товарищамъ, не позабыла захватить съ собой и болѣе существенное, все необходимое для существованія на сѣверѣ. Должно быть, она много чего привезла и сложила въ амбарѣ, но кто-то уже послѣ раскидалъ и перепортилъ это добро.

Такъ что, хотя мы и называли всѣ наши находки полезныхъ вещей «покупкой у Циглера», но ясно было, что не одному Циглеру мы были обязаны ими. Возможно, что экспедиція Циглера сама многимъ воспользовалась изъ склада въ амбарѣ.

Недалеко отъ нашей усадебки, ближе къ утесамъ, мы нашли могильный холмъ съ деревяннымъ крестомъ, окрашеннымъ красной краской. Какой бѣдняга нашелъ себѣ здѣсь успокоеніе, это намъ не было извѣстно.

Здѣсь была земля и всѣ нужные инструменты для копанія, а потому эта могила была лучше, чѣмъ могила нашего Нильсена. Тамъ мы могли только сложить надъ его тѣломъ холмъ изъ камней, а на крестъ у насъ не было матеріала.

Постепенно изъ подъ льда была выколота почти вся провизія. Оставалось немного несущественнаго, которое мы собирались разобрать послѣ. Теперь же надо было убрать то, что уже было вынесено наружу.

Въ большомъ домѣ часть сѣней была отгорожена переборкой подъ кладовую. Здѣсь, какъ и вездѣ, была та же грязь, тотъ же ледъ. Очистивъ ее и добавивъ полокъ, мы сложили по сортамъ рядами на полкахъ всю провизію. Видъ получился внушительный и очень красивый. Длинные ряды банокъ различной формы и величины, со свѣжими даже эти-

кетами, напоминали хорошій гастрономическій магазинъ. Кладовая оказалась полной.

Большую часть этой работы, раскопки провизіи и сортировки, сдѣлалъ Кондратъ. Работа эта серіозная и очень кропотливая, но Александръ добросовѣстно ее выполнилъ. Съ утра и до поздняго вечера проводилъ онъ время «въ Помпеѣ», только иногда навѣщая меня, чтобы подѣлиться тѣмъ или другимъ пріятнымъ открытіемъ.

Я же съ самаго прибытія на мысъ Флора былъ боленъ, и мнѣ становилось все хуже. Жаръ и ознобъ не покидали меня. Большую часть времени я былъ въ бреду, а иногда были какіе-то кошмары. Мнѣ все казалось, что насъ на мысѣ Флора живетъ трое. Лежа въ бреду, я вскакивалъ и бѣжалъ къ раскопкамъ звать Александра. Я зналъ, что онъ тамъ работаетъ и никакъ не могъ припомнить, куда отправился «онъ, третій». Спрашивалъ Александра, гдѣ «онъ», но кто онъ, я и самъ не могъ припомнить. На свѣжемъ воздухѣ я приходилъ немного въ себя, припоминалъ все происшедшее съ нами, что насъ осталось только двое, и съ тоской шелъ обратно на койку. Къ общему недомоганію прибавилась опухоль и боль въ ногахъ, и въ минуты сознанія я опасался плохого конца для себя. Положимъ, что опухоль въ ногахъ была и у Александра. Мысль о пропавшихъ спутникахъ, въ особенности о Луняевѣ и Шпаковскомъ, не давала обоимъ намъ покоя. Временами, когда мнѣ было лучше, мы садились у дверей своей усадебки и смотрѣли на разстилающееся передъ нами море, втайнѣ надѣясь, что покажется гдѣ нибудь каякъ съ пропавшими. Развѣ это не можетъ быть. Возможно, что ихъ отнесло очень далеко на каякѣ или на льдинѣ, на которую они предпочли перебраться. Но вѣдь тамъ за горизонтомъ долженъ быть ледъ и большой ледъ. Трудно ожидать, чтобы это свободное море тянулось вплоть до Мурмана или до береговъ Новой Земли; вѣроятнѣе, что южнѣе есть широкая полоса льда, такого же плавучаго,

какъ и тотъ, по которому мы шли. Возможно, что нашихъ спутниковъ отнесло къ этому льду, гдѣ они, конечно, могли убить нѣсколько тюленей и, питаясь ими, при благопріятномъ вѣтрѣ и погодѣ рѣшили отправиться обратно къ островамъ. Каякъ у нихъ крѣпкій, стойкій, и такой переходъ сдѣлать возможно. Но напрасно мы всматривались въ горизонтъ, напрасно разсматривали въ бинокль отдаленныя льдинки, ничего не было видно похожаго на каякъ. Медленно проходили мимо насъ льдины, гонимыя приливомъ и отливомъ то на западъ, то на востокъ, часто на нихъ мирно грѣлись моржи по нѣсколько штукъ заразъ, но нашихъ пропавшихъ спутниковъ не было.

15-го іюля, рано утромъ, Кондратъ рѣшилъ ѣхать на островъ Белль, а если будетъ возможно, т.-е., если ледъ не взломанъ, то доѣхать до мыса Гранта и посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ береговой партіи или, по крайней мѣрѣ, ихъ слѣдовъ.

Въ то время я ѣхать не могъ, т. к. только временами мнѣ было настолько лучше, что я могъ ходить; больше же я лежалъ на койкѣ и чувствовалъ себя плохо; на каякѣ я былъ бы только лишнимъ грузомъ. Да и Александра къ этой поѣздкѣ побуждало отчасти опасеніе остаться на зиму одному.

Взявъ съ собой ящикъ съ провизіею, двустволку съ патронами, Александръ при хорошей погодѣ и легкомъ попутномъ вѣтрѣ отправился подъ парусомъ къ острову Белль. Скоро каякъ превратился въ точку, а черезъ часъ и точка исчезла. Я остался одинъ. Это время одиночества было очень тяжелое для меня. Лежа почти въ забытьи, я переживалъ различные эпизоды изъ нашего странствованія, которые перепутывались съ ужасными кошмарами, во время которыхъ я слышалъ голоса за дверью, или даже мнѣ казалось, что кто-то открываетъ дверь; я выскакивалъ изъ домика, но, конечно, никого не оказывалось тамъ. На нѣко-

торое время я приходилъ въ себя, припоминалъ, что сейчасъ я одинъ, но потомъ опять начиналось то же самое.

На столѣ у меня стояли раскрытыя банки съ различной провизіей и консервами, вода, галеты и лежала хина, взятая изъ аптечнаго сундука. Все это приготовилъ для меня Александръ передъ своимъ отъѣздомъ. Но аппетита у меня не было; я только принималъ хину, пилъ воду, подбрасывалъ дровъ въ печку и опять ложился. По прибытіи на мысъ Флора, мы передѣлали нары въ нашемъ домикѣ, такъ какъ онѣ занимали очень много мѣста. Вмѣсто нихъ мы сдѣлали двѣ койки одна надъ другой и находили это удобнѣе. Моя койка была нижняя.

Черезъ двое сутокъ я началъ безпокоиться объ Александрѣ, не случилось ли какого нибудь несчастья и съ нимъ.

Вечеромъ 17-го іюля я одѣлся въ малицу и рѣшилъ дожидаться Александра, сидя около дверей на ящикѣ.

Этотъ неумолкаемый гвалтъ на утесахъ, временами прерываемый какими то дикими завываніями, способенъ и на здороваго человѣка нагнать тоску. Безпрестанно льется со скалъ водопадами вода; временами она подмываетъ гдѣ-то наверху ледъ и снѣгъ, и происходятъ шумные обвалы. Невольно вскочишь съ мѣста отъ этого шума; кажется, что обвалъ случился гдѣ нибудь недалеко отъ нашего домика, такъ силенъ этотъ грохотъ и сотрясеніе воздуха.

Я прождалъ Александра всю ночь, только иногда заходя въ домикъ. Часа въ 4 утра я увидѣлъ по направленію острова Белль какую-то точку, похожую на каякъ, но все еще не вѣрилось. Въ то время какъ ледъ медленно плылъ по проливу на югъ, точка эта какъ будто подвигалась немного на сѣверъ. Немного погодя стало замѣтно, какъ по сторонамъ черной точки что то поблескиваетъ съ правильными промежутками времени, то съ одной стороны, то съ другой. Да, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что это каякъ, а по сторонамъ его блеститъ на солнцѣ двухлопастное весло, то опу-

скаясь, то поднимаясь изъ воды. Черезъ часъ онъ скрылся за высокимъ берегомъ, а въ 6 часовъ утра я увидѣлъ уже Александра, идущаго по берегу, и побрелъ къ нему навстрѣчу.

Кондратъ шелъ одинъ; когда я подошелъ къ нему, то онъ не могъ сдержаться и заплакалъ. Нечего было и разспрашивать: я понялъ, что онъ никого не нашелъ и не видѣлъ слѣдовъ. До самаго мыса Гранта онъ дойти не могъ, такъ какъ тамъ былъ наносный ледъ, но мысъ былъ виденъ хорошо въ бинокль: можно было разсмотрѣть каждый камень. Александръ стрѣлялъ, кричалъ и даже переночевалъ въ виду мыса.

Но мы все еще не теряли надежды. Рѣшили вторично отправиться къ мысу уже вдвоемъ, какъ только устроимъ себѣ помѣщеніе для зимовки.

Въ этомъ маленькомъ домикѣ мы не предполагали зимовать, такъ какъ по всей вѣроятности здѣсь будетъ очень холодно. Надо было привести въ порядокъ большой домъ, за что и принялись съ утра. Это была не малая работа. Для очистки дома слѣдовало принимать мѣры энергичныя. Прежде всего были оторваны отъ всѣхъ оконъ доски и выставлены рамы; потомъ мы принялись ломать всѣ до одной койки и вынесли всю мебель. Мы рѣшили оставить только однѣ стѣны и печки; только такимъ образомъ можно было сколько нибудь высушить помѣщеніе. На стѣнахъ были прибиты кое-какъ какіе-то мокрые лоскутья тряпокъ, кожи и бумаги, какія-то дранки, доски съ прослойкой сгнившаго мокраго войлока. Такая грязь, такая вонь, что трудно себѣ и представить.

Чугунный камелекъ, который стоялъ посрединѣ помѣщенія, былъ разбитъ, а потому мы рѣшили здѣсь сложить небольшую кирпичную печь, которая держала бы больше тепла и въ которой одновременно мы могли бы готовить себѣ пищу. Кирпичъ для печи взяли отъ кузнечнаго горна, устро-

еннаго въ нашемъ палисадникѣ, а частью собрали въ разныхъ мѣстахъ около построекъ. За печникомъ дѣло не стало, такъ какъ Кондратъ раньше работалъ печникомъ. Кромѣ того намъ предстояло починить потолокъ и крышу, для чего требовался дернъ и мохъ. Неподалеку мы нашли большую кучу мха, «ягеля», припасеннаго еще должно быть Джэксономъ. Мы работали въ большомъ домѣ весь день съ перерывами только для обѣда и чая.

Работая тамъ, мы нашли подъ койками болѣе тысячи патроновъ для «Циглеровской» винтовки. Это была цѣнная находка, такъ какъ мы надѣялись привести винтовку въ порядокъ. Она была намъ очень нужна. Раза три насъ уже навѣщали медвѣди, но они были осторожны, близко не подпускали и потому мы не могли ни одного убить изъ двустволки.

А между тѣмъ намъ необходимо было еще до наступленія зимы убить нѣсколько медвѣдей. Во-первыхъ, ихъ свѣжее мясо никогда не могло быть лишнимъ, хотя бы мы имѣли достаточно консервовъ. А во-вторыхъ, наша одежда очень нуждалась въ ремонтѣ и пополненіи, а медвѣжьи шкуры не оставляли желать ничего лучшаго для этой цѣли.

Кромѣ того намъ винтовка была нужна для моржей, за которыми, ради ихъ шкуръ и мяса, мы предполагали поохотиться.

Различные обрывки одежды и оленьи шкуры, найденные нами въ различныхъ мѣстахъ, мы аккуратно собирали и сушили на крышѣ дома. Этотъ хламъ долженъ былъ пригодиться намъ для ремонта нашего гардероба. Иглы и нитки мы нашли въ домѣ, а бѣлье предполагали сдѣлать изъ сохранившихся у насъ парусовъ отъ каяковъ и изъ одной изъ наиболѣе рваныхъ шелковыхъ палатокъ Циглера.

Исправленіемъ и шитьемъ одежды и бѣлья мы должны были заняться послѣ нашей поѣздки на мысъ Гранта, уже

въ «новомъ» домѣ, когда настанутъ темные вечера и всѣ работы на дворѣ будутъ окончены.

Въ большомъ домѣ, въ мусорѣ, Кондратъ неожиданно нашелъ обыкновенный русскій ситцевый кисетъ съ махоркой. Какъ онъ попалъ сюда, не могу себѣ представить. Впрочемъ, его могъ обронить кто нибудь изъ команды Сѣдова. Мы съ Кондратомъ заядлые курильщики, но табакъ на «Св. Аннѣ» вышелъ уже годъ тому назадъ, и могу сказать по личному опыту, что это слишкомъ большой срокъ для курильщика. Чѣмъ только ни пробовали на «Св. Аннѣ» замѣнить табакъ! Курили и сушеный хмѣль, и чай, и даже траву отъ матрацовъ, но, увы, эти суррогаты только раздражали курильщиковъ, но табака замѣнить не могли.

Можно себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ теперь на мысѣ Флора, послѣ обѣда, мы свертывали изъ бумаги «козью ножку», насыпали ее просушенной махоркой и курили! Послѣ долгаго перерыва мы чувствовали себя, какъ пьяные, и у насъ кружилась голова.

Вечеромъ, по окончаніи работъ въ большомъ домѣ, послѣ ужина, мы сидѣли въ своей усадьбѣ, занимались различными мелкими работами, дѣлились своими планами, надеждами и дѣлали различныя предположенія.

Долженъ упомянуть объ одномъ странномъ обстоятельствѣ, рисующемъ наше душевное состояніе по прибытіи на мысъ Флора.

Въ тотъ моментъ, какъ увидѣлъ я надписи Сѣдова и двѣ банки съ почтой, привѣшенныя надъ домомъ, у меня мелькнула мысль, что въ этомъ году должно придти судно изъ Архангельска за экспедиціей Сѣдова. Это предположеніе съ теченіемъ времени обратилось почему-то въ твердую увѣренность. Ждалъ я это судно въ августѣ мѣсяцѣ.

Только въ случаѣ большого скопленія льда, препятствующаго доступу къ мысу Флора, приходъ судна могъ быть отсроченъ до будущаго года. Это я допускалъ. На этотъ

несчастный случай мы и готовились къ зимовкѣ: собирали провизію, устраивали большой домъ, готовили одежду. Но мы видѣли свободное отъ льда море отъ мыса Мери Хармсвортъ и далѣе на востокъ отъ мыса Флора, на протяженіи около 90 миль, и я полагалъ, что въ этомъ году вообще не слѣдуетъ ожидать большого скопленія льда южнѣе. Вѣроятнѣе всего, что судну удастся пробиться къ мысу Флора. Увѣренность моя въ этомъ была такъ велика, что я до прихода судна не вскрылъ банокъ съ почтой, которыя были привязаны проволокой надъ большимъ домомъ. Изъ писемъ, помѣщенныхъ въ нихъ, я много узналъ бы очень интереснаго для меня, и я увѣренъ, что всякій на моемъ мѣстѣ первымъ дѣломъ открылъ бы эти банки. Теперь, когда я оглядываюсь назадъ, мнѣ самому кажется странной моя увѣренность въ приходѣ ожидаемаго судна. Мнѣ странно и самому теперь, почему я не открылъ эти банки съ почтой, которыя для того и повѣшены, чтобы ихъ открыли и прочли письма. Но тогда я спокойно проходилъ мимо нихъ десятки разъ въ день и даже не обращалъ на нихъ вниманія. И, можетъ быть, я очень хорошо сдѣлалъ, что не прочелъ писемъ, содержавшихся въ банкахъ. Много узналъ бы я изъ этихъ писемъ неожиданнаго для меня, что дало бы совершенно другое направленіе нашимъ планамъ и дѣятельности и, кто знаетъ, можетъ быть, мы сдѣлали бы такой шагъ, который могъ быть для насъ опаснымъ.

Но такъ или иначе, мы спокойно ждали, а почта висѣла на своемъ мѣстѣ. Работа по очисткѣ дома приближалась къ концу; оставалось только выбросить нѣсколько десятковъ лопатъ льда и мусора, начать топить печи для просушки помѣщенія и вымыть его.

X. СУДНО ПРИШЛО!

20-го іюля, около 6 часовъ вечера, я окончилъ работу въ домѣ и отправился готовить ужинъ. Кондратъ еще остался на работѣ. Остановившись на площадкѣ передъ домомъ передохнуть послѣ усиленной работы въ душномъ, затхломъ помѣщеніи и подышать свѣжимъ воздухомъ, я смотрѣлъ совершенно безцѣльно на море. Погода была тихая и теплая. Надъ моремъ повисъ туманъ, и горизонтъ былъ небольшой.

Какъ всегда, мимо острова двигались льды, гонимые отливнымъ теченіемъ; какъ всегда, на этихъ льдинахъ дремали моржи.

Отъ моржей я безцѣльно перевелъ свой взглядъ лѣвѣе и вдругъ увидѣлъ нѣчто, на нѣсколько секундъ лишившее меня языка. Я явственно увидѣлъ двѣ мачты: передняя высокая, со стеньгой и бочкой на ней, а задняя короче и безъ стеньги. Между мачтами изъ тумана была видна только верхняя половина трубы, изъ которой шелъ легкій, чуть видный дымокъ. Корпусъ судна очень слабо чернѣлъ сквозь туманъ. До судна было не болѣе полутора или двухъ миль. Я, не мѣняя позы, остолбенѣвъ отъ неожиданности, смотрѣлъ на судно и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Когда ко мнѣ вернулся даръ слова, я дикимъ голосомъ закричалъ Александру: «судно, судно идетъ!» Въ слѣдую-

щій моментъ я уже узналъ «Св. Мученика Фоку», котораго раньше видѣлъ въ Архангельскѣ. Это судно должно было отвезти экспедицію Сѣдова. Я продолжалъ кричать: «Александръ, «Фока» идетъ! «Фока» идетъ!», но въ то же время эти слова мнѣ самому казались нелѣпостью, до такой степени появленіе судна теперь было невѣроятно. Однако, я видѣлъ его собственными глазами и продолжалъ кричать до тѣхъ поръ, пока Кондратъ съ испуганнымъ лицомъ не выскочилъ изъ дома. Онъ испугался, не сошелъ ли я съ ума, и первымъ дѣломъ внимательно посмотрѣлъ на меня. Но я указалъ ему на судно, еле видное сквозь туманъ. «Фока» медленно, чуть замѣтно, подвигался впередъ, но намѣреніе его подойти къ мысу Флора было очевидно. Конечно, онъ шелъ за экспедиціей Сѣдова, которую въ прошломъ году доставилъ сюда. Черезъ минуту мы были уже на крышѣ большого дома, гдѣ на высокомъ флагштокѣ подняли свой флагъ, принесенный со «Св. Анны», и стрѣляли, стрѣляли, стрѣляли...

Меня могутъ спросить, почему мы такъ волновались, если были увѣрены, что судно должно было придти. Дѣло въ томъ, что мы ждали прихода судна изъ Архангельска въ августѣ мѣсяцѣ, въ наиболѣе благопріятное для плаванія въ этихъ мѣстахъ время, а «Фоку» мы увидѣли 20-го іюля совершенно неожиданно для насъ. Но я полагаю, что въ нашемъ положеніи мы должны были обрадоваться пароходу, пришедшему даже не совсѣмъ точно «по расписанію». Не надо забывать, что мы два года были отрѣзаны отъ всего міра, отъ всего человѣчества. На этомъ суднѣ, приближающемся въ туманѣ, мы должны были вернуться въ этотъ міръ, къ себѣ «домой»!

На наши сигналы и выстрѣлы съ судна намъ ничего не отвѣчали: должно быть тамъ не слыхали нашихъ выстрѣловъ. Туманъ сталъ гуще и судно совсѣмъ закрыло. Но оно подойдетъ своевременно, никуда не дѣнется. Взволнован-

ные, мы побѣжали готовиться къ встрѣчѣ съ незнакомыми людьми, такъ какъ мы не хотѣли явиться имъ въ грязномъ рабочемъ парусиновомъ платьѣ. Уже нѣсколько дней на камняхъ сушилась наша одежда, которая передъ этимъ была выварена въ трехъ водахъ съ золою. Теперь нужно было только счистить съ нея трупы «бекасовъ», умыться кусочками мыла, найденными въ домѣ, переодѣться — и мы приняли совсѣмъ приличынй видъ. Даже сапоги помазали «для виду» жиромъ. Пошли на берегъ ожидать появленія судна, чтобы плыть къ нему навстрѣчу на каякѣ. Вотъ уже слышны отрывистыя фразы, отдѣльныя слова и лай собакъ... Наконецъ показалась сквозь туманъ неясная темная масса... Я сѣлъ въ каякъ и поплылъ навстрѣчу, тамъ также замѣтили меня. Я снялъ шапку и помахалъ ею,привѣтствуя прибывшихъ. Всѣ столпились около борта и на мостикѣ, съ любопытствомъ разглядывая незнакомаго человѣка, и тоже замахали шапками и закричали «ура». Лица были радостныя, возбужденныя. Меня нѣсколько смутилъ такой сердечный пріемъ. Мелькнула мысль, что прибывшіе принимаютъ меня за Сѣдова или за одного изъ его спутниковъ; надо скорѣе вывести ихъ изъ заблужденія. Я закричалъ: «Господа, на мысѣ Флора экспедиціи Сѣдова еще нѣтъ!» Это заявленіе, повидимому, никого не поразило. «Я штурманъ экспедиціи Лейтенанта Брусилова; покинулъ «Св. Анну» три мѣсяца тому назадъ и прибылъ на мысъ Флора».. Въ отвѣтъ послышались возгласы удивленія, послѣ чего еще громче пронеслось «ура», къ которому примкнулъ и я. Затѣмъ мнѣ сообщили, что «Св. Мученикъ Фока» пришелъ не изъ Архангельска, а съ острова Гукера, гдѣ зимовалъ. Этотъ островъ находится отъ мыса Флора на NO въ 45 миляхъ. Узналъ я, что Георгій Яковлевичъ Сѣдовъ умеръ на пути къ полюсу и похороненъ на Землѣ Кронпринца Рудольфа. Прибывшіе тоже два года уже не имѣютъ никакихъ вѣстей съ обитаемой земли. Въ самый разгаръ переговоровъ, ког-

да и «Фока», и я продолжали медленно двигаться впередъ, вдругъ раздались крики, предостерегающіе меня: «Берегитесь, моржъ сзади. Подходите къ борту!» и съ судна загремѣли выстрѣлы. Я оглянулся и увидѣлъ одного изъ старыхъ нашихъ враговъ, плывущаго ко мнѣ, но онъ сейчасъ же скрылся въ воду.

Но вотъ «Фока» сталъ на якорь, и я поднялся на палубу. Сейчасъ же мы всѣ познакомились и перецѣловались.

Приняли меня очень сердечно. Начался обмѣнъ новостями. Нашихъ выстрѣловъ, какъ я и думалъ, на «Фокѣ» не слыхали и о присутствіи людей на островѣ не подозрѣвали до тѣхъ поръ, пока не увидѣли меня, плывущаго на каякѣ .

Въ прошломъ году, еще съ зимовки на Новой Землѣ, Сѣдовъ далъ знать въ Петербургъ, что «Св. Мученикъ Фока» нуждается въ углѣ и просилъ доставить его, если это будетъ возможно. Увидѣвъ меня, прибывшіе и подумали, что судну съ угломъ удалось добраться до мыса Флора. Меня же они приняли за капитана или штурмана этого судна.

На «Фокѣ» совершенно не было топлива. Для перехода отъ острова Гукера пришлось ломать на топливо части судна. Пошли въ топку даже убитые около острова Нордбрукъ моржи. «Фока» пришелъ къ мысу Флора съ цѣлью разобрать на топливо большой домъ Джэксона, который мы готовили для своей зимовки, и амбаръ. Надѣялись, что этихъ дровъ хватитъ для того, чтобы пробиться сквозь полосу льда до свободнаго океана, гдѣ можно будетъ идти подъ одними парусами.

Узнавъ о пропажѣ моихъ спутниковъ, прибывшіе выразили живое участіе и рѣшили сходить къ мысу Гранта, когда окончена будетъ погрузка дровъ на судно.

Скоро перевезли съ берега Кондрата, и насъ пригласили въ салонъ ужинать.

Каютъ-компанія состояла изъ слѣдующихъ лицъ: испол-

няющій обязанности начальника экспедиціи, ветеринарный врачъ П. Г. Кушаковъ, командиръ судна штурманъ И. М. Сахаровъ, метеорологъ-географъ экспедиціи В. Ю. Визе, геологъ М. А. Павловъ и художникъ Н. В. Пинегинъ. Всѣ были въ высшей степени милые, привѣтливые люди и гостепріимные хозяева. Ужинъ, которымъ насъ угостили на «Фокѣ», былъ великолѣпенъ: тутъ былъ «настоящій» мягкій хлѣбъ, свѣжія яйца, консервы и жаркое изъ «зайца», передъ которымъ въ честь встрѣчи было выпито по рюмкѣ водки. Послѣ ужина былъ чай съ молокомъ и настоящимъ сахаромъ и бисквиты. Гостепріимные хозяева то и дѣло угощали насъ, то тѣмъ, то другимъ, при чемъ разговоры, разсказы и новости не прекращались ни на минуту. Въ каютъ-компаніи стояло хорошее піанино, на которомъ артистически игралъ г. Визе. Тутъ же былъ граммофонъ съ громаднымъ выборомъ пластинокъ.

Первымъ долгомъ послѣ ужина я попросилъ дать мнѣ и моему спутнику возможность хорошенько помыться и переодѣться. Г. Кушаковъ далъ мнѣ тужурку и брюки, другой бѣлье, третій носки и такимъ образомъ, по пословицѣ: «съ міру по ниткѣ, голому рубаха», скоро у насъ съ Кондратомъ набрался полный гардеробъ. Отвели насъ въ машинное отдѣленіе, гдѣ мы основательно вымылись, остриглись и переодѣлись. Право, мы почувствовали себя гораздо легче послѣ этого.

Удивительное чувство испытывалъ я теперь, такъ неожиданно очутившись опять въ привычной судовой обстановкѣ. Пусть это судно сейчасъ и находится почти въ бѣдственномъ положеніи и нуждается въ топливѣ, но все же я слышу шумъ въ машинномъ отдѣленіи, шипѣніе пара и временами шумъ работающей паровой донки. Кругомъ голоса людей, и всѣ разговоры вертятся около предполагаемаго скораго плаванія къ обитаемой землѣ. Вечеромъ г. Кушаковъ ознакомилъ меня подробно съ исторіей экспедиціи Сѣдова.

Узналъ я, что, во время стоянки «Фоки» у о. Гукера зимой, нѣсколько человѣкъ изъ экспедиціи, во главѣ съ г. Визе, приходили на мысъ Флора и оставили здѣсь почту. Г. Визе жилъ нѣсколько дней въ томъ маленькомъ домикѣ, гдѣ жили и мы съ Кондратомъ. Вотъ почему этотъ домикъ и сохранилъ еще слѣды недавняго пребыванія людей. Г. Визе зимой же былъ и на островѣ Белль.

Оказывается, что на сѣверо-западномъ берегу этого острова, очень недалеко отъ того мѣста, куда мы ходили искать гнѣзда гагъ и смотрѣть, что такое представляетъ изъ себя «гавань Эйра», стоитъ и сейчасъ домъ, построенный лѣтъ сорокъ тому назадъ Лей-Смитомъ. Домъ этотъ хорошо сохранился, годенъ для жилья и тамъ даже имѣется небольшой складъ провизіи. Недалеко отъ дома лежитъ хорошій ботъ, въ полномъ порядкѣ.

Когда мы ходили на сѣверный берегъ острова, то не дошли до этого домика можетъ быть какихъ-нибудь 200 или 300 шаговъ.

Тяжело сознавать, что сдѣлай мы тогда эти лишніе 200 или 300 шаговъ, то возможно, что сейчасъ сидѣли бы на «Фокѣ» не вдвоемъ съ Кондратомъ, а всѣ четверо. Не спасъ бы, конечно, этотъ домикъ Нильсена, который въ то время слишкомъ уже былъ плохъ, но Луняевъ и Шпаковскій, пожалуй, были бы живы. Ужъ одна находка домика съ провизіей и ботомъ сильно подняла бы духъ у ослабѣвшихъ людей. Поживъ дня три на островѣ Белль въ этомъ домикѣ, мы, конечно, отправились бы далѣе не на каякахъ, а на ботѣ всѣ вчетверомъ, имѣя достаточно провизіи и даже зная, гдѣ находится экспедиція Сѣдова, такъ какъ г. Визе оставилъ въ этомъ домикѣ записку. Не попали бы мы тогда и въ ту бурную погоду, которая унесла насъ въ море и которая была гибельна для Луняева и Шпаковскаго. Тяжело сознавать все это... но и безполезно, такъ какъ не вернуть прошлаго, не воскресить погибшихъ.

Очень удивились прибывшіе на «Фокѣ», что я не прочелъ ихъ писемъ, повѣшенныхъ въ банкахъ около дома на мысѣ Флора, и спросили у меня, почему я такъ поступилъ, но я и самъ не могъ объяснить этого. Теперь мнѣ пришло въ голову слѣдующее соображеніе. Узнавъ изъ писемъ, что «Фока» зимуетъ у острова Гукера въ 45 миляхъ отъ мыса Флора, мы съ Кондратомъ, опасаясь, что «Фока» оттуда пойдетъ въ море, не заходя на мысъ Флора, конечно, отправились бы туда на каякѣ и притомъ не ранѣе 18 или 19 іюля, когда я уже нѣсколько оправился отъ своей болѣзни. Путь мы выбрали бы, конечно, по западную сторону острова Нордбрукъ, т.-е. проливомъ Мирса, такъ какъ восточный проходъ былъ намъ незнакомъ и слишкомъ открытъ для плаванія на каякѣ.

«Фока» же пришелъ именно этимъ восточнымъ проходомъ 20-го іюля, такъ что мы съ нимъ разошлись бы дорогой, а возвратившись на мысъ Флора, могли его тамъ уже больше не застать.

На другой день съ утра мы всѣ принялись за разборку дома и амбара и перевозку лѣса на судно. Работа эта заняла нѣсколько дней, такъ какъ погода была все время вѣтреная и сильно задерживала погрузку.

Провизію, собранную нами и сложенную въ кладовую при большомъ домѣ, пришлось перенести въ маленькій домикъ, въ которомъ мы жили. Изъ запасовъ «Фоки» туда же добавили еще консервовъ, сухарей, кое-какой провизіи, 500 штукъ патроновъ, двѣ винтовки, палатку и другія необходимыя вещи, которыя могутъ пригодиться тѣмъ вольнымъ или невольнымъ Робинзонамъ, которымъ суждено въ будущемъ очутиться на мысѣ Флора — этой спасательной станціи полярныхъ странъ.

Нельзя сказать, чтобы на «Фокѣ» всѣ чувствовали себя очень увѣренно. Неизбѣжная встрѣча со льдомъ при маломъ запасѣ топлива многихъ смущала. Не довѣряли уже

и старику «Фокѣ», который сильно текъ. Отливать воду приходилось ручной помпой регулярно два раза въ день всѣмъ личнымъ составомъ и каждый разъ часа по три, не менѣе.

23-го іюля сильная зыбь, при SSW вѣтрѣ, заставила «Фоку» сняться съ якоря и перейти въ бухту Гюнтеръ, по сѣверную сторону острова. Одинъ изъ двухъ оказавшихся на мысѣ Флора ботовъ рѣшено было взять съ собой на «Фоку», на случай, если судно затретъ во льдахъ и дальше придется спасаться на ботахъ.

Пятница, 25-го іюля. Ну, вотъ, наконецъ, дождались мы желанной минуты, наконецъ-то мы находимся на движущемся суднѣ, слышимъ мѣрный стукъ винта и шипѣніе пара. На островѣ, въ запаянныхъ банкахъ, мы оставили двѣ записки: одну отъ г. Кушакова, а другую отъ меня, въ которой я описалъ судьбу экспедиціи Лейтенанта Брусилова и свое путешествіе. Тамъ, кромѣ того, указывалось, что на мысѣ Флора и на мысѣ Гранта оставлены склады провизіи и другихъ необходимыхъ предметовъ.

XI. ДОМОЙ!

Около 9 часовъ вечера мы снялись съ якоря и пошли, нѣтъ не пошли, а поползли къ острову Белль, разсчитывая посмотрѣть сначала, нѣтъ ли пропавшихъ моихъ спутниковъ въ гавани Эйра.

«Фока» не идетъ, а торжественно шествуетъ со скоростью 2 или 3 миль въ часъ. Это «шествіе» — свойство всѣхъ почтенныхъ полярныхъ ветерановъ, которымъ торопиться некуда и не съ кѣмъ конкурировать, и надо думать не о быстротѣ хода, а объ экономіи въ топливѣ. Старикъ «Фока» сейчасъ имѣетъ топлива дня на три, на четыре и съ этимъ запасомъ ему надо постараться уйти какъ можно дальше. Хорошо будетъ, если мы встрѣтимъ поменьше льда и побольше попутныхъ вѣтровъ.

Воскресенье 27-го іюля. Вчера не нашелъ времени записать дневникъ, такъ какъ теперь я тоже стою вахту, а остальное время проходитъ совсѣмъ незамѣтно. Въ 2 часа ночи мы подошли къ сѣверо-западному берегу острова Белль и увидѣли домикъ Лей-Смита. Положительно не могу понять, какъ не замѣтили мы этого домика раньше. Онъ стоитъ на низкомъ открытомъ мѣстѣ и очень примѣтный. Домъ, насколько удалось разсмотрѣть въ бинокль, очень хорошо сохранился. Сдѣланъ онъ изъ досокъ и, повидимому, легкой постройки. На берегу виденъ и ботъ, перевернутый вверхъ килемъ.

Да, не судьба была намъ найти этотъ домикъ съ провизіей и ботомъ 19 дней тому назадъ. Никакихъ слѣдовъ пребыванія людей не было замѣтно на чистомъ снѣгу. На всякій случай, мы стали давать свистки, а черезъ четверть часа пошли дальше къ мысу Гранта.

Къ этому мысу подойти не удалось, такъ какъ вдоль всего берега была полоса льда шириною около четырехъ миль. Рѣшили повернуть въ море. Если бы на мысѣ Гранта былъ кто-нибудь, то, конечно, услыхалъ бы свистки и увидѣлъ бы судно. Но ни одной похожей на человѣка фигуры мы не могли разсмотрѣть ни на мысѣ, ни на льду, отдѣляющемъ его отъ насъ. Повернули и пошли на S. Сначала шли подъ парусами, а потомъ пустили и машину; часовъ около 12 дня Земля Франца Іосифа стала скрываться изъ виду. Прощай, мысъ Флора! Льда не видѣли цѣлыя сутки. Сегодня окого 3 часовъ ночи мы увидѣли таки ледъ, который сталъ насъ мало по малу отжимать къ W. Правда, это ледъ былъ не сплоченный, но все-же идти въ немъ одними парусами трудно. Температура воды понизилась. Въ полдень наша широта равна 78° 23′. Это хорошо. Дровъ осталось еще на полтора сутокъ и потому сегодня къ вечеру пользовались попутнымъ вѣтромъ, остановили машину и пошли только парусами, подъ которыми «Фока» идетъ очень хорошо, несмотря на то, что теперь онъ совершенно пустой. Идемъ, лавируя между льдинами, въ среднемъ на SW истинный. Днемъ, проходя мимо большого ледяного поля, видѣли на немъ медвѣдицу съ двумя медвѣжатами. На «Фокѣ» есть четыре живыхъ медвѣженка, изъ которыхъ тремъ пошелъ уже второй годъ. Всѣ они совершенно ручные и, если сидятъ на цѣпи, то только потому, что любятъ безобразничать и воровать все, что попадается. Къ людямъ они относятся очень миролюбиво, съ собаками играютъ, а когда повздорятъ, то попадаетъ больше медвѣдямъ, чѣмъ собакамъ.

Понедѣльникъ, 28-го іюля. До четырехъ часовъ шли въ туманѣ подъ парусами, лавируя между льдинами, придерживаясь въ среднемъ курса на S истинный.

При одномъ поворотѣ насъ навалило на большое поле, и отойти отъ него мы не могли, почему рѣшили переждать, когда туманъ немного разсѣется. Въ 9 ч. 30 м. пошли далѣе подъ парами и парусами. Ледъ разрѣженный и легко проходимый; намъ даже не приходится пробиваться, а только лавировать отъ WNW до SO. Послѣ двухъ часовъ фарватеръ сталъ еще лучше и образовался широкій каналъ съ общимъ направленіемъ на SSO.

Этимъ каналомъ мы и направились, работая и машиной и парусами при О-омъ вѣтрѣ. Близмеридіональная высота солнца дала широту 77° 48′. Полагаемъ, что если бы удалось набрать дровъ еще хотя на полтора сутокъ, то, можетъ быть, и удалось бы проскочить ледяную область. Но, къ сожалѣнію, дровъ осталось только часа на полтора хода. Сейчасъ идетъ усиленная ломка переборокъ въ помѣщеніяхъ. «Фока» и безъ того пришелъ къ мысу Флора достаточно ободраннымъ, теперь же доламывается все остальное, гдѣ только можно, безъ особеннаго ущерба для прочности судна. Не остается ни одной каюты, ни одной внутренней переборки. Спать будемъ на полу всѣ въ рядъ. Г. Визе усиленно уговариваетъ отправить въ топку піанино, но пока до этого дѣло не дошло. О форъ-стеньгѣ и утлегарѣ подумываемъ. Дѣлать нечего, надо-же такъ или иначе выходить изо льда.

Вторникъ, 29-го іюля. Пріѣхали... Стоимъ во льду. Вчера, въ 11 ч. вечера, ледъ сталъ настолько густъ, что пробиваться, даже съ машиной, стало трудно, въ особенности принимая во вниманіе нашъ скудный запасъ дровъ. Пришлось стать у льдины на ледяной якорь и «ждать у моря погодушки».

Сейчасъ десять часовъ утра, изъ бочки видны полыньи,

но между ними большія перемычки. Съ юга со вчерашняго дня слышенъ какой-то шумъ, похожій на шумъ прибоя, но по всей вѣроятности это шуршитъ передвигающійся ледъ.

(Вечеромъ). Въ 1 ч. дня мы пошли подъ парами, лавируя между льдами сначала узкими каналами, но потомъ каналы стали все шире и многочисленнѣе. Одно время мы даже шли почти свободной водой между рѣдкими льдинами, но къ 6 ч. вечера, когда накрылъ туманъ, мы оказались окруженными льдомъ. Правда, вскорѣ опять открылся проходъ на S, но сегодня мы уже не пошли, такъ какъ туманъ очень густой и тратить наше послѣднее топливо на поиски проходовъ, чуть-ли не ощупью, рискованно. Закрѣпились за льдину ледянымъ якоремъ и остановились на ночлегъ. Въ помѣщеніи у насъ царитъ хаосъ; все разорено, обшивка и койки сожжены, спимъ мы вповалку на палубѣ на матрацахъ между ящиками и неубранными еще досками.

Четвергъ, 31-го іюля. Вчера весь день простояли во льду, вслѣдствіе густого тумана, не желая напрасно расходовать дрова. Спустили форъ-стеньгу, убрали утлегаръ и блиндогафеля и пилимъ ихъ на дрова. Вытаскиваются изъ трюма на топливо всѣ лишніе паруса, тросы, блоки, матрацы и прочій инвентарь, безъ котораго можно сейчасъ обойтись. Весь этотъ горючій матеріалъ складывается въ угольныя ямы и бережется до того момента, когда можно будетъ рискнуть всей этой «ставкой» и сыграть «ва-банкъ». Поговариваемъ о разборкѣ всего кормового помѣщенія, находящагося въ «кожухахъ», но пока до него еще очередь не дошла. Сильная течь «Фоки» сильно осложняетъ вопросъ о дальнѣйшемъ плаваніи. Каждый день по два раза качаемъ воду всѣмъ составомъ часа по три. Прибыль воды до 50 дюймовъ. Откачиваемъ въ ручную, чтобы не расходовать дорогое для насъ топливо. Плоховатъ сталъ «Фока»! Трудно себѣ представить, до какой степени заѣзжено это, не такъ еще давно хорошее, крѣпкое судно, извѣстное по всему съ-

веру.[1] Рядъ послѣднихъ владѣльцевъ его старались выжать изъ этого судна все, что только можно, отдѣлываясь жалкими подобіями ремонта. Когда я начинаю мысленно сравнивать «Фоку» со «Св. Анной», то вижу, что между ними не можетъ быть никакого сравненія. Хотя «Св. Анна» еще старше «Фоки» года на три, но она сравнительно такъ сохранилась, что ей трудно дать больше 20 лѣтъ.

Вчера къ вечеру погода стала мѣняться: туманъ сталъ рѣже, и подулъ N вѣтеръ. Ледъ, а съ нимъ и насъ, понесло на S. Ледъ здѣсь не сплоченный и все время находится въ движеніи. Ночью вѣтеръ посвѣжѣлъ, а къ утру и туманъ разсѣялся.

Въ 5 ч. 30 м. утра снялись и пошли подъ парусами на S. Льдины разносятъ и фарватеръ съ каждымъ часомъ становится все шире. Начали не на шутку поговаривать о скоромъ выходѣ изо льда въ свободное море. Ходъ хорошій, мили 4 - 5. Пара пока не поднимаемъ, такъ какъ бережемъ топливо до крайней необходимости. Послѣ полудня ходъ увеличился до 6 миль, но, увы, не надолго. Въ 3 часа мы очутились передъ сплошнымъ льдомъ и проходу нигдѣ не видно. Кругомъ не толстый, годовалый ледъ, мѣстами сильно запачканный землей и пескомъ. Убрали паруса и стали ждать. Вѣтеръ N, балловъ 5.

Среда, 6-го августа. 5 дней не открывалъ своего дневника. Противно было даже писать. Причина тому — наша продолжительная остановка. Со всѣхъ сторонъ мы были окружены громадными ледяными полями и похоже было, что никогда эти поля не разойдутся. «Пейзажъ» вполнѣ зимній. Положеніе казалось до такой степени безнадежнымъ, что начали понемногу готовиться продолжать путешествіе къ Новой Землѣ по льду, причемъ предполагали тащить съ собой громадный карбасъ. Провизія для этого путешествія

---

[1]) Бывшій норвежскій промысловый баркъ «Geyser», построенный въ 1870 году.

была уже давно приготовлена. Оставаться жить на суднѣ нечего было и думать. Все помѣщеніе поломано и для зимовки абсолютно не годилось. Провизіи на «Фокѣ» тоже оставалось немного. Такимъ образомъ выбора у насъ не было: если не удастся выбраться изо льда съ судномъ, то надо было уходить пѣшкомъ къ Новой Землѣ. Рѣшено было только выждать еще нѣсколько дней, поломать на дрова все остальное и идти на этихъ дровахъ, пока ихъ не сожжемъ, послѣ чего — «пожалуйте на ледъ и готовьте ноги».

Къ сожалѣнію, ноги имѣлись не у всей команды. Въ числѣ команды есть два человѣка, которые буквально не владѣютъ ногами и передвигаются «на четверенькахъ». Въ остальномъ они здоровы и цѣлый день ползаютъ по палубѣ, а одинъ изъ нихъ даже исполняетъ обязанности кочегара и машиниста. Это — жертвы полярной зимовки.

Но вотъ 4-го августа подулъ NW вѣтеръ, погода стала холодная, еще болѣе зимняя, но зато ледъ пришелъ въ движеніе. Вчера къ вечеру начали появляться полыньи и открылся каналъ на S. Въ томъ же направленіи было видно «водяное небо», а съ мачты можно было разсмотрѣть даже и самую воду. Капитанъ судна Н. М. Сахаровъ почти не слѣзаетъ съ мачты, ища воду и соображая, какъ удобнѣе добраться до нея. Сейчасъ же начали поднимать пары, а въ 12 ч. 10 м. ночи мы снялись и пошли на S подъ парами и парусами. Скоро миновали ненавистные намъ большія ледяныя поля, продержавшія насъ въ плѣну столько времени, и пошли, лавируя между разрѣженными мелкими льдинами. Такъ шли цѣлый день. Въ топку пошло все, что только можно: разломали полубакъ, уменьшили наши и безъ того уже поломанные фальшборты, спилили два громадныхъ бимса второй палубы и даже отправили въ топку найденную въ трюмѣ бочку смолы. Но, несмотря на всѣ эти жертвы, топлива хватило только до 9-ти часовъ вечера. Паръ сталъ садиться, машина стала «побалтывать» менѣе энергично и,

наконецъ, встала... Больше пару нѣтъ. Слабый вѣтерокъ чуть-чуть двигалъ насъ на S, но вотъ и онъ затихъ...

Но недалеко уже чистое море! Мы уже видимъ впереди мелкій, сильно разрѣженный ледъ и даже, о какое счастье, мы уже ощущаемъ чуть замѣтную пологую зыбь! Бушпритъ медленно, плавно начинаетъ подниматься и опускаться. О, это вѣрный признакъ свободнаго моря, онъ не обманетъ!

Кругомъ между льдинами начали показываться крупные «морскіе зайцы» цѣлыми стадами. Они высоко высовываются изъ воды и съ любопытствомъ поглядываютъ на «Фоку». Плаваютъ около судна глупыши, не желая ни за что отстать отъ насъ, и важно покачиваются на легкой зыби.

Четвергъ, 7-го августа. Ночью совершенно заштилѣло, но утромъ потянулъ слабый NO вѣтерокъ. Онъ чуть-чуть надувалъ наши паруса и мы весь день шли со скоростью не больше мили въ часъ. Близмеридіональная высота солнца дала широту 75° 16′. Въ 3 часа взяты еще высоты солнца и опредѣлена 46° 45 О. Ледъ становился все рѣже и рѣже. Погода солнечная, теплая, но горизонтъ закрытъ мглой. Въ 4 часа дня, или около того, мы вышли, наконецъ изъ области льда въ свободный океанъ. Великій для насъ моментъ! Два года я видѣлъ вокругъ себя ледъ и, если и было время, когда видѣлъ я передъ собой на югѣ чистую воду, то все же за этой водой, близко-ли, далеко-ли, но гдѣ-то была ледяная преграда, отдѣлявшая меня отъ міра, отъ людей! Видѣнное мною съ Земли Франца Іосифа большое пространство воды была та же клѣтка, но только большихъ размѣровъ. Теперь же передъ нами разстилалась далеко на югъ блестящая, чуть рябившая поверхность моря, на этотъ разъ уже вплоть до береговъ Мурмана, до береговъ Россіи. Вода была красиваго синяго цвѣта, характернаго для Гольфстрема. Мы вышли на широкую дорогу и рѣшили воспользоваться ею нѣсколько иначе, чѣмъ предполагали раньше. Дали мы прощальный салютъ изъ нашихъ звѣробойныхъ пушекъ оставшимся сзади

полярнымъ льдамъ и взяли курсъ на Св. Носъ, хотя раньше предполагали идти вдоль Новой Земли. Конечно, послѣднее было бы болѣе осторожно, такъ какъ при слѣдованіи прямо на Св. Носъ намъ предстоялъ путь въ 420 миль совершенно открытымъ океаномъ. При этомъ мы должны были совершить этотъ путь на парусахъ, на суднѣ совершенно порожнемъ и имѣющемъ только незначительную часть своей нормальной парусности, слѣдовательно, не обладающемъ всѣми хорошими качествами паруснаго судна. Но сократить свой путь болѣе, чѣмъ на 200 миль, было такъ соблазнительно, что рѣшили рискнуть и идти прямо къ Мурманскому берегу. Команда была освобождена отъ руля; она должна была все время, повахтенно, качать воду. На рулѣ стояли капитанъ судна Сахаровъ, художникъ Пинегинъ и я.

Сегодня весь день вѣтеръ едва только шевелитъ парусами. Даже на рулѣ стоять все время нѣтъ надобности.

Пятница, 8-го августа. Хотя вѣтерокъ былъ и слабый, но все же мы подвигались понемногу впередъ и разсчитывали, что еще утромъ перешли 75-ю параллель. Каково же было наше разочарованіе, когда полуденная высота солнца дала широту 75° 16′, т.-е. точно ту же, какая была и вчера въ полдень. Горизонтъ сегодня былъ хорошій, такъ что сомнѣваться въ высотѣ солнца нельзя. Безусловно въ этомъ непріятномъ для насъ казусѣ виновата вѣтка теченія Гольфстремъ, скорость которой мы не могли пересилить при слабомъ вѣтрѣ. Утромъ температура воды была 0°, 2 Ц., въ полдень + 2° Ц., а сегодня вечеромъ даже + 3°, 4 Ц. Льда уже не встрѣчаемъ. Вѣтеръ утромъ былъ NO, но потомъ перешелъ на О. Ходитъ зыбь, и насъ цѣлый день покачиваетъ. Послѣ полудня наши дѣла въ смыслѣ хода поправились, а вечеромъ мы уже шли около 5 миль въ часъ. Хорошо, если бы и дальше такъ продолжалось. Уже нѣсколько дней, какъ мы не видимъ больше полуночнаго солнца, а сегодня около 12 часовъ ночи въ помѣщеніи стало такъ темно,

что пришлось зажечь свѣчи. Завтра, пожалуй, и въ нактоузѣ компаса придется зажигать огонь. Однимъ словомъ, мы за этотъ день подвинулись на югъ; это замѣтно.

Воскресенье, 10-го августа. Вчера съ утра мы шли хорошо — не менѣе 5 миль въ часъ. Разсчитывали Богъ знаетъ какъ далеко уйти, но, увы, опять пришлось разочароваться. Полуденная высота вчера дала широту 74° 18′, т.-е. за сутки хода мы не прошли и градуса. Безусловно встрѣчное теченіе задерживаетъ нашъ ходъ. Сегодня температура воды 5°, 8 Ц.

Такъ или иначе, но мы очень медленно подвигались впередъ. Вѣтры все время были неблагопріятные, крѣпкихъ попутныхъ совсѣмъ не было, а сильное теченіе задерживало ходъ.

16-го августа, около 5 часовъ вечера, я былъ на вахтѣ и стоялъ на рулѣ. Слабый О вѣтеръ едва надувалъ паруса, и мы шли со скоростью около 2 миль въ часъ.

Погода теплая: трудно было повѣрить, что еще такъ недавно мы были зажаты сплошнымъ льдомъ и собирались даже покинуть судно, чтобы пѣшкомъ или на карбасѣ идти къ Новой Землѣ.

Теперь мы уже подходили къ Мурманскому берегу и съ минуты на минуту ожидали, что вѣтромъ немного «раскинетъ» на горизонтѣ мглу, и онъ предстанетъ недалеко передъ нами. Внимательно я вглядывался въ мглистый горизонтъ, стараясь первымъ увидѣть этотъ желанный берегъ или какое-нибудь проходящее мимо судно, такъ какъ теперь мы находились на самой «большой дорогѣ», ведущей изъ Россіи за границу.

На мостикѣ мнѣ скучно не было: поминутно то одинъ, то другой выходилъ на верхъ и смотрѣлъ въ бинокль впередъ; всѣ интересовались, всѣ ожидали увидѣть берегъ.

Вдругъ мнѣ показалось, что впереди, сквозь повисшую мглу, обрисовывается какая-то неясная линія; я сталъ вни-

мательно присматриваться въ бинокль, мгла немного порѣдѣла, и линія стала видна уже яснѣе. Это былъ Мурманъ, не могло быть и сомнѣнія. Онъ не особенно далекъ отъ насъ и, пожалуй, сегодня къ ночи мы должны подойти къ нему.

Ура! Значитъ, я первый увидѣлъ берегъ.

Медленное плаваніе подъ малыми парусами намъ страшно надоѣло. Мы мечтали встрѣтить какой-нибудь пароходъ, который согласился бы взять насъ на буксиръ и отвести, если не въ Архангельскъ, то въ какое-нибудь становище, или, по крайней мѣрѣ, далъ бы намъ немного угля, чтобы подойти къ становищу своей машиной. Теперь мы старались не прозѣвать проходящаго парохода, а соотвѣтствующій сигналъ, уже заранѣе набранный, былъ наготовѣ у мачты.

Не болѣе какъ черезъ часъ послѣ открытія берега, по направленію на SO, показались густые клубы дыма, а черезъ полчаса показался и самый пароходъ. Это былъ «норвежецъ», идущій изъ Архангельска съ грузомъ лѣса. Шелъ онъ гораздо «мористѣе», далеко отъ насъ, и врядъ ли могъ быть намъ полезенъ: будетъ ли онъ задерживаться въ морѣ, разъ мы можемъ еще идти подъ парусами. На всякій случай подняли мы набранные сигналы, но должно быть они съ парохода даже не были замѣчены.

Тѣмъ временемъ мы продолжали медленно, при противномъ вѣтрѣ, подвигаться впередъ, и берегъ сталъ значительно ближе. Стараемся разобрать мѣсто, къ которому мы подходимъ: капитанъ Сахаровъ утверждаетъ, что передъ нами «Семь острововъ», но почему-то мы не видимъ огня маяка «Харловъ», хотя онъ долженъ бы уже открыться.

Стало темно. Повернули на SO, вдоль берега.

Послѣ ужина, уже около 10 часовъ, впереди показались огни парохода, идущаго навстрѣчу. Этотъ шелъ уже ближе къ намъ, и его мы надѣялись не упустить.

Онъ быстро приближался и былъ ярко освѣщенъ электричествомъ. Повидимому, это почтово-пассажирскій паро-

ходъ Мурманскаго Срочнаго Пароходства, совершающій обычный рейсъ по Мурману; лучшаго намъ и желать было нечего, такъ какъ этотъ пароходъ могъ подвести насъ къ любому становищу.

Моментально нашъ капитанъ легъ въ дрейфъ, высоко въ воздухъ полетѣли сигнальныя ракеты и, кромѣ того, мы стали жечь «фальшфееры». Мы ожидали, что пароходъ сейчасъ же повернетъ на насъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, но этого не случилось. Неужели на немъ не замѣтили ракетъ и «фальшфееровъ»? Стали на бакѣ жечь паклю, облитую керосиномъ: пламя поднялось такое, что можно было подумать, что на суднѣ пожаръ, но пароходъ по прежнему шелъ своимъ курсомъ и на наши сигналы не обращалъ вниманія. Оставалось еще одно средство въ нашемъ распоряженіи: это наши звѣробойныя пушки. Это должно дѣйствовать!

Поднялась такая канонада, что наши артиллеристы только успѣвали забивать заряды по очереди, то въ правую, то въ лѣвую пушки.

Дѣйствительно, это произвело впечатлѣніе сильное на пассажирскомъ пароходѣ... но только совершенно для насъ неожиданное. Пароходъ, который былъ такъ недалеко, моментально исчезъ, какъ сонъ. Невольно мы стали протирать глаза: да былъ ли это въ дѣйствительности ярко освѣщенный пароходъ, или это намъ только показалось!

Нѣтъ, пароходъ былъ, но онъ почему-то закрылъ всѣ электрическіе огни и куда-то исчезъ...

Всѣ были поражены; первое время даже молчали, но зато потомъ по адресу исчезнувшаго парохода посыпалась такая отборная ругань, что капитану его послѣ этого, должно быть, долго «икалось».

Намъ не было досадно, когда давеча насъ не замѣтилъ «иностранецъ», идущій далеко отъ берега, и котораго мы, дѣйствительно, только стѣснили бы; но этотъ пассажирскій русскій пароходъ, заходящій во всѣ становища Мурмана,

имѣвшій возможность безъ труда помочь намъ и не захотѣвшій этого сдѣлать, «подло» скрывшійся гдѣ-то во тьмѣ, онъ положительно насъ взбѣсилъ.

Капитанъ Сахаровъ объяснилъ исчезновеніе парохода тѣмъ, что поморы, на парусныхъ судахъ, часто «балуютъ», зажигая большіе огни, какъ бы требуя помощи отъ проходящаго парохода, но когда къ нимъ подходятъ, то оказывается, что они просто всѣ перепились пьяные.

Однако, чѣмъ же мы виноваты, что пьяные поморы «балуютъ», и зачѣмъ исчезать такимъ «чудеснымъ» образомъ, т.-е. закрывъ огни. Вѣдь могло быть, что и на самомъ дѣлѣ тонули.

Но пароходъ, на который мы такъ надѣялись, исчезъ, а такъ какъ мы еще не тонули, то продолжали всю ночь трепаться подъ парусами, почти на одномъ мѣстѣ.

Утромъ, когда стало свѣтло, удалось, наконецъ, опознать берега; оказалось, что капитанъ Сахаровъ не ошибся вчера. Такъ какъ вѣтеръ былъ слабый и противный и идти подъ парусами въ Бѣлое море было слишкомъ долго, то мы повернули обратно вдоль берега, надѣясь въ какомъ-нибудь становищѣ высадиться и дать телеграмму въ Александровскъ объ высылкѣ или буксира, или угля.

Противъ становища Рында къ намъ подошла «шняка» съ рыбаками. Это были первые люди, которыхъ увидѣли мы послѣ двухъ лѣтъ; они узнали «Св. Мученика Фоку» сразу и, видя его такимъ необычайно потрепаннымъ, подошли къ борту. Рыбаки первые сообщали намъ о крупныхъ событіяхъ, происшедшихъ безъ насъ. Помню, мы сами задали имъ вопросъ, самый обычный и интересный послѣ двухъ лѣтъ отлучки.

«Что, войны-то никакой нѣтъ?».

«Какъ нѣтъ. Большая война идетъ; нѣмцы, австрійцы, французы, англичане, сербы, почитай, что всѣ воюютъ. Изъ-за Сербіи то и началось».

«Ну, а Россія то воюетъ ли?».

«А какъ же. Извѣстно и Россія воюетъ».

«Такъ это же Европейская война!» — вырвалось у кого-то восклицаніе.

«Вотъ, вотъ. Такъ ее и называютъ. Европейская война». Узнали мы послѣ этого и нѣкоторыя подробности, которыя можно узнать отъ рыбаковъ, встрѣченныхъ въ морѣ у береговъ Мурмана. Пароходъ, который вчера убѣжалъ отъ насъ, былъ дѣйствительно Мурманскаго пароходства «Ломоносовъ». Онъ испугался нашихъ выстрѣловъ, принявъ въ темнотѣ бѣднаго «Фоку» за непріятельскій корабль. Время на Мурманѣ было тревожное... Рыбаки дали намъ свѣжей рыбы и... цѣлыхъ двѣ восьмушки махорки. Теперь мы всласть покурили, такъ какъ на «Фокѣ» табакъ тоже вышелъ и всѣ давно уже страдали отъ неимѣнія его.

Войти въ Рынду, при слабомъ вѣтрѣ и начавшемся отливѣ, мы не могли самостоятельно, а потому г. Кушаковъ отправился туда съ рыбаками на «шнякѣ», чтобы телеграфировать въ Александровскъ. Часовъ около 4 дня изъ Рынды показался большой промысловый моторный ботъ, идущій къ намъ. Это мѣстный рыбопромышленникъ и торговецъ г. Скобелевъ, по собственному почину, спѣшилъ къ намъ на выручку. Немного погодя показался и еще такой же ботъ; покричавъ, какъ полагается, достаточно долго «ура», оба бота соединенными усиліями взяли «Фоку» на буксиръ и повели въ Рынду.

Г. Соболевъ не забылъ захватить для насъ цѣлую пачку газетъ, изъ которыхъ мы болѣе подробно ознакомились съ крупными политическими событіями, происшедшими въ Европѣ.

По странной случайности, въ этой же пачкѣ газетъ, мы прочитали о поисковыхъ экспедиціяхъ, снаряженныхъ Гидрографическимъ Управленіемъ Морского Министерства для экспедицій 1912 года — Сѣдова, Брусилова и Русанова. По-

исковыя экспедиціи уже отправились по назначенію. «Св. Анну» отправились искать, оказывается, въ Карское море. Въ 8 или 9 часовъ вечера мы были въ почтово-телеграфной конторѣ Рынды, гдѣ уже сидѣлъ г. Кушаковъ и давалъ телеграммы о нашемъ возвращеніи къ жизни.

Самымъ богатымъ изъ насъ былъ г. Кушаковъ, обладавшій нѣсколькими сотнями рублей. Вторымъ былъ Кондратъ, имѣвшій одинъ фунтъ стерлинговъ, который онъ нашелъ на «Св. Аннѣ» въ прошломъ году, ломая переборки и койки въ кубрикѣ на топливо. У остальныхъ же, кажется, ни у кого не было ни копѣйки. По крайней мѣрѣ за мои телеграммы заплатилъ г. Кушаковъ. Неудивительно, что всѣ мы нуждались въ деньгахъ, безъ которыхъ здѣсь обойтись было труднѣе, чѣмъ на Землѣ Франца Іосифа или на льду. Поэтому-то и смыслъ большинства нашихъ телеграммъ главнымъ образомъ сводился къ требованію: «денегъ, денегъ и денегъ».

Вечеромъ, сидя за чаемъ у г. Соболева, мы узнали, что завтра въ Рынду придетъ пассажирскій пароходъ «Императоръ Николай II», на пути въ Архангельскъ.

На другой день на этомъ пароходѣ мы уже впятеромъ: Визе, Пинегинъ, Павловъ, я и Кондратъ плыли въ Архангельскъ. Командиръ этого парохода г. Вальневъ былъ такъ любезенъ, что согласился не только безплатно доставить насъ до Архангельска, но и «въ долгъ» кормить насъ дорогой. Такъ какъ пассажировъ на пароходѣ было очень много и свободныхъ мѣстъ въ первомъ классѣ не было, то г. Вальневъ для четверыхъ изъ насъ уступилъ одну изъ своихъ каютъ, въ которой мы съ комфортомъ и доѣхали до Архангельска. Тяжелый четырехмѣсячный путь со «Св. Анны» былъ оконченъ, а вмѣстѣ съ нимъ было закончено мое двухлѣтнее полярное путешествіе. 28-го іюля 1912 года отправился я въ него изъ Петрограда и 19-го августа 1914 года прибылъ въ Архангельскъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Краткій очеркъ экспедиціи Брусилова — Л. Брейтфуса 5

Походъ по льду штурмана В. И. Альбанова

Вступленіе 21
I. Сборы въ санную экспедицію 27
II. Послѣдній день на «Св. Аннѣ» 38
III. На ледяныхъ поляхъ океана 45
IV. Гибель Баева 63
V. Земля! 98
VI. На Землѣ Александры 119
VII. Одинъ за другимъ 140
VIII. Мысъ Флора 157
IX. Приготовленія къ зимовкѣ 168
X. Судно пришло! 182
XI. Домой! 190

Приложенія:

I. Карта путей экспедицій Нансена на «Фрамѣ» и Брусилова на «Св. Аннѣ».
II. Карта Земли Франца Іосифа съ маршрутомъ партіи Альбанова.

ИЗДАТЕЛЬСТВО СЛОВО

ам. дол.

Пушкинъ. Полн. собр. сочин.
Въ 6 т. . . . . по 0.30
Въ 6 полухолщ. перепл. . . . 4.—
Въ 6 полукож. перепл. . . . 6.—
Лермонтовъ. Полн.собр.сочин.
Въ 4 т. . . . . по 0.25
Въ 4 полухолщ. перепл. . . . 2.—
Въ 4 полукож. перепл. . . . 4.—
Гоголь. Полн. собр. сочин. въ 10 т. . . . . по 0.20
Въ 5 полухолщ. перепл. . . 2.50
Въ 5 полукож. перепл. . . . 5.—
Гоголь. Мертвыя души, въ пер. 0.50
Тютчевъ. Полн. собр. стихотвореній 0.30
Въ полухолщ. перепл. . . . 0.40
Въ полукож. перепл. 0.50
Толстой. Собр. сочин. т. I—XI по 0.30
Въ полухолщ. перепл. . по 0.40
Толстой. Кругъ чтенія, въ 2 т. 0.80
Въ полухолщ. перепл. . . . 1.20
Въ холщев. перепл. . . . . 2.—
Тургеневъ. Полн. собр. сочин. въ 10 т. . . . . по 0.30
Въ холщ. перепл. . . . . по 0.40
Герценъ. Былое и думы, въ 5 т. . . . . по 0.30
Въ полухолщ. перепл. . . . 2.50
Въ полукож. перепл. . . . . 5.—
Чеховъ. Полн. собр. сочин. въ XIV т. . . . . по 0.20
Въ полухолщ. перепл. . по 0.30
Въ 7 полухолщ. перепл. . . 3.50
Въ 14 полукож. перепл. . . . 7.—
Чеховъ. Дядя Ваня, Три сестры, Вишневый садъ . . . . . по 0.05
Байронъ. Мистеріи 0.20

Книги для дѣтей:
Афанасьевъ, Толстой, Жуковскій, Тургеневъ, Достоевскій, Чеховъ, Первухинъ, Радуга . . . . . по 0.50
Въ перепл. . . . . по 0.60

ам. дол.

Саша Черный. Дѣтскій островъ въ перепл. 1.50

*

Блокъ. Стихотвор. въ 3 том. Театръ. . . . . по 0.50
Буниннъ. Крикъ 0.50
Буниннъ. Роза Іерихона . . . 1.25
Бальмонтъ. Изъ міровой поэзіи 0.50
Бальмонтъ. Подъ новымъ серпомъ 0.50
Бальмонтъ. Зовы древности . 0.50
Сологубъ. Заклинательница змѣй 0.50
Зайчевъ. Дальній край 0.50
Келлерманъ. Девятое ноября 0.50
Франсъ. Петруша 0.50
Ролланъ. Николка Персикъ . 0.50
Воспоминанія кронпринца Вильгельма 0.50
Императоръ Вильгельмъ II. Событія и образы 0.50
Степунъ. Основныя проблемы театра 0.35
Въ переплетахъ на 10 центовъ дороже.

*

Алдановъ. Девятое термидора 1.25
Бакстъ. Сѣровъ и я въ Греціи 0.15
Зайцевъ. Улица Св Николая 0.40
Кузминъ. Нездѣшніе вечера 0.30
Гиппіусъ. Дневникъ 0.30
Замятинъ. Огни св. Доминика 0.25
Валентиновъ. Послѣдніе студенты 0.35
Бѣлый. Первое свиданіе . . 0.25
Рерихъ. Цвѣты Моріи . . . 0.25
Собачья доля, сборникъ . . 0.25
Скоттъ. Начало 0.25
Папини. Конченный человѣкъ 0.30
Эйнштейнъ. Теорія относительности 0.35

	ам. дол.
Эйнштейнъ. О физич. прир. простр.	0.25
Эйнштейнъ. Математич. основы теор. относительности	0.35
Метальниковъ. Проблема безсмертія	1.—
Новгородцевъ. Объ общественномъ идеалѣ	0.75
Туганъ-Барановскій. Соц. основы кооперацiи	0.75
I. Гессенъ. Исканія обществен. идеала	0.25
Ростовцевъ. Очеркъ исторіи древняго міра	2.—
Трубецкой. Смыслъ жизни	0.50
Чупровъ. Мелк. земледѣл.	0.30
Мадленъ. Исторія франц. революціи, 2 т.	1.—
Въ перепл.	1.30
Письма императр. Александры Федоровны, 2 т. по	0.75
Въ перепл. по	1.—
Деникинъ. Очерки русской смуты, т. 3	2.—
Чеховъ. Письма	1.25
Бар. Врангель. Отъ крѣпостного права до большевикивъ	1.—

	ам. дол.
М. Палеологъ. Романъ императора	0.50
Ю. Н. Даниловъ. Россія въ въ міровой войнѣ	2.—
Витте. Воспоминанія, 3 т. по	1.25
Въ перепл. по	1.50
Дневникъ императора Николая II	1.—
Въ перепл.	1.25
Тотомiанцъ. Основы кооперацiи	0.60
Тотомiанцъ. Примиреніе труда съ капиталомъ	0.60
Фаянсъ. Радіоактивность	0.35
Ландау. Сумерки Европы	0.75
Левинъ. Эмиграц. франц. революціи	0.50
С. Гессенъ. Основы педагог.	1.25
Въ перепл.	1.75
Айхенвальдъ. Силуэты русск. писат., т. 2, 3 по	1.—
Труды русск. ученыхъ за границей, т. I 0.40, т. II 0.60, т. III 0.40, т. IV	1.—
Архивъ русской революціи, т. I—XV по	1.25

Въ Германію, Данію, Финляндію, Италію, Латвію, Литву, Голландію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Чехословакію, Люксембургъ и Данцигъ книги, по желанію заказчика, высылаются **наложеннымъ платежомъ.** Въ другія страны — по полученіи стоимости заказа. **Деньги могутъ быть посылаемы въ любой котируемой на Берлинской биржѣ валютѣ.**

Пересылка считается **по себѣстоимости.**

Въ предѣлахъ Германіи книги высылаются бандеролями, а внѣ предѣловъ Германіи — заказными бандеролями.

Болѣе крупныя партіи могутъ быть, по желанію заказчика, высылаемы почтовыми посылками.

Г. г. книготорговцамъ — максимальная скидка.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

BERLIN SW 68 **LOGOS** **Markgrafenstr. 87**

BÜCHERVERTRIEB A.G.

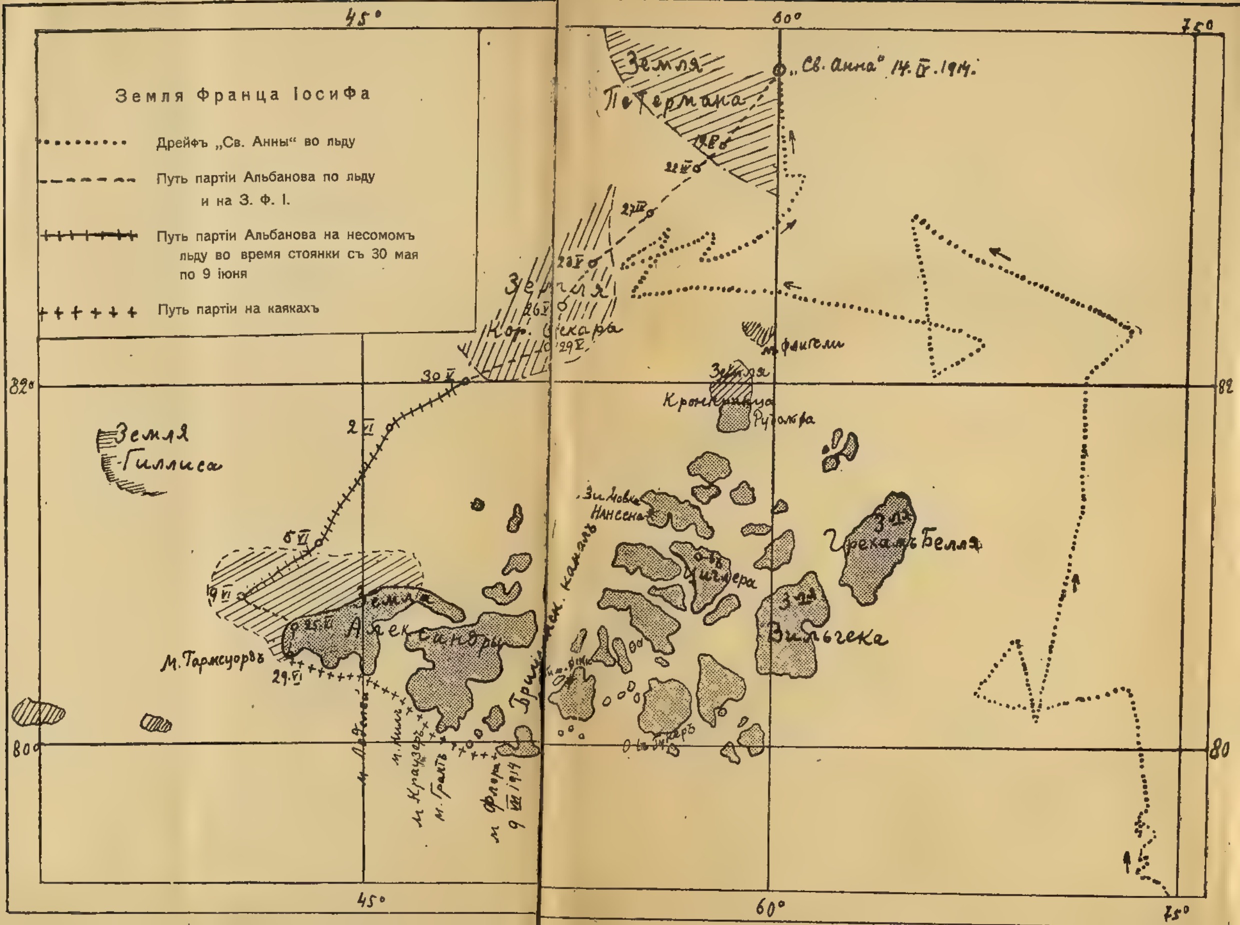
Telephon:
Dönhoff 5563, 5564

Telegramm-Adresse: Logoskniga

Postscheckkonto:
Berlin 137729

Druck: Max Mattisson, Berlin SW 68

АЛЬБАНОВЪ, Карта I


Земля Франца Іосифа
Дрейфъ „Св. Анны“ во льду
Путь партіи Альбанова по льду и на З. Ф. І.
Путь партіи Альбанова на несомомъ льду во время стоянки съ 30 мая по 9 іюня
Путь партіи на каякахъ
45°
60°
75°
82°
80°
„Св. Анна“ 14. IV. 1914.
Земля Петермана
Земля Кор. Оскара
Земля Гиллиса
Земля Александры
м. Тармсуоръ
м. Флора 9 VII 1914
Британск. каналъ
Зимовка Нансена
Земля Кронпринца Рудольфа
Земля Вильчека
Зичера
Греамъ Белля
м. Грантъ
м. Мэри Хармсуортъ
м. Краузеръ
м. Ниль
м. Флигели

Складъ изданія:
Книготорговое Акц. Общ. „ЛОГОС“
Berlin SW 68